

/ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

С. А. Михайлов, С. Б. Никонов

Международное право
и законодательство
иностранных государств
о СМИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2012



САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ



ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

Международное право
и законодательство
иностранных
государств о СМИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

КАФЕДРА
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ

С. А. Михайлов, С. Б. Никонов

Международное право и законодательство иностранных государств о СМИ

Учебное пособие

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2012

ББК 76.0-923

М 69

Р е ц е н з е н т ы: д-р экон. наук О. Л. Ким (С.-Петерб. ун-т
сервиса и экономики),
д-р экон. наук М. О. Потолюкова
(С.- Петерб. гос. ун-т)

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
и Учебно-методической комиссии факультета журналистики
С.-Петербургского государственного университета

Михайлов, С. А. Международное право и законодательство ино-
М 69 странных государств о СМИ: учеб. пособие / С. А. Михайлов,
С. Б. Никонов — СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, филол. ф-т,
2012. — 150 с.

ISBN 978-5-8465-1170-5

Учебное пособие предназначено для магистров изучающих курс «Международное право и законодательство иностранных государств о СМИ». Понимание сложившейся системы международного права, его роли, практики правоприменения и ментального отличия законодательства стран с различными правовыми системами необходимы журналисту-международнику в его повседневной работе.

Учебное пособие будет интересно студентам факультета журналистики, международных отношений, юристам и политологам, а также широкому кругу лиц, интересующихся становлением и развитием СМИ в государствах с различными правовыми системами.

ISBN 978-5-8465-1170-5

ББК 76.0-923

© С. А. Михайлов, С. Б. Никонов, 2012

© С.-Петерб. гос. ун-т, филол. ф-т, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Глава I. Правовые системы	12
§ 1. Становление основных правовых систем и их особенности —	
§ 2. Романо-германская правовая система	14
§ 3. Система традиционного права	19
§ 4. Система общего права	43
§ 5. Система социалистического права	51
§ 6. Конституционное развитие в государствах Европейского Союза	54
Глава II. Государство и информация	61
§ 1. Социально-правовые последствия глобализации информа- ционного пространства.....	—
§ 2. Информационная составляющая мировой политики	74
Глава III. Международное право	78
§ 1. Международное право в процессе регулирования инфор- мационных потоков	—
§ 2. Источники и принципы международного права	96
§ 3. Обзор законодательства о средствах массовой информа- ции зарубежных стран	112
 Использованная литература	 145

ВВЕДЕНИЕ

Бурные процессы трансформации общественно-политических отношений во многих странах мира неизбежно приводят к изменениям в законодательстве этих стран и к перестройке международных отношений. Естественно, все эти изменения существенно влияют на международный обмен информацией, правовые основы регулирования информационных потоков. Изменились и сами средства массовой информации (СМИ). Возросли их оперативность и эффективность, медиа-продукт стал интерактивным, а информационное пространство — глобальным.

Конституционное развитие стран Западной Европы отмечено в последние годы рядом знаменательных событий. После подписания и ратификации Маастрихтского договора политическая жизнь и законодательство европейских государств получили новый импульс к движению вперед. Создание «общего европейского дома» перестало быть утопией или только идеей великих политиков. Мир стал общим. Невозможно отгородиться «китайской стеной» от людей, которые живут в других государствах, других частях планеты. Необходимое международное взаимопонимание требует по-новому взглянуть на протекающие в мире процессы, на тот опыт, который выработало человечество на пути создания единой Европы.

Принято считать, что работа журналиста-международника состоит из двух элементов — работы журналиста и одновременно специалиста в области международных отношений. Журналист должен обладать умением слушать и слышать, анализировать, писать, говорить. Причем все эти навыки должны накладываться на знание страноведения, правоведения, политологии и дипломатии. Глубокое изучение экономической, физической и политической географии, истории становления и развития международных отношений — все это становится необходимым атрибутом профессии.

Журналист-международник должен осознавать, что одно предложение, иногда даже одно слово, которое неверно или неточно истолковано, может нанести урон репутации страны, урон незаслуженный и зачастую совершенно нежелательный, особенно если это случилось перед началом или во время международных переговоров. Это может не только сорвать переговоры, но и настроить общественность против дальнейшего сотрудничества. 30 сентября 2005 г. датская газета «Юландс-Постен» тиражом 150 тыс. экземпляров напечатала 12 карикатур под названием «Лики Мухаммеда». На одном из рисунков Мухаммед носит тюрбан в форме бомбы с зажженным фитилем. Другая карикатура изображает мусульманского пророка в образе кочевника с ножом в окружении двух женщин, закутанных в черные одеяния. 14 октября 2005 г. состоялся первый пикет мусульман перед издательством «Юландс-Постен» в Копенгагене. Некоторые мусульманские страны отозвали своих послов и объявили бойкот товарам из Дании. В декабре 2005 г. Организация Исламская Конференция (ОИК) обратилась в Комиссию ООН по правам человека с просьбой привлечь к расследованию фактов «неуважения религии» экспертов по расизму. 31 января 2005 г. главный редактор «Юландс-Постен» принес официальные извинения за публикацию карикатур, однако с оговоркой, что скандальные публикации не расходятся с датскими законами. С комментариями выступили и премьер-министр Дании Андерс Фог Расмуссен и другие официальные лица. Они выразили сожаление по поводу публикации карикатур, но дали понять, что извиняться за действия независимых СМИ и

тем более наказывать авторов карикатур датское правительство не намерено. После того, как рисунки распространились в Интернете и 10 января 2006 г. попали на страницы одной из норвежских газет, страсти стали еще больше накаляться. Мусульмане взломали около 2500 западных интернет-сайтов. В мусульманских странах проходили массовые забастовки и акции протеста. В январе 2006 г. карикатуры на пророка начали перепечатывать одна за другой европейские газеты.

К концу февраля 2006 г. карикатуры были перепечатаны более чем 140 изданиями в 56 странах.

Конфликт вокруг публикации карикатур на пророка Мухаммеда превратился в принципиальное противостояние. Приверженцы ислама, запрещающего любые изображения пророка, все агрессивнее требуют от светского Запада покаяния. Правительства европейских стран ограничиваются выражением сожаления, а журналисты продолжают публиковать скандальные рисунки, отказываясь поступиться свободой слова.

История с карикатурами на теракты в московском метро, в результате которых погибли 40 человек, началась с публикаций в южнокорейском издании «Корея Таймс». После критики со стороны российского МИД газета принесла официальные извинения. Об этом на брифинге рассказал официальный представитель МИД Александр Нестеренко. Текст брифинга опубликован 4 апреля 2011 г. на сайте министерства (URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf). Речь идет о газете (Aujourd'hui le Maroc). По словам Нестеренко, факт публикации карикатуры заметило посольство России в Марокко, после чего в редакцию издания было направлено официальное письмо. Получив послание, газета опубликовала статью, в которой выразила осуждение терроризма во всех его проявлениях и заверила «российских друзей в сочувствии и сопереживании», рассказал представитель МИД. Позднее российское внешнеполитическое ведомство обнаружило карикатуры на ту же тему в журналах Бельгии и Индонезии. Бельгийское издание извиняться отказалось, так как, по мнению редакции, опубликованный рисунок на тему взрывов в московском метро являлся не карикатурой, а напоминанием о бессмыс-

ленности террористических атак. О реакции индонезийской газеты не сообщалось.

Стоит отметить, что карикатуры в газетах появлялись не только в связи с терактами в России, но и по поводу других трагических событий. 10 апреля 2010 г. бельгийская газета «Газет ван Антверпен» опубликовала статью о гибели польской делегации во главе с президентом страны Лехом Качиньским, которая сопровождалась рисунком, вызвавшим резкую критику со стороны Польши. На карикатуре на фоне польского флага был изображен национальный символ Польши — орел, — разбившийся о землю. Рисунок дополнялся фразой «Орел приземлился» (The Eagle has landed). Впоследствии главный редактор издания принес официальные извинения в связи с публикацией карикатуры. Журналист, который зачастую, особенно если он работает давно и имеет весомый авторитет, служит единственным связующим звеном стран-элементов в каком-нибудь межнациональном конфликте, должен постоянно помнить о необходимости соблюдения чести и достоинства как себя, так и своего СМИ, а, также и той страны, про которую он пишет и в которой он пишет.

Исходя из того, что в условиях глобального информационного пространства, под которым понимается информационная открытость, журналист-международник обязан [Никонов, 2006]:

- обеспечивать информационную безопасность государства;
- формировать позитивный внешний имидж государства как демократического и правового;
- ориентировать электорат на создание и поддержание цивилизованных правил политической игры;
- понимать свою историческую миссию;
- быть независимым в принятии решений как в своем государстве, так и в отношениях с другими странами и международными институтами.

Специализация журналиста-международника требует понимания базовой терминологии международной журналистики, международного права и власти.

Международная журналистика как дисциплина — раздел журналистики, изучающий международные аспекты деятельности

журналистов и средств массовой информации, их влияния на формирование международных отношений и власти; освещающая деятельность международных и региональных политических организаций при соблюдении разработанных правовых и этических норм сбора, создания, обработки, хранения и распространения информации посредством существующих медиаканалов.

Необходимо отграничивать от международной журналистики сходный по содержанию такой раздел журналистики, как зарубежная журналистика. Если зарубежная журналистика в основном изучает национальные (региональные) медиакультуры, их формирование и деятельность под влиянием изменения политических реалий, то международная журналистика изучает возможность формирования политики государств, апробации их внешнеполитических и внутривнутриполитических способов формирования общественного мнения. В любом обществе взаимоотношения средств массовой информации и власти является ключевым. Исходя из необходимости определения места международной журналистики в системе глобального мира, знание политологических и правовых основ для журналиста-международника становится одним из базовых.

Ключ к пониманию политических институтов, политических движений и самой политики дает понимание термина «власть». Определение власти, представление о ее сущности и характере имеет важнейшее значение для понимания природы политики и государства, позволяет выделить политику и политические отношения из всей суммы общественных отношений [Амелин, 1991, с. 3–15].

Власть — это специальный политический институт, который упорядочивает отношения и поведение гражданина и общества. Политическая власть определяет воздействие на поведение масс, групп, организаций с помощью средств, которыми обладает государство. Политическая власть носит не лично-непосредственный, а общественно-опосредованный характер. Российский ученый И. А. Носков отмечает, что в отличие от правовой власти, регулирующей отношения между конкретными субъектами, политическая власть мобилизует на достижение целей большие массы людей, регулирует отношения между группами во время стабильности, общего согласия [Учит. газета. № 6 (9983)].

Международная журналистика, как и политология, изучает проблемы политического господства и правления, господства и сотрудничества, формирования власти и политического неравенства, механизмы правления в рамках различных государств.

В политической литературе существуют многочисленные определения власти.

Например, Т. Гоббс считал, что власть — это средство достичь блага в будущем, и сама жизнь есть вечное и неустанное стремление к власти, прекращающееся лишь смертью (URL: <http://grachev62.narod.ru/hobbes/chapt17.htm>). М. Вебер определял власть как возможность осуществить свою волю вопреки сопротивлению других [Вебер, 1990, с. 84]. Э. Гидденс утверждает, что обладание властью означает способность менять порядок вещей [Гидденс, 1992, с. 78–107].

Г. Лассуэлл и А. Каплан в книге «Власть и общество» подчеркивают, что власть есть участие в принятии решений [Lasswell, Kaplan, 1950]. Для Т. Парсонса власть — это система ресурсов, с помощью которых достижимы общие цели [Parsons, 1963, р. 37–62]. Р. Арон считает, что власть — это потенция, которой владеет человек или группа для установления отношений с другими людьми или группами, согласными с их собственными желаниями [Арон, 2003, с. 156–192]. Б. Рассел определяет власть как производство намеренных результатов [Russel, 1986, р. 19–27].

Несмотря на различия в подходах ученых к определению сущности власти, она занимает одно из важнейших мест в структурировании информационной сферы, частью которой является международная журналистика.

Предлагаемое учебное пособие рассматривает понятие и формирование международного права, особенности становления различных основных правовых систем, особенности регулирования информационных потоков в государствах с различными правовыми системами. Для лучшего понимания проблем регулирования информационных потоков даны общие сведения отношения СМИ и власти, участия СМИ в глобальном информационном обмене.

Правовые системы

§ 1. СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Сравнение правовых систем соседствующих государств — дело настолько давнее, как и сама правовая наука. Изучение 153 конституций греческих и варварских городов лежит в основе трактата Аристотеля о политике. В Средние века сравнивали римское право и право каноническое, а в Англии в XV в. обсуждали достоинства того же канонического права и общего права. Наконец, Монтескье стремился путем сравнения изучить дух законов и определить принципы хорошей системы правления [см.: Давид, Жоффере-Спинози, 1998].

Можно привести еще множество примеров из прошлого, но тем не менее развитие сравнительного права как науки относится к недавнему времени. Только в последние сто лет важность сравнительного права была признана, его методы и цели систематически изучались и сам термин сравнительное право вошел в научный оборот.

В сжатом виде можно выделить три основные позиции, раскрывающие значение сравнительного права. Оно полезно для изучения истории права и его философского осмысления, для национального права, для взаимопонимания народов и создания лучших правовых форм отношений, складывающихся в международном общении.

После Монтескье, которого иногда называют отцом сравнительного права, стало модным создавать широкие историко-философские картины развития права. Для этой цели использовались данные о праве других народов. Начиная с обычаев примитивных племен, юристы с восхищением исследовали право наиболее развитых стран. Мэн в Англии, Колер в Германии — наиболее видные представители этого направления. Первая кафедра сравнительного права была создана в Колеж де Франс в 1831 г.

Сравнительное право дает возможность лучше узнать национальное право и совершенствовать его. В наше время законодатели обращаются к помощи сравнительного права для обеспечения стабильности правопорядка и в том случае, когда хотят посредством новых законов преобразовать общество.

Правовая наука сама по себе транснациональна. То, что издано, написано или применено в одной стране, может оказать влияние на толкование законов в другой.

Много веков идея унификации права называлась химерой. Но время расставило все на свои места. При осуществлении международной унификации права речь не идет о замене различных национальных правовых систем единым образным наднациональным правом, принятым в мировом масштабе.

В современном мире каждое государство имеет свою правовую систему, а бывает и так, что в одном и том же государстве действуют несколько конкурирующих между собой правовых систем.

Есть еще один вид правовой системы, который имеет негосударственные общности, — международное право. Его следует отличать от права международных договоров. В мире существует большое количество правовых систем, и их возможно сгруппировать в отдельные правовые семьи. Первое и, может быть, основное отличие правовых систем заключается в судебном контроле за конституционностью законов. Хотя Соединенные Штаты Америки, как известно, ставят национальное законодательство выше норм международного права, а Россия отдает приоритет международному праву над национальным, но в обоих государствах такой контроль существует.

Если говорить о сравнительном праве, то необходимо определиться с понятием права, которое является не только совокупностью норм. Право — значительно более сложное явление, выступающее как система.

После Второй мировой войны, когда прошел территориальный передел мира, стали выделять четыре основные группы правовых систем:

- романо-германскую правовую систему;
- систему общего права;
- систему социалистического права;
- систему традиционного права.

Как это ни прискорбно, но в настоящее время невозможно говорить о построении в России и бывших союзных республиках каких-либо определенных правовых систем. Амбиции политиков уничтожают сложившуюся систему, а взамен не предлагают ничего нового.

§ 2. РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА

Датой, когда с научной точки зрения появилась система романо-германского права, считается XIII в. До этого времени существовали лишь ее элементы, которые носили характер обычного права. Римская империя знала блестящую цивилизацию, и римский гений создал юридическую систему, не имеющую аналогов в мире.

Лишь после принятия варварами христианства возникла необходимость сближения правовых систем, т. е. сближение права варваров и римского права. В основном это было связано с возрождением Европы. Новое общество почувствовало необходимость новых регулирующих начал, так как право сильного, которым пользовались до этого момента (пользуются и сейчас) перестало удовлетворять общество.

Церковь одной из первых стала отличать право христианское от права гражданского, или светского. Идея, что общество должно подчиняться законам, не ново. Римское право допускало это.

Но возвращаться к римскому праву в тот момент было слишком революционным шагом. Дважды нельзя войти в одну реку, так и право, как и любая наука, положило римское право лишь в основу и на этот остов надевало лепестки новых ветвей.

Философы и юристы, как наиболее прогрессивная часть общества, понимали, что режиму анархии и произвола, царившему веками, должен быть положен конец. Основным источником, откуда распространились новые идеи, стали возникшие в Западной Европе очаги культуры — в основном университеты. Первым и наиболее известным был Болонский университет в Италии.

В то время не преподавали «практическое право». Студенты обучались методам, позволяющим создавать самые справедливые нормы, которые соответствовали бы морали и нравам, царившим в обществе в то время. Речь идет об общем праве университетов. Право того времени — модель социальной организации. Ни один университет не мог взять за основу местные обычаи, так как в глазах ученых это не могло считаться правом ввиду неавторитентности перед другими обычаями, хаотически применяемыми в различных странах Европы.

В противовес разнообразию и несовершенству обычаев существовало право, которое в глазах ученых являлось эталоном порядка. Это было римское право. Учитывая, что римское право является базовой наукой и преподается отдельным предметом, мы не будем останавливаться более подробно на его структуре.

Наиболее интересна и полезна, по мнению современных ученых, и оставившая заметный след в юридической науке школа глассаторов, стремившихся установить первоначальный смысл римских законов. К тому времени многие кодификации Юстиниана были забыты либо потеряли какое-либо значение. Итогом работы школы глассаторов стал обобщающий труд Аккурсия, в который вошло около 96 тыс. глосс.

Далее следует эра постглассаторов. Она знаменита тем, что произошла очистка римского права и его модернизация. Теперь римское право стало основой торгового, международного права. Существенное место занимали также попытки опереться на «общее мнение сведущих» (*communis opinio doctrum*).

Университеты, в которых возрождалось изучение римского права, предлагали вновь ввести его в действие. Но юристы того времени предлагали и другое решение: на основе римского права создать новое с особенностями действующих обычаев, на основе судебной практики. Возникла дилемма: можно взять полностью готовое право и принять его; но можно было создать что-то совсем новое [Rivero, 1964, p. 457–469].

Известно, что Англия пошла по пути создания права, основываясь именно на решениях судебной практики и обычаев. Для остальной Европы этот путь был неприемлем, так как не позволял рассматривать право под углом морали политики. В странах континентальной Европы, в отличие от Англии, было принято решение, предложенное университетами. Отсюда и берет свое начало романо-германская правовая семья. В эту группу входят страны, в которых способы создания позитивного права и его содержания испытали сильное влияние университетского права.

В отличие от того, что произошло в Англии, процессуальные факторы не только не помешали, а наоборот, способствовали романизации права в Западной Европе. Утвердилась новая форма процесса, не устная, а письменная. Ее появление повлекло серьезные реформы в судебной организации. Отправление правосудия становится делом юристов, получивших университетское образование на основе римского права.

Распространение общего для всех права происходило в той части, в какой принимались те или иные исключения и дополнения римского права на основе обычаев. Обычаи — это право традиций определенных обществ. Во Франции, например, римское право было принято в качестве «писаного разума» в силу его авторитета. Там распространение римского права тормозилось наличием особой процедуры, которая позволяла суду найти обычную норму, подлежащую применению. В начале XIV в. во Франции был создан Большой королевский Суд — Парижский парламент, который был способен выполнить задачу подбора обычных норм под нормы римского права.

Швейцарские кантоны, Германия и Испания использовали римское право как право действия, а в Кастилии и Леоне, например, римское право действовало, как право «писаного разума».

Создавшиеся в XIII–XVIII вв. в разных странах официальные и частые компиляции преследовали цель фиксации обычаев. С одной стороны, простая фиксация обычаев тормозила развитие римского права, с другой стороны — применяла систему сравнительного права, что помогало римскому праву закрепить свои позиции. Кастильский король Альфонс X Мудрый вернулся к испанской традиции «Книги судей» и хотел примирить нормы обычного права Кастилии, с одной стороны, и нормы римского и канонического права, проповедуемые церковью, — с другой.

Простое желание представить обычай в качестве общерегионального приводило к результату, когда приходилось отбрасывать частности местного характера. При выборе решений отдавалось предпочтение решениям, более соответствующим римским нормам.

Если говорить о регулировании информационных потоков, то уже в Древнем Риме существовали правовые основы такого регулирования. Как считают многие ученые (швейцарский историк массмедиа Р. де Ливуа), «протожурналистика» берет свое начало в древнеримских «Анналах», так называемых понтифекс максимус (анналах жрецов), которые существовали почти с основания Рима. Они являлись чем-то вроде «газеты-ежегодника». Впоследствии, в I в. до н. э., наряду с правительственной публикацией «Акта сенатус» («Дела сената»), появились и «Акта публика» («Общественные дела»), имевшие более частую периодичность. При Юлии Цезаре «Акта публика» превратилась в ежедневную публикацию «Акта дьюрна попули романи» («Ежедневные дела римского народа»). Это издание повсеместно продавали, расклеивали наподобие афиш, посылали в провинцию и в армию. По инициативе и требованию Цезаря выпускалась также еженедельная газета «Комментариус рерум новарум» («Записки о новых событиях»), которую тиражировали 300 рабов-переписчиков, ежедневно делавших по 5 экземпляров-копий. Суммарный тираж этого издания достигал 10,5 тыс. экземпляров. В 434 г. н. э. Кодекс Юстиниана установил статус профессии журналиста [Сokolov, Виноградова, 1997, с. 7–9].

В средневековой Франции в каждом монастыре был монах, ответственный за ведение «хроник» — прародителей французской периодики, главным центром которых сделалось аббатство Сен-Дени. «Анналы» переписывались, переходили из монастыря в монастырь. Эти «анналы», взятые вместе, создают событийно-хронологическую летопись средневековой Франции. Постепенно монастыри стали терять монополию в книгописании, а задачи обучения чтению и письму стали переходить к школам и университетам. Интересно отметить, что Парижский университет, являвшийся центром просвещения во Франции, получил от короля цензорские полномочия в книжной сфере и в 1275 г. обязал книгопродавцев принести присягу, что они будут соблюдать определенные правила при купле-продаже рукописей. Вообще, цензура как право правительства осуществлять контроль над издательской деятельностью существовала в той же Франции задолго до книгопечатания. Так, в 1121 г. совет графства Суассон приказал сжечь документ, касающийся католического монашеского ордена Святой Троицы только потому, что составитель разрешил снять копии с него без предварительного разрешения на это папы или церкви.

Конечно, была достаточно строгой и цензура церкви, но регулирование информационных потоков в основном контролировалось государством. Так, 10 октября 1534 г. в Париже были публично сожжены книги Лютера, а 19 октября та же участь постигла книготорговца, их продававшего; 13 января 1535 г. король Франциск I издал указ о запрещении под страхом смертной казни печатать любые книги на территории королевства; в 1545 г. вслед за изданием первого французского индекса запрещенных книг был введен запрет на ввоз книг из Женевы и других городов Европы. В 1613 г. Людовик XIII создал специальный Цензурный комитет и предписал типографам и авторам представлять канцлеру и хранителю королевской печати рукописи для предварительного просмотра [Соколов, 1996, с. 9–11]. Правовое регулирование информационных потоков в упрощенной форме являлось самой обыкновенной цензурой. Но в каждой стране оно развивалось по-своему.

§ 3. СИСТЕМА ТРАДИЦИОННОГО ПРАВА

Исламское право. Переплетение права и религии — основная черта исламского права. Исламское право, в отличие от рассмотренных выше правовых систем, по мнению части европейских юристов не является отраслью науки. Мы же попытаемся представить его в ином свете, полагая, что исламское право можно и нужно рассматривать именно как отрасль науки. Исламское право — это одна из сторон религии. Это право устанавливает догмы и уточняет, что:

- во-первых, мусульманин должен верить;
- во-вторых, шариат предписывает верующим, что они должны делать и чего не должны.

Шариат означает в переводе с арабского «путь следования». Именно он составляет исламское право. Это право указывает мусульманину, как он должен поступать в том или ином месте и при тех или иных обстоятельствах. Хотя шариат основан на идее обязанностей человека, в нем отведено место и для понятия права. Исследователи исламского права полагали, что мусульманин не различает обязанностей перед богом и себе подобным. Но исламские правоведы с этим категорически не согласны. С одной стороны, признаются только определенные границы обязанностей (бог возлагает на каждого человека то, что он может нести), с другой — уточняется объем прав, признаваемых за гражданином. Отличие исламского права от иного, рассмотренного нами выше, заключается в том, что исламскими юристами не просто провозглашены моральные нормы, которые часто копируются европейцами, но и строго ими соблюдаются. Исходя из божественных откровений, была создана целая система очень детализированного права, права идеального общества, которое установится в один из дней на всей планете. Можно как угодно относиться к такой идее, но в душе каждого человека, независимо от его религиозных убеждений, живет такая надежда. Ислам по своей сущности — это религия закона.

Наука исламского права, или, точнее, доктринальное изложение исламских законов (фикх), имеет два раздела. Она изучает

«корни» и объясняет, каким образом, исходя из каких источников, возник комплекс правил, составляющих шариат — божественный закон. Кроме того, она изучает «содержание», т. е. решения, которые содержат нормы материального мусульманского права.

Исламское право имеет четыре источника права:

- Коран — священная книга ислама;
- Сунна, или традиции (под традициями понимается образ жизни пророка Мухаммада), связанные с посланцем аллаха;
- иджма, или единое соглашение признанных исламских ученых;
- кияс, или суждение по аналогии.

Суннитские школы. Одной из суннитских школ является ханефитская школа, основанная учеником Куфа в Ираке — Абу Ханифом, родившимся в 80 г. хиджры. Учитывая, что летоисчисление исламского календаря отличается от европейского, необходимо отметить это отличие.

Начало исламского летоисчисления связано с реальными историческими событиями из жизни пророка Мухаммада. Начало его проповеднической деятельности относится к 610 г. н. э., а исламское летоисчисление начинает отсчет с переселения пророка из Мекки в Ясриб вследствие гонений, которым мусульмане подвергались со стороны язычников. Переселение мусульман происходило постепенно, и последним переселенцем стал пророк Мухаммад. Прибытие пророка в Ясриб (Медину) относится к 12 раби аль-авваля (24 сентября) 622 г., а 1 г. хиджры соответственно начался 1 мухаррама (16 июля) 622 г. Начало каждого месяца исламского календаря определяется лунными циклами. Год исламского календаря состоит из 354 и 355 дней, а сами месяцы составляются из 29 или 30 дней. Поэтому по сравнению с солнечным календарем в исламском календаре ежегодно происходит сдвиг назад на 10 дней.

Хиджра — эмиграция, переселение. Следовательно, основатель суннитской школы родился через 80 лет со дня переселения мусульман, о котором мы говорили. Для понятия летоисчисления дадим следующее сравнение. 5 апреля 2000 г. — последний

день 1420 г. по хиджре, а 6 апреля 2000 г. наступил 1421 г., т. е. в настоящее время, если брать летоисчисление по исламскому календарю, идет только XV в.

Школа Абу Ханифа характеризуется относительной рациональностью в методах исследования отдельных предписаний и большой осторожностью в использовании традиций. Ханефизм проник из Ирака в Египет, Сирию, Персию, Индию, Китай и в Центральную Азию. Сегодня он превалирует в Турции, в мусульманских республиках бывшего СССР, а также Сирии, Афганистане, Пакистане, Индии, Бенгалии.

Другая суннитская школа — школа Малекита. Ее глава Малик Ибн Анас родился в 93 г. по хиджре. Маликизм, учитывающий общий интерес и законченность религиозного закона, считается школой наиболее уважающей обычай Медины.

Эта школа была распространена в Египте, Магрибе, Судане, Кувейте, Катаре, Бахрейне, в Арабских Эмиратах и на части восточного побережья Аравийского полуострова. Малекизм встречается сегодня в странах Западной Африки.

Суннитская школа ханефитов была создана Эль Ханефи (родился в 150 г. хиджры). Его теория источников права следует религиозному идеалу. Ханефизм имеет сторонников в Пакистане, Адене и на юге Аравийского полуострова. С ним можно встретиться в Палестине, Египте, Индонезии, Малайзии, на Цейлоне, Филиппинах, в Индии, в Восточной Африке.

Ханбализм — по имени его основателя Ахмада Ибн Ханбала, родившегося в 164 г. хиджры, считается наиболее строгой из школ в связи с чрезвычайной привязанностью к традициям. Ханбализм распространяется только после IV в. хиджры, в Египте только после VI в. Сегодня ему следуют в Саудовской Аравии и в нескольких местностях Ирака и Сирии.

Шиитские школы. Противоположностью суннитской школы является шиитская школа. Среди не суннитских школ можно назвать школу Джа-Фарита, основанную Саадеком Аль Джа, родившимся (так же как и основатель суннитской школы Абу Ханиф) в 80 г. хиджры. Это так называемая шиитская школа. Его последователи опираются только на традиции имамов (которых

у них 12), выходцев из семьи пророка. Не переставая исповедовать ихтихад, шииты джафаритской школы противостоят другим направлениям в вопросе халифата. Джафаризм доминирует в Ираке и Иране, также распространен в Ливане, Египте, Азербайджане.

Школы исламского права различаются между собой по многим деталям, но их принципы остаются общими. Назовем одно из отличий, которое европейцу может показаться незначительным, а для мусульман является отличительным признаком принадлежности к той или иной школе. В некоторых местах, осуществляя намазы (молитвы), мусульмане держат руки на животе, в других местах опускают руки на землю.

Основой исламского права, как и всей мусульманской цивилизации, является К о р а н, состоящий из высказываний Аллаха. Коран, бесспорно, первый источник исламского права. Между тем содержащиеся в нем положения юридического характера явно недостаточны для того, чтобы регламентировать все отношения, возникающие между мусульманами, отдельными фундаментальными учреждениями ислама, которые в Коране даже не упоминаются. Юридические положения Корана находятся в правовых строфах. Юристы различают параграфы (айя), касающиеся «гражданского права», айя уголовно-правового характера; айя, регламентирующие судебную процедуру; «конституционные» айя; айя, касающиеся экономики и финансов; айя, касающиеся международного права.

С у н н а — «обычай», «пример». По-арабски полная форма: сунат расул Аллах — «сунна посланника Аллаха». Сунна, например, жизни Мухаммада — образец и руководство для всей мусульманской общины и каждого мусульманина, источник знаний для решения проблем жизни человека и общества. Сунна состоит из поступков Мухаммада, его высказываний и невысказанного одобрения. Молчание — знак согласия. Сунна передавалась устно сподвижникам Мухаммада и была зафиксирована в виде хадисов (рассказов). Сунна является следующим после Корана источником шариата. Сунна объясняет Коран и дополняет его. Традиционалисты (следующие примеру жизни пророка Мухаммада)

считают следование Сунне главным содержанием жизни мусульманина. Обучение Сунне — важная составная часть исламского права; знание Сунны — один из главных критериев для признания авторитетности факиха, его права быть имамом. Противоположностью Сунны считается бид-а (нововведение). Например, никогда нельзя специально прийти на кладбище и читать Коран, однако те, кто проповедует бид-а, делают это. Сунниты (ахл ас сунна ва-л-джамаа) противостоят шиитам, внесших в ислам, по их мнению, недозволенные новшества. После смерти Мухаммада Сунна позволяла решать практические вопросы жизни общины, поэтому значение ее было очень велико.

И ж т и х э д. Исламские юристы разработали мусульманское право, стремясь обосновать решения, вытекающие из Корана или Сунны. Но они не смогли избежать абстрактного восприятия феномена права. Ижтихэд — это систематизация интеллектуальных методов легитимации поисков таких решений, новых ситуаций, которые не противоречили бы общим принципам, содержащимся и вытекающим из первоисточников — Корана и Сунны. Это концепция соотношения откровения (Коран-Сунна) и человеческого разума. Применяемые в определенных условиях коллективные права (ижтихэд), предназначенные для принятия правового решения, приводят к ижма.

Рассуждения, носящие индивидуальный характер, возможны только при соблюдении метода к и я с (суждение по аналогии). Только тогда рассуждение не остается просто личным мнением (раи), не имеющим юридической значимости. Поясним, рассуждения юриста должны подкрепляться словами Корана. То есть то, что говорит юрист и не подкрепляет источником исламского права, остается лишь его личным мнением (раи).

И ж м а считается третьим источником исламского права. По единодушному мнению докторов права, ижма используется для углубления и развития легального толкования божественных источников. Легитимированная своей связью с Кораном и Сунной, ижма приобрела силу только после смерти пророка и при наличии ряда условий. Ижма может быть четко выраженной или предполагаемой, но сила последней гораздо ниже.

Для того чтобы норма была основана на ижме, необязательно, чтобы масса верующих признала ее. Ижма не имеет ничего общего с обычаем (орф). Требуемое единство — это единство компетентных лиц (фукаха). В европейском праве имеется аналогичное выражение, о котором мы уже говорили выше — «мнение сведущих». Их единогласное мнение придает правовому решению силу закона. Коран, Сунна, ижма, кияс — источники исламского права.

Историческое развитие исламского права, взаимоотношения стран, имеющих это право, с европейскими государствами приводят к так называемой вестернизации права. Но корни, его историческое развитие остаются главенствующими и в настоящее время.

Основанное на Коране исламское право следует рассматривать как систему, совершенно независимую от всех правовых систем, не имеющих того же источника. Сходство с другими системами, которое может наблюдаться в решениях по тому или иному вопросу, можно объяснить только простым совпадением. Ни в коем случае нельзя говорить о каких-то заимствованиях мусульманским правом иностранных идей и положений.

Талак — развод — самый распространенный вид расторжения брака. Этот развод предписывает полное освобождение жены от всех супружеских обязанностей при произнесении мужем особой формулы развода (талак). При этом за женой сохраняется имущество, полученное ею от мужа (махр), муж обязан содержать ее до окончания срока воздержания (идда), после чего она снова может выйти замуж. Если форма развода была произнесена трижды, брак может быть возобновлен только после еще одного замужества бывшей жены, когда она получит развод или станет вдовой. Если форма развода была произнесена девять раз, брак не может быть возобновлен ни при каких условиях. Дети остаются с матерью, а отец обязан давать им содержание [Makdisi, 1990].

В традициях исламского права большое внимание уделяют информации во всех ее проявлениях. Так, еще в «достоверных хадисах», узаконенных в IX в., содержится запрещение изображать живые существа и особенно человека. Богословы XI–XIII вв. (Га-

зали и др.) эти изображения считали тягчайшим грехом. Именно в этом кроется высочайшее искусство восточного орнамента и расцвет в странах Ближнего и Среднего Востока, Магриба книжной миниатюры. Исламское право оказывало и оказывает мощное влияние на журналистику мусульманских стран¹.

Индуское право. Следующая система традиционного права — индуское право. Не следует путать: это не право Индии, так же как право мусульманское не то же самое, что право государства с мусульманским населением. Индуское право — это право общины, которое в Индии и других странах Юго-Восточной Азии исповедует индуизм. Так же как ислам, индуизм обязывает своих последователей к определенному пониманию мира, помимо принятия на веру определенных догм. Рассматривая индуское право, необходимо последовательно определить его происхождение, рассмотрев право индульской общины, а затем индуское право как право национального государства.

Цивилизация Индии отлична от христианской или исламской цивилизации. Для мусульман и евреев основным является принцип Священного писания, согласно которому все люди равны перед богом, по образу и подобию которого они созданы. Индуизм не знает этой фундаментальной концепции. Для него человек — просто абстракция. Имеются лишь люди, разделенные с момента рождения на социальные иерархические категории, каждая из которых имеет свою систему прав и обязанностей. Нормы, говорящие о поведении людей, изложены в книгах, именуемых «шастры». Имеются шастры трех видов, ибо мир покоится на трех основах, и поведение людей можно определить тремя силами: добродетелью, удовольствием, интересом. Одни шастры учат, как себя вести, чтобы быть угодным богу. Это наука дхарма. Другие шастры учат, как разбогатеть и искусству руководить. Арта — наука пользы и политики. Третьи шастры развивают науку удовольствий. Это наука — Кама.

Все три шастры легитимны и, естественно, необходимо, чтобы люди соблюдали их. При этом каждый должен вести себя так, как это определено его касте или социальному положению.

¹ См. работы Хашема аль-Тавила, Ахмеда аль-Тавальби и др.

Брахман должен вести себя в соответствии с дхармой, правители и торговцы — артхмой, а женщины, у которых нет послесмертной судьбы — в соответствии с камой.

Дхарма имеет приоритет, но это не означает, что она выражение индусской морали. Дхарма, скорее всего, простая модель, допускающая отклонения и требующая гибкости в духе реализма и терпимости, которые являются отличительной чертой индуизма.

Дхарма основана на веровании, что существует всемирный порядок, вытекающий из природы вещей, необходимой для сохранения мира. Причем сами боги являются хранителями этого порядка. Дхарма говорит о поведении людей, не различая религиозные и юридические обязанности. Например, она определяет, какому наказанию подвергаются за грехи, когда требуются жертвоприношения, когда необходимо подавать милостыню и каковы правила гостеприимства. Дхарма предписывает правителям посещать храм и обеспечивать общественную безопасность. Эти обязанности весьма строги и выполнение их обязательно, если человек не хочет покрыть себя позором в потустороннем мире. Обязанности варьируются в зависимости от поведения индивидуумов и возраста. Авторитет дхармы основан не на обычае, а на почитании тех, кто создал эти правила, древних мудрецов, которым дано было видение общественного порядка. Дхармы изложены в специальных трактатах, именуемых д х а р м а ш а с т р ы. Их очень много. Наиболее известны: законы Ману, законы Нарада, законы Яджнавалкья. Они были составлены между II в. до н. э. и III–IV вв. н. э.

От дхармы неотделимы и другие сборники — н и б а н д х а з ы, которые являются как бы комментариями дхармашастр. Цель нибандхаз — разъяснить часто неясный смысл дхармашастр, сделать их понятными простым людям. Даты составления нибандхаз где-то между XI в. и концом XVII в. Дхармашастры и нибандхазы очень многочисленны. В одной местности отдают предпочтение одним из них, в другой — другим. В индусском праве существуют две основные школы — Митакшара и Дайябхатга. Школа Дайябхага преобладает в Бенгалии и Ассаме, школа Митакшара — в Индии и Пакистане. По Яджнавалкья и законам Ману, нужно воздерживать-

ся от следования правилам поведения, установленным текстами, если общество не воспринимает это правило. Обычно правовые нормы исходят из условия места и времени и поэтому не связаны с божественным предписанием, лежащим в основе дхармы. Таким образом, позитивное индусское право является обычным правом, в котором в той или иной мере доминирует религиозная доктрина — индуизм; она определяет нормы поведения, в соответствии с ней изменялись или толковались обычаи. Обычаи весьма многообразны. Каждая каста следует своим обычаям. Собрание касты (панчаят) разрешает в местном масштабе все затруднения и споры, опираясь на общественное мнение. Собрание, решающее вопросы голосованием, имеет и эффективные меры принуждения. Наиболее строгой является санкция — отлучение от касты, так как жизнь в этом обществе не мыслится без принадлежности к той или иной группе.

В регламентации поведения индуса еще одними дополнительными факторами являются сознание и справедливость. Дхармашастры рекомендуют поступать, а судье судить по совести, если нет определенной правовой нормы по данному вопросу. Так, законы Ману рекомендуют прибегать в случаях, вызывающих сомнение, к «внутреннему удовлетворению» [Lingart, 1967, p. 198, 212–218].

Развитие индусского права прошло долгий путь. Мусульманское господство, которое установилось в Индии в XV–XVI вв., тормозило развитие индусского права. Суды применяли только мусульманское право. Обычное индусское право применялось тогда только панчаятами каст, но оно не могло развиваться и укреплять свое влияние посредством деятельности судебных и административных органов государства. Это право было лишь в сфере религии, приличий и нравов. Такое положение было, когда англичане в XVII–XVIII вв. установили господство над Индией — сначала фактически, а затем и юридически. В соответствии с политикой Англии, завоеватели Индии не стремились распространять на новых подданных действие английского права. Они не возражали против применения населением более знакомых норм права. Тем самым англичане признали за индусским правом приоритет при решении определенных вопросов и, одновременно, уравня-

ли мусульманское и индуское право при решении споров, которые не касались англичан. В принципе, признание индуского права это положительный момент в развитии становления индуского права. Желанию англичан уважать нормы индуского права препятствовало незнание этого права новыми хозяевами Индии, особенно в первые годы господства. Первоначально англичане полагали, что дхарма — действующее право Индии. Но англичане нашли выход из положения, и было принято решение, что английские судьи будут приглашать экспертов-пандитов, которые должны подсказывать им решение спора, основываясь на дхармашастрах и нибандхазах. Таким образом, роль английского суда до 1864 г. состояла в том, что он придавал исполнительную силу решению спора, подсказанному пандитом. Английские судьи не удовлетворялись ролью, которая состояла лишь в придании исполнительной силы решениям пандитов. Когда было сделано достаточное количество переводов книг дхарм, когда уже имелись сборники судебной практики, система изменилась, тем более что наука выявила и показала ошибку, которая была совершена в понимании характера и роли дхармы. Лишь треть или максимум половина дхармашастр были переведены на английский язык. Когда судьи стремились применять обычай, то они исходили из описанных обычаев в работах, написанных европейцами, которые не могли понять индуские обычаи во всей их сложности. Разнообразие этих обычаев и их подлинная роль не могли быть понятны юристам, привыкшим к идеям общего права. Английские юристы, в соответствии с их собственными методами, придавали судебным прецедентам такой авторитет, который за ними никогда не признавала индуская традиция. Иногда судьи сознательно изменяли индуское право, так как их шокировали его решения; они не отдавали отчета, что в индуском обществе эти решения были бы правильными. Необходимость применять английскую терминологию, малопригодную для понятий индуского права, — вот другая причина искажения индуского права. В Индии было введено английское доказательное право, что изменило условия применения индуского права. Но некоторые изменения индускими юристами восприняты положительно, на-

пример, то, что сын обязан оплатить долги отца. Судьи сумели в этих областях сохранить основные идеи индуcского права, сделав их более гибкими.

В период британской колонизации произошло ограничение сферы применения индуcского права. Индуизм придает каждому действию человека духовную ценность и считает, что он может регулировать все аспекты социальной жизни. Он устанавливает правила для всех возможных случаев жизни. Но эти случаи были сугубо узкими. Они затрагивали только внутрисемейные и кастовые проблемы, проблемы землепользования и наследства. По всем другим вопросам индуcское право еще не получило достаточного развития. Неуплата долга рассматривалась дхармой просто как грех. Британское завоевание прервало самобытный путь индуcского права. Индуcское право применялось в строго ограниченных сферах: наследование, брак, касты, религиозные институты. Вне этого круга действовали другие правила. Сами индуcы обнаружили стремление к реформам права, однако англичане очень сдержанно вмешивались путем законодательства в сферу действия индуcского права.

После провозглашения в 1947 г. независимости Индии, движение за модернизацию и унификацию индуcского права получило возможность развиваться без всяких ограничений. Всю систему судов возглавил новый орган — Верховный Суд Индии, тогда как раньше суды княжеств (Майсур, Хайдарабад, Траванкур и др.) никем не контролировались, если не считать весьма условного контроля со стороны Судейского комитета Тайного Совета. Верховный Суд получил право подтвердить, либо отменить судебные решения, принятые в период британского господства. Таким путем была выполнена работа по унификации индуcского права.

В законодательном плане была создана специальная комиссия для изучения вопроса о том, какие в целом законодательные реформы следует внести в право Индии. Таким образом, старые правила, в основном, были отменены. Конституция Индии отвергла систему каст. Ст. 15 Конституции Индии запрещает дискриминацию по мотивам кастовой принадлежности [Давид, Жоффере-Спинози, 1998]. Все вопросы, связанные с браком и разводом,

были закреплены в Законе о браке 1955 г. Брак в концепции индуизма — священный союз; он рассматривался традиционным индусским правом как дарение, совершенное родственниками жены родственникам мужа. От женщины, как объекта договора, не требовалось согласия на брак. Брак был нерасторжим, а многоженство разрешено. Все эти нормы отвергнуты новым индусским правом: многоженство запрещено, закон предусматривает развод и даже уплату алиментов. Кроме того, закон требует, чтобы имелось согласие на брак каждой стороны. Был установлен минимальный возраст вступления в брак. Однако новый закон касается только индусов, а не всех граждан Индии.

Три другие части Индусского кодекса (Закон о браке составляет его первую часть) посвящены несовершеннолетним и опеке (Закон о несовершеннолетних и опеке 1953 г.), усыновлению и алиментным обязательствам (Закон 1956 г.), наследованию (Закон о наследовании 1956 г.).

Закон о наследовании явился как бы вершиной движения изменения права, так как предоставил и женщинам определенные права. Согласно прежнему индусскому праву и в соответствии с религиозными установками, наследовали только лица, могущие приобрести какие-то блага покойного духовного порядка, и эта основополагающая идея индусского права исключала женщин из круга наследников, так как женщина, как мы говорили выше, не имеет послесмертной жизни. После 1953 г. в индусском праве появилась фигура — вдова умершего.

При этом если говорить об индусском праве, следует помнить, что одним росчерком пера невозможно изменить поведение людей. Культура Индии настолько древняя, что сбрасывать со счетов желание пользоваться традиционным правом будет искоренено не скоро. Законодатель не может за один день изменить привычки и мировоззрение, связанное с религиозными обычаями. 80% индусов, живущих в деревнях, вовсе не следуют новым законам, они продолжают жить так, как жили их предки; управление ими и правосудие осуществляется, помимо официальных органов, на основании традиционных и хорошо известных им норм.

Особое внимание необходимо уделить Конституции Индии. Она принята в 1950 г., содержит 395 статей и 8 приложений. Уже само существование данного документа отличает Индию от Англии, которая не является федерацией и не имеет писаной Конституции. Имеется так же отличие, хотя и менее значимое, от США.

Обе эти страны имеют федеральную структуру, но штаты Индии трудно сравнимы со штатами США уже по одному тому, что, в отличие от США, где язык цементирует единство страны, в Индии нет единого языка. Здесь в разных штатах признаны официальными 15 языков, относящиеся к четырем лингвистическим группам. Деление Индии на штаты, установленное Конституцией 1950 г., неоднократно модифицировалось. Сегодня в государстве 22 штата. В Индии говорят на 179 языках и 544 диалектах.

Конституция Индии установила, что хинди должен стать официальным языком страны. Это должно было произойти, согласно Конституции, в середине 60-х годов, но с оговоркой, что в области права произойдет позднее, к дате, которую установит парламент. Однако реальностью это не стало, и страна в языковом отношении более напоминает Европу, чем США. В Конституции Индии нет нормы, которая устанавливала бы, как это делает Конституция США, что компетенция штатов — правило, а в федерации — исключение. Конституция Индии перечисляет вопросы, отнесенные к компетенции федеральных органов (97 статей), штатов (66 статей), и вопросы, отнесенные к компетенции федеральных органов и штатов (44 статьи), потому что желательно, но необязательно решать эти вопросы единообразно. Федеральные власти Индии в большей мере, чем федеральные власти США, наделены правом вмешиваться в дела штатов в чрезвычайных обстоятельствах для поддержания мира и порядка и часто используют это право. Конституция 1950 г. отличается от Конституции США и тем, что она легко изменяема. В нее внесено уже более 40 модификаций. Контроль за конституционностью законов возложен на Верховный Суд Индии. В России такая обязанность лежит на Конституционном суде. Конституция Индии отличается от Конституции России и США. В ней иначе трактуется положение «перед законом все равны», поскольку она признает

специальный статус для некоторых категорий неимущих граждан, а так же некоторых каст. При этом из-под высказанного правила выходит около 40% населения.

Более чем трехтысячелетнюю историю индийской литературы открывают религиозные гимны — веды, содержавшие зачатки лирики, эпоса и драмы. Но уже в те времена существовали правила их исполнения. Эти правила и были прообразом созданной впоследствии разветвленной системы «управляемой информации». Например, до сих пор в Индии существует и пользуется популярностью древний театр теней, использующий традиционные сюжеты индийского эпоса. Конечно, все прочие атрибуты «цивилизации» с ее цензурой и ухищренными способами давления нашли свое место в истории Индии.

Китайское право. Традиционная для Китая концепция общественного строя, развивающаяся до XIX в. вне какого-либо иностранного влияния, полностью отличается от западной концепции. Ее фундаментальная идея — взаимодействие земли, неба и людей. Земля и небо подчинены неизменным законам, а люди — хозяева своих поступков, поэтому от того, как они ведут себя, зависит, будет ли в мире порядок.

Гармония, от которой зависит равновесие в мире и счастье людей, предстает в двух аспектах. Во-первых, как гармония между человеком и природой. Поведение людей должно соответствовать естественному порядку. Чтобы избежать эпидемии, неурожая, наводнения и землетрясения, следует учитывать расположение планет, время года. Правители должны особо подавать пример жизни в соответствии с естественным порядком, это их основная задача. Добродетель и мораль — более важные качества правителей, чем их практические познания. Во-вторых, гармония необходима в отношениях людей друг с другом. В общественных отношениях на первый план должны быть поставлены идея согласия и поиски консенсуса. Следует избегать осуждений, санкций, решений большинства. Несогласия должны растворяться, а не решаться. В основе всего должны стоять воспитание и убеждение, а не власть и принуждение.

Вследствие таких взглядов китайцы в принципе отрицательно относятся к нашей идее права с его строгостью и абстрактностью. Человек не должен настаивать на своих правах, поскольку долг каждого — стремиться к согласию и забывать о себе в интересах всех. К юристам китайцы относятся с недоверием, потому что, по их мнению, юристы создают препятствия в достижении компромиссов. Конкретное решение должно отвечать справедливому и гуманному чувству, а не быть втиснутым в рамки юридической схемы, например, возмещение вреда не должно ложиться непомерным грузом на плечи должника и вести его семью к разорению.

В представлении китайцев законы не являются нормальным средством решения конфликтов между людьми. Их полезная роль ограничивается тем, что они предлагают образцы поведения и предостерегают тех, кто повел бы себя антиобщественным образом. Однако речь не должна идти о буквальном следовании законам; при их исполнении и применении должна соблюдаться большая свобода усмотрения, а идеал в том, чтобы законы вообще не применялись и судебные решения не выносились.

Традиционная китайская концепция не отрицает права, но полагает при этом, что оно для варваров, для тех, кто не заботится о морали, для неисправимых преступников, наконец, для иностранцев, которым чужда китайская цивилизация. Согласно легенде, право (фа) изобрел варварский народ, называвшийся в XXIII в. до н. э. миао. Бог затем истребил этот народ. Китайское население прекрасно обходится и без права. Он не интересуется тем, какие нормы содержат законы, не обращается в суд и регулирует межличностные отношения так, как ему подсказывает смысл, следуя не праву, а соглашению и гармонии. Эту гармонию легко восстановить, потому что китайцы воспитаны так, что ищут причины конфликта не в злой воле или неспособности противника, а в своих собственных ошибках. В атмосфере, где каждый готов признать свои ошибки, людей нетрудно заставить пойти на уступки и согласиться на вмешательство посредника. Страх перед общественным мнением может придать этому согласию принудительный характер [Давид, Жоффре-Спинози, 1998].

Ряд факторов еще более усугубляет неприязнь к праву, главный из которых — плохая организация правосудия, что отнюдь не волнует власти.

В VII в. император Кан Ши открыто заявлял: «Число тяжб беспрерывно возрастет, если люди не будут бояться обращаться в суды, надеясь легко найти там справедливость... Половины наших подданных не хватит, чтобы решать споры другой половины. Поэтому я требую, чтобы с теми, кто обращается в суд, обходились безжалостно, так, чтобы они почувствовали отвращение к праву и тряслись от страха от одной мысли предстать перед судьей» [см.: Van der Sprenkel, 1962, p. 77]. Чиновник, на которого возложена обязанность вершить правосудие, весьма далек от тяжущихся, так как, по общему правилу, он приглашается на этот пост из другой провинции и поэтому плохо знает местные обычаи и наречие. Есть народная китайская поговорка: «Выигранный процесс — потерянные деньги».

Тип общества, который существовал в Китае и всячески подерживался в течение веков, соответствует тому, что предложило конфуцианство. Ячейка общества — это семья с иерархической организацией и почти абсолютной властью главы семьи. Община и само государство должны соответствовать этой модели семьи и избегать какого-нибудь значительного вмешательства в отведенный ей круг дел. Жителю общины полагалось строго следовать ритам, соответствующим статусу, который житель имеет в общине. Соблюдение ритов, предписываемых обычаем, заменяло в Китае законопослушание. В качестве основных принципов выступали: сыновняя любовь, подчинение высшим в иерархии, запрещение любых эксцессов и возмущений. Но власти сами не осуществляли произвола. Они сами были воспитаны в уважении к ритам, а кроме того их сдерживали моральные установки, требовавшие сперва объяснить, а потом приказывать, выступить в качестве арбитра, а уж потом судить, предупредить, прежде чем наказывать. Китай в течение веков жил, не зная организованных юридических профессий. Суд творили администраторы, сдававшие для занятия поста экзамены литературного характера. Они не знали права и руководствовались советами своих чиновни-

ков, принадлежащих к наследственной касте. Людей, сведущих в законе, презирали, и если советовались с ними, то тайно. Не было юридической доктрины, и в долгой истории Китая не обнаруживается ни одного крупного юриста.

В истории Китая выделяется период сражающихся царств. В то смутное время — III в. до н. э. — школа легистов заняла позицию, согласно которой власть должна основываться не столько на добродетели правящих, сколько на подчинении закону.

Взгляды легистов изложены в трактате, принадлежащем Хан Фэйцзы. Он и другие легисты настаивали на необходимости постоянно действующих законов: правитель должен знать их, а подданные — строго исполнять. Это была концепция права и закона, близкая к преобладавшей на Западе. Однако взгляды легистов остались чуждыми сознанию большинства китайского населения. Они слишком отклонялись от укоренившихся представлений и поэтому имели лишь временный успех.

При династии Хан (206 г. до н. э.) конфуцианство снова возобладавало, и с тех пор его господство было постоянным. Конфуцианская мысль господствовала вплоть до нашего века, и право не интересовало китайцев, предпочитавших иные пути реализации справедливости. Общественный строй основывался на ритах, и закон играл лишь второстепенную роль. Китайские кодексы, которые появились после воцарения династии Хан, содержали лишь административные предписания или нормы, относящиеся к уголовному праву; гражданско-правовые правила попадали в них лишь тогда, когда нарушение норм обычая влекло уголовные санкции.

После провозглашения республики в 1911 г. велась редакционная работа по созданию кодексов. Гражданский кодекс, включающий и гражданское и торговое право, вступил в силу в 1929–1931 гг., Гражданский процессуальный кодекс — в 1932 г., Земельный кодекс — в 1930 г. Эти кодексы продолжают действовать на Тайване. Во всяком случае, внешне китайское право европеизировалось и вошло в семью правовых систем, основанных на римском праве. В то же время продолжали существовать традиционные понятия и, за немногими исключениями, именно они преобладали в реальной действительности.

В результате победы коммунистов, возглавлявшихся Мао Цзэдуном, Китай с 1 октября 1949 г. стал Народной Республикой. Как и у Советского Союза, его руководящей идеологией стал марксизм-ленинизм. Однако положение Китая совсем иное. Здесь принцип законности лишь начинал утверждаться, преодолевая традицию. В 1949 г. были отменены все ранее изданные законы и декреты и упразднены суды. Надо было создавать что-то новое. Законы 1949 г., которые предусматривали воссоздание правовой системы, исходили из советской модели. На Верховный Суд возлагалось руководство всеми новыми судами; была создана прокуратура, призванная утвердить принципы социалистической законности. В 1950–1951 гг. были изданы крупные законы: о браке, профсоюзах, об аграрной реформе, о судебной организации и другие. Была создана кодификационная комиссия, которая приступила к подготовке кодексов. В связи с отсутствием достаточного количества юристов, функцию судов зачастую выполняли органы полиции и госбезопасности. Наряду с судами общей юрисдикции действовали особые суды. После 1957 г., когда возникли трения с Советским Союзом, китайская революция взяла другой курс. Конституции, принятые в 1954, 1975, 1978 гг., закрепили коммунистический режим в стране и господствующую роль государства. В 1970-х годах произошла «культурная революция» — волна насилия, имевшая целью полностью отбросить конфуцианство. Гонениям подвергся интеллектуальный слой общества. Во главу угла были поставлены классовая борьба и утверждение социалистического строя.

Конституция 1975 г. (самая короткая — всего 30 статей), предельно идеологизированная, закрепила великие принципы Мао Цзэдуна, государственный способ производства, особую роль пролетариата. В 1976 г. была арестована «банда четырех» — государственные руководители, причастные к проведению «культурной революции», и другие ее лидеры. К концу 1984 г. наметились изменения — интеллигенция вновь обрела положение, которое позволяло использовать ее компетенцию и знания.

В первобытнообщинную эпоху создание, хранение и передача информации в Китае осуществлялись не только устным путем, но и с помощью изображений, т. е. с помощью рисованной инфор-

мации. В эту же эпоху на основе магических ритуалов родилась знаковая система, на основе которой впоследствии зародилась китайская иероглифическая письменность.

Нерасчлененность общественных отношений определила одну из важнейших особенностей системы родового строя — синкретичность, т. е. нерасчлененность понятия и образа в традиционных обрядах, которые в то время были основными. В доклассовом обществе отдельные стороны общественного сознания, которые развивались потом в его самостоятельные виды — в религию, философию, мораль, науку, право и т. п., — еще не могли получить тогда специальной и обособленной разработки. Эти стороны были еще тесно связаны между собой и проникали друг в друга в нерасчленимом единстве общественного сознания. Синкретизм был свойственен не только массовой коммуникации первобытной эпохи, он не исчез и после становления сословно-классового общества, во многом определяя характер традиционной системы средств массовой коммуникации (СМК) в добуржуазную эпоху.

Традиции, обычаи, культы, обряды и тому подобные явления, составлявшие основу массовой коммуникации в Китае в родовую эпоху, имели много общего с аналогичными явлениями у других народов. И лишь с течением времени в результате интенсивного процесса интеграции культурных традиций различных племен и народов в специфических условиях отдаленного от других очага цивилизации сложилась именно китайская цивилизация с присущим только ей стилем, что нашло свое отражение и в трансформации системы средств массовой коммуникации.

Эпоха превращения родового общества в классовое была эпохой возникновения государства и привилегированного сословия управителей и жрецов, не принимавших непосредственного участия в производстве, а живущих за счет прибавочного продукта. Передача социально значимой информации осуществлялась устными СМК (веревочного узелкового письма, фиксировавшего моральные нормы).

Важный момент для изучения эволюции системы СМК — существование двух периодов в истории китайской культуры: 1) периода, связанного с раннеклассовой цивилизацией пле-

менного союза Ся, основанного на сельской, бесписьменной родовой культуре; 2) периода, который характеризуется как государственный, политический, располагавший письменной городской цивилизацией эпохи Шан Инь.

Поворотным событием в развитии китайской цивилизации и системы СМК явилось изобретение письменности. Устная китайская традиция приписывает эту заслугу мифическому императору Фу Си, правившему якобы около 5 тыс. лет тому назад. Древнекитайская письменность в самом начале своего развития представляла собой символические знаки семейно-родовых групп, обладавших политической и культовой властью. Эти символические знаки с некоторой натяжкой можно считать и прообразом появившихся впоследствии товарных знаков и марок. Ну, а в те времена это был один из источников политической власти, заключенной в самой китайской письменности. Сила и власть письменного слова в Древнем Китае берут свое начало и в приобщенности к знаниям, которыми располагали предки и с которыми живые общались с помощью письмен. Таким образом, знания, мудрость прошлого раскрывались через это коммуникативное средство.

Письменные памятники периода правления династии Чжоу свидетельствуют о том, что в VIII–III вв. до н. э. существовала специальная профессия, носители которой обладали знанием о прошлом. На основании опыта былых времен они могли предсказывать результаты тех или иных планируемых мероприятий. Люди, обладавшие такими знаниями и способностями, естественно, представляли высокую ценность для правителей древних китайских княжеств.

Система СМК в период возникновения раннеклассового государства в Китае была представлена как устными, так и письменными средствами. Из всех плодов человеческой деятельности, доставшихся нам от древнего мира, немногие по своей значимости могут сравниться с изобретением бумаги и книгопечатания. Бумага появилась в Китае на рубеже нашей эры. В начале II в. благодаря использованию новых материалов и техники, производство ее значительно усовершенствовалось, к III в. она полу-

чила широкое распространение в самом Китае и начала проникать в другие страны. Однако в Европе бумага появилась лишь в XI–XII вв. Еще около 700 г. в Китае печатали с форм, выгравированных на деревянных досках, за несколько столетий до Гутенберга применяли здесь и подвижной иероглифический шрифт. В своей совокупности все эти изобретения и сделали в конце концов возможным массовый выпуск печатных изданий. Изобретение бумаги традиционно приписывается китайскому придворному Цай Луню, у которого возникла идея создания бумажного листа из древесного луба, пеньки и тряпья.

В эпоху превращения Китая в единое централизованное государство начинают складываться культурные центры при дворах знатных меценатов и, естественно, при дворе императора. В соответствии с новыми условиями проявились тенденции к унификации в различных областях культуры с целью выработки в каждой из них единой системы. Уже в III в. до н. э. при первом объединителе Китая императоре Цинь Шихуане было введено «единство в начертаниях иероглифов и в ширине колеи на дорогах».

В целях упрочения авторитета императорской власти использовались разнообразные средства массовой коммуникации. Были разработаны специфические, имевшие место только в Китае, методы формирования и контроля общественного мнения. Например, император ханьской династии Уди (140–86 гг. до н. э.) учредил «Музыкальную палату» (Юэ фу), своеобразный социологический институт, в задачи которого, по существу, входило изучение и формирование общественного мнения. Эта практика существовала еще в XII в. до н. э. при дворе чжоуских правителей, специальные чиновники которых собирали народные песни, чтобы с их помощью определить настроения народа. Эти песни можно назвать «устной прессой». Таким образом, китайская журналистика родилась не в прозе, а в песне, в форме стихотворной баллады и эпиграммы.

Одним из основных каналов распространения идеологии в Древнем Китае было устное творчество ораторов. Оно развивалось в рамках диспутов и философских споров, которые про-

исходили как между школами, так и между последователями какого-либо одного великого мыслителя. Споры устраивались на рынках и площадях, а также в узком кругу. Дискуссии велись в домах знатных сановников, которые нередко собирали целые группы мыслителей. Тематика споров охватывала проблемы философии, внутренней и внешней политики, войны и мира и т. п.

По мнению ряда исследователей, еще за два столетия до нашей эры в Древнем Китае существовала «официальная пресса». Первые китайские газеты (дибао), по мнению ряда китайских исследователей, берут свое начало в эпохе династии Западная Хань. Однако документальных доказательств этому нет.

Как видим, китайское право самое пристальное внимание уделяло средствам массовой коммуникации и информации, регулируя существующие информационные потоки в соответствии с требованиями времени.

Японское право. До 1853 г. Япония не имела никакого контакта с Западом, в то время как отношения с Китаем занимали важное место в ее истории. Традиционный образ мысли в Японии, очень далекий от европейского, в разные исторические моменты подвергался влиянию Китая. Однако японский образ мысли отличается от китайского: он сохранил свою ярко выраженную оригинальность, связанную с историческим национальным развитием. Определенно, на японский образ жизни повлияло то, что Япония длительное время находилась в изоляции.

Первые памятники японского права появились в эпоху Тайка, начавшуюся в 646 г. В эту эпоху в Японии было введено своеобразное политико-этическое правило, предусматривающее, в частности, порядок периодического распределения принадлежащих государству рисовых полей в зависимости от числа едоков и строгое деление общества на ранги. Каждый класс должен был выполнять в государстве строго определенную функцию. Обязанности каждого уточнялись в юридических сборниках, именуемых рицу-рё. Составленные по китайскому образцу, эти сборники включают, главным образом, репрессивные нормы

(рицу) и административные нормы (рё). Они комментировались в школах права и управления в воспитательных целях. Сборники эти далеки от понятия субъективных прав, но они приближаются к тому, чтобы придать праву определенную значимость.

Система распределения земель в VII в., введенная рицу-рё, плохо функционировала в Японии. В IX–X вв. стала развиваться система сеньории (сё) — неприкосновенного владения, освобожденного от налогов. Она превращается в крупное земельное владение с суверенной судебной властью. Бессилие уголовной юстиции, а в связи с этим отсутствие безопасности и гражданские войны привели в конце XII в., в 1185 г., к появлению наряду с режимом сеньории нового феодального режима. Император был лишен тогда какой-либо реальной власти, придворная знать (кугэ) также находилась в упадке. В силу возложенных на него прерогатив священного характера император оставался важным и глубоко почитаемым лицом, но в действительности власть ускользала от него, она перешла к военной касте, которой не знал Китай. Военная каста (букэ, самураи) жила согласно собственному обычному праву (букэ-хо), составлявшему ее личный статус. Действующий внутри касты «кодекс рыцарства» был основан на идее абсолютной преданности вассала своему сюзерену, он исключал какую бы то ни было идею прав и обязанностей юридического характера. Вассал не имел никаких гарантий против произвола сюзерена. Отношения вассала и сюзерена рассматривались подобно отношениям сына и отца. Между ними не должно существовать никакого договора, ибо такие чувства, как привязанность, верность, самоотверженность, личная преданность, жертва во имя идеи, теряют свой смысл, когда их стремятся поставить в строгие, хотя и разумные рамки. В течение нескольких веков этика букэ существовала наряду с более детальной регламентацией, содержащейся в рицу-рё, так как именно рицу-рё по-прежнему применялась к лицам, не входящим в военную касту [см.: Joun des Lograis, 1958].

В эпоху сёгунов Асикага (1333–1573 гг.), сменившую эпоху Камакура (1185–1333 гг.), наступил период анархии и гражданских войн. Утвердилось превосходство рыцарей над кре-

стьянами, местные представители класса военных (дзито), на которых было возложено обеспечение общественного порядка и сбор налогов, стали присваивать доходы с поместий. Япония была поделена между несколькими крупными независимыми феодалами (даймё). Им подчинялись дзито, которые постоянно вели между собой войны. Рицу-рё перестала применяться, действовать продолжало лишь прежнее личное право букэ, которое и заменило собой местный обычай. До указанного периода в Японии существовали различные классы, каждый из которых имел свой особый статус. Этот режим был заменен в XIV в. единообразной структурой, основанной на строгой иерархии, исключавшей даже мысль о правах низших в отношении высших. Эта структура неравенства, не оставлявшая места для понятия субъективных прав, была еще более усилена, когда в эпоху сёгунов Токугава (1603–1868 гг.) Япония стала на путь политики изоляционизма. В 1597 г. была введена политика строгого надзора и доносов. По всей стране были сформированы группы по 5 человек (гонингуми), которые должны были доносить о преступлениях, поддерживать публичный порядок, сообщать полиции о перемещении граждан, о присутствии в их местности посторонних лиц. Группа несла солидарную уголовную и финансовую ответственность; ее согласие было необходимо для возбуждения судебного процесса; она вмешивалась в семейные дела, привлекая в этих целях советчиков или свидетелей, контролировала использование земель. Установившийся порядок считался в то время естественным и нерушимым, он был основан на четком разграничении общественных классов (рыцарей, крестьян, торговцев) и на принципе иерархии этих классов. Весь образ жизни японцев определялся тем, к какому классу они принадлежат; от этого зависел тип их дома, материал и цвет их одежды, их питание.

Сёгун, обладавший реальной властью, не считал, что рассмотрение споров входит в его функцию. Он делал это лишь в исключительных случаях. Лишь в XVIII в. его юрисдикция расширилась. Как видно из одного из решений, относящихся к 1767 г., юрисдикция сёгуна охватывала 53 типа дел, разбитых на 2 категории:

- основные споры;
- споры имущественного характера.

Политика центральной власти всегда была направлена на то, чтобы не дать расшириться компетенции местных судов, а по возможности и присвоить эту компетенцию. Сёгун вершил правосудие по своему усмотрению. В Японии не было правовых школ. Такова была картина Японского общества к началу эпохи Мэйдзи в 1868 г. Ныне в Японии есть современное законодательство, которое роднит Страну Восходящего Солнца с правовыми системами Запада, в частности с романскими правовыми системами континентальной Европы. Начиная с 1872 г., была подготовлена целая серия кодексов, разработанных с помощью европейских юристов. Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс были приняты в 1882 г., законы о судостроительстве и Гражданско-процессуальный кодекс приняты в 1890 г. Самым сложным оказалось принятие Гражданского кодекса. Он был принят лишь в 1898 г. Далее под влиянием западного права были приняты и другие кодексы Японии [см.: Tanaka, 1959–1960].

§ 4. СИСТЕМА ОБЩЕГО ПРАВА

Английское право. В истории английского права можно выделить четыре периода:

первый период предшествовал нормандскому завоеванию 1066 года;

второй период — от 1066 г. до установления династии Тюдоров (1485) — период установления общего права, когда оно утверждалось, преодолевая местные обычаи;

третий период — с 1485 г. до 1832 г. — расцвет общего права, однако оно вынуждено было пойти на компромисс с дополнительной правовой системой, что нашло свое выражение в «нормах справедливости»;

четвертый период — с 1832 г. и до наших дней, — когда общее право встретилось с невиданным развитием законодательства и должно было приспособиться к обществу, где постоянно усиливается значение государственной администрации.

Есть дата, которая является основополагающей в истории английского права — это 1066 г., когда Англия была завоевана нормандцами. Период, предшествовавший этой дате, в Англии называют периодом англосаксонского права [см.: Milson, 1981; David, Pugsley, 1973; Postema, 1986]. Для историков английского права история права начинается с эпохи, когда в Англии прекратилось римское господство. Различные племена германского происхождения — саксы, англы, юты, датчане — возобладали в Англии. Именно в это время Англия была обращена в христианство миссией Августина Кентерберийского (596 г.). После этого законы в Англии составлялись так же, как и в континентальной Европе, с тем лишь отличием, что писались они не на латыни, а на англосаксонском языке. Как и другие варварские законы, они регулировали только очень ограниченные аспекты.

Нормандское завоевание — серьезнейшее событие в истории английского права, так как оно принесло в Англию вместе с иностранной оккупацией сильную централизованную власть, богатую опытом административного управления, испытанного в герцогстве Нормандия.

Начало развиваться общее право. Общее право, называвшееся *comune ley* на нормандском языке, который с царства Эдуарда I (1272–1307 гг.) до XVII в. был разговорным языком для юристов Англии, в то время как письменным, как и в остальной Европе, был латинский. Общее право в противовес местным обычаям — это право, общее для всей Англии. В 1066 г. оно еще не существовало. Собрание свободных людей, называемое судом графства (Country Court), и его подразделение суд сотни (Hundred Court) осуществляли правосудие. Потом они постепенно были заменены феодальной юрисдикцией (суды баронов, мэнорские суды), которые судили по локальным законам. Общее право — право английское и общее для всей Англии — создано исключительно королевскими судами (Вестминстерскими).

Споры передавались, как правило, в различные перечисленные ранее суды. Король осуществлял только «высший суд». Он вмешивался только в тех случаях, если существовала угроза миру в королевстве или обстоятельства дела были таковыми, что его

нельзя было решить в обычном порядке. Суд, где король решал дела с помощью своих приближенных (*Curia regis*), — суд особо знатных персон, а не обычный суд, доступный каждому.

В XIII в. сложились автономные образования, в том числе наделенные судебной компетенцией комиссии с постоянным местопребыванием в Вестминстере. Компетенция этих судов была ограничена, они должны были считаться с сеньорами, которые хотели быть хозяевами у себя дома и не желали подчиняться судебным решениям. В основном, они ограничивались тремя категориями дел: 1) делами, затрагивающими королевские финансы; 2) делами, касающимися земельной собственности и недвижимости; 3) тяжкими уголовными преступлениями, затрагивающими мир в королевстве. Все остальные дела рассматривались вне королевской компетенции.

С самого начала общее право сводилось к определенному числу процессуальных форм, в рамках которых можно получить решение, но никогда нельзя было точно знать, каким оно будет. Королевский суд принимал дело к рассмотрению и вел его к решению по запутанным процессуальным дорогам. Общее право медленно шло к выработке норм, определяющих права и обязанности каждого. Самое важное значение исторических факторов развития английского права выразилось в том, что их значение присутствует и в современном праве Англии. Назовем четыре важных аспекта английского права:

- строгое соблюдение процесса;
- определение категории права;
- отсутствие деления общего и частного права;
- невосприятие римского права.

Третий период становления общего права относится к 1485–1832 гг.

После своего блистательного расцвета в XIII в. общее право встретило препятствие в проблеме образования нового права — права справедливости. Ограниченная компетенция королевской юрисдикции могла еще быть терпима, когда наряду с судами общего права существовали суды, способные решать дела в тех случаях, когда этого нельзя было сделать средствами общего права.

Упадок, а затем и исчезновение этих судов вызвали необходимость восполнить пробелы судоустройства.

Начиная с XIV в., частные лица, не имея возможности добиться решения в королевских судах или в случае недовольства решением, вынесенным по их делу, обращались к королю и просили его из милости вмешаться, чтобы оказать милосердие по совести и по существу. Такое обращение в основном проходило через лорда-канцлера, являвшегося исповедником короля, а потому обязанного руководить его совестью. Если лорд-канцлер считал необходимым, он передавал жалобу королю, и тот ставил ее на рассмотрение в своем совете. Такие обращения к прерогативе короля, имевшие место в исключительных случаях, вскоре приняли общий характер и превратились в обычное обжалование решений королевского суда. Лорд-канцлер в XV в. становится наиболее значимой фигурой и автономным судьей, единолично решающим дела от имени короля и его совета, которые и передали ему свои полномочия. Возникла серьезная угроза, что стороны не станут обращаться в суды общего права и эти суды полностью исчезнут, так же как три века назад исчезли суды сотен в результате того, что Вестминстерские суды предложили более совершенную правовую форму. Суды общего права нашли союзника в лице парламента, который объединился с ними в борьбе против абсолютизма королевской власти. В результате был достигнут компромисс. Этот компромисс вытекал совсем не из закона, а из событий 1616 г. Эффективность суда лорда-канцлера обеспечивалась арестом нарушителя, либо арестом его имущества. Суды общего права заявили, что они будут считать действовавшим в условиях законной обороны того, кто воспротивится этим мерам, даже если он убьет чиновника, на которого канцлер возложил обязанности исполнения. Король Яков I высказался в пользу канцлерского суда, но канцлеры оказались достаточно прозорливыми, чтобы не злоупотреблять своей победой. Состоялось следующее соглашение: юрисдикция лорда-канцлера продолжает существовать, но она не должна расширяться за счет судов общего права, канцлерский суд будет осуществлять юрисдикцию в соответствии с прецедентами права справедливости.

Кроме того, было решено, что король не будет более создавать суды, независимые от судов общего права. Лорд-канцлер как лицо политическое и судья не претендовал на суд по законам морали, а больше становился юристом. С 1621 г. был разрешен контроль палаты лордов за решениями суда и канцлера. Суды общего права допускали вмешательство канцлера, если оно могло быть основанным на прецеденте.

Чем же отличается английское право от романских правовых систем? Система романских правовых систем — это система относительно рациональная и логичная, так как она создана, если говорить об основополагающих принципах, трудами университетов и законодателей. Построение романо-германских правовых систем не совершенно с точки зрения чистой логики, однако очень много создано, чтобы упростить ее восприятие. Английское же право, напротив, создавалось без каких-то либо забот о логике, в рамках, которые были определены судебной процедурой.

Специалист по английскому праву Мэйтлэнд писал, что право справедливости — это ансамбль норм, которые, если бы не было Актов о судоустройстве, применялись бы только специальными судами, называвшимися судами справедливости. Права собственности на недвижимость и на движущееся имущество различаются по тому признаку, что первое включает права, защита которых до судебной реформы 1833 г. осуществлялась так называемыми вещными исками, а второе включает права, защита которых обеспечивалась до 1832 г. так называемыми личными исками. Английское право, говоря о понятии договора, включает только соглашения, которые когда-то санкционировались иском; оно не распространяется на дарение, на доверительную собственность, на хранение, которые ранее защищались в ином порядке.

Борьба за свободу печати в Англии характерна тем, что вначале она велась за право свободного владения типографскими станками. В 1471 г. предприимчивый купец из Лондона Вильям Какстон в Кельне стал осваивать ремесло печатника. Одна из первых напечатанных им книг — трактат об искусстве шахматной игры. Именно в это время в Англии получили хождение сбор-

ники новостей — переводы аналогичных изданий на немецком, фламандском, итальянском языках. Выпускавшиеся до этого времени книги и брошюры — о религии, мифологии, фольклоре. 23 июня 1588 г. вышел первый номер «Инглиш меркьюри».

В 1622 г. Натаниель Баттер приступил к публикации еженедельных сборников новостей «Уикли ньюс» и «Курантов». В 1632 г. они были закрыты по указу короля в результате демарша испанского посла — в одном из материалов усмотрели оскорбительный выпад против испанского престола. Сообщать о событиях в Англии запрещала «Звездная палата». Согласно закону о книгопечатании 1637 г. был строго оговорен перечень лиц, которым разрешалось заниматься издательской деятельностью. Упразднение «Звездной палаты» привело к оживлению газетного дела в стране, так как был отменен запрет на публикацию внутренних новостей. Издания, посвященные английским событиям, стали возникать в 1641 г., но борьба за свободу печати продолжалась [см.: Соколов, Виноградова, 2000; Матвеев, 1961].

Английское право в области СМИ сейчас весьма сложно и основано на общем праве.

Право Соединенных Штатов Америки. История развития права США также имеет свои особенности.

Первые английские поселения на территории современных США возникли в XVII в.: независимые колонии были созданы англичанами в Вирджинии, Массачусетсе, Мэрилэнде в период 1607–1632 гг. Колония Нью-Йорк была основана голландцами, а стала английской только в 1664 г. 13 колоний были основаны в 1722 г.

Какому праву подчинялись эти английские колонии? Ответ был дан в Лондоне в связи с делом Кальвина в 1608 г. На территории Америки было принято применять общее право и английские законы. Но с оговорками. Выработанное феодальным обществом английское право не приживалось на территории Америки и возникла свобода судейского усмотрения. Как реакция на произвол судей в различных колониях были предприняты попытки кодификации права. В отличие от английского права

американцы благожелательно относились к писанному праву и желали чтить букву закона, так как буква закона была наиболее понятна всем, что и отличало американское право от английского, поскольку в Англии уважение к закону должно было идти через судей.

Положение изменилось в XVIII в. с улучшением жизни колонистов, с изменением их экономики и взглядов под угрозой распространения французского права, которое шло от колоний Канады и Луизианы. Колонисты видели в развитии английского права возможность освободиться от королевской монархии, но одновременно оставить право, как связывающее звено с английским общим правом. Например, в 1677 г. был принят закон о мошенничестве по английскому образцу, а в 1771–1772 гг. появились комментарии Блэкстона в Филадельфии, которые заметно изменили взгляды на данное преступление.

Независимость, провозглашенная в 1776 г., окончательно установилась в 1783 г. и создала для бывших английских колоний, ставших Соединенными Штатами Америки, совершенно новые условия.

Канада и Луизиана после провозглашения независимости стали союзниками и все чаще возникала необходимость иметь свое, отличное от английского права законодательство — американское право. Казалось нормальным, что Декларация прав и Конституция США, провозглашенная 17 сентября 1787 г., будут дополнены кодексами [Бельсон, Ливанцев, 1982, с. 51, 67].

Президент Мэдисон получил предложение великого юриста Бентама о создании кодексов. Но в основном кодификация права связана с именем Дэвида Дедлея Фильда, которому удалось добиться введения и принятия в ряде штатов уголовных, уголовно-процессуальных и гражданско-процессуальных кодексов.

С 1776 г. право США и право Англии развиваются независимо друг от друга, однако право США и право Англии относятся к одной семье общего права. Категории общее право, право справедливости понятны и естественны как для английских, так и американских юристов. Для американского юриста, так же как и для английского, право — это только право судебной практики.

Если нет прецедентов, то американский юрист скажет: «По этому вопросу право молчит», даже если существует вполне определенная норма закона, относящаяся к данному вопросу. Право США, таким образом, в целом имеет структуру, аналогичную структуре общего права.

Но есть одно существенное отличие, которого нет в Англии. Это разделение судебной власти на федеральную и власть штатов [см.: Никифоров, Решетников, 1990; Михайлов, 2004].

США — федеративное государство, а потому при решении любого дела возникает вопрос о том, в чью компетенцию входит разрешение данного вопроса. Десятая поправка к Конституции США, принятая в 1791 г., совершенно ясно разрешила этот вопрос: «Полномочия, не представленные настоящей Конституцией Соединенным Штатам и пользование которыми не возбранено отдельным штатам, остаются за штатами или народом». Этот принцип действовал всегда: законодательство относится к компетенции штатов; компетенция федеральных властей — исключение, которое всегда должно основываться на определенной статье Конституции. Существенно, что по тем вопросам, по которым законодательствует Конгресс Соединенных Штатов, штатам предоставлена известная компетенция. Это так называемая остаточная компетенция. Штатам разрешается законодательствовать по этим вопросам, но запрещено принимать положения, идущие вразрез с нормами федерального права. Как ни знаменательно федеральное право, а в обычной жизни наиболее важным для граждан и юристов остается право штатов.

Исходя из состояния права, судебная система Соединенных Штатов Америки имеет свою структуру. Она включает, с одной стороны, федеральные суды, с другой — суды штатов. В отличие от большинства федераций, где федеральные суды имеются лишь на высшей иерархической судебной лестнице, США создали иную систему: в федеральные суды можно обращаться во многих случаях по первой инстанции. Следовательно, можно говорить, что в США существуют две судебные системы.

§ 5. СИСТЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА

История формирования системы социалистического права — это история изменения системы права, принятого в государстве, подчинения ее идеологическому принципу формирования нового социалистического государства. Формировавшаяся в условиях диктатуры пролетариата теория социалистического права должна была декларировать марксистское положение о государстве и праве, одновременно интерпретируя ее для немедленного практического применения.

Оценивая историю формирования социалистического права, многие современные ученые клеймят ее позором, не понимая, что развитие социалистического права внесло неоценимый вклад в понятие возможности формирования права как такового.

Формирование социалистического права, как и любого права, стало возможным только после революционных событий. Если мы говорим о правовой системе общего права, то она, например в Англии, сложилась исторически и не была подвержена каким-либо существенным изменениям. В то же время данная система на американском континенте была изменена после принятия независимости Соединенными Штатами Америки. Великая Французская революция также внесла существенные изменения в романо-германскую правовую систему.

Концепцию нового, революционного пролетарского права как средства осуществления диктатуры пролетариата активно развивал и внедрял практику советской юстиции Д. И. Курский, народный комиссар юстиции в 1918–1928 гг. Он был также и первым Генеральным прокурором республики. Право в условиях диктатуры пролетариата, согласно Курскому, это выражение интересов пролетариата. «Диктатура пролетариата может признавать только интересы своего класса в целом: подлинный представитель такой диктатуры — весь класс в целом, то есть рабочие и беднейшие крестьяне, организованные в коммунистическую партию и Советы...» [Курский, 1927, с. 86].

В социалистическом праве нет места для норм вроде *habeas corpus*, для признания и защиты прав и свобод индивида. «Отме-

на всех норм буржуазного права — единственная гарантия правосудия для городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства, поставившего и осуществляющего в своей диктатуре великую цель: полное подавление буржуазии, уничтожение эксплуатации человека человеком и водворение социализма» [Там же, с. 87].

Система социалистического права создавалась как система подавления индивида. Заметную роль в развитии данной системы играл П. И. Стучка, который в первые годы Советской власти был наркомом юстиции, а впоследствии (1923–1932 гг.) Председателем Верховного Суда РСФСР. Стучка пропагандировал совет Вольтера: «Если хотите иметь хорошие законы, жгите свои старые и творите новые» [Стучка, 1964, с. 239].

С развитием государства и провозглашением строительства в государстве бесклассового общества система социалистического права приняла некоторую деформацию и из орудия политики пролетариата приняла систему «норм права», устанавливаемых органами диктатуры пролетариата. При этом социалистическое право стало пониматься как право социалистического государства, а под государством понимался аппарат власти и принуждения.

В истории правопонимания системы социалистического права нельзя обойти и такую фигуру, как А. Я. Вышинский [см.: Вышинский, 1950]. Этот человек оставил неизгладимый след в становлении системы социалистического права и особенно в вопросе развития теории судебных доказательств в советском праве. Человек, живший в эпоху развития тоталитаризма, должен был иметь большое мужество, чтобы опубликовать теорию судебных доказательств, которая по своей сути основана не на марксистско-ленинских учениях, а на основе развития философии права. Обязанность придерживаться «правил игры» с государством под страхом быть уничтоженным и понимание необходимости пересмотра действующей системы доказательств привели к созданию теории судебных доказательств в советском праве.

До этой работы А. Я. Вышинского в системе социалистического права существовала теория Пашуканиса, который утверждал, что ядро социалистического закона — это «руководящие указа-

ния партии» [Пашуканис, 1936, с. 27]. Вслед за Пашуканисом сходные представления о «социалистическом праве» были развиты М. Доценко. «Исходными теоретическими положениями для теории советского социалистического права, — утверждал Доценко, — являются работы классиков марксизма, особенно работы Ленина и Сталина» [Доценко, 1936, с. 30].

Заслуга А. Я. Вышинского заключалась в том, что он впервые в советском праве предложил придерживаться презумции невиновности. Понимание такого принципа, возможно, пришло к Вышинскому после того, как он неоднократно участвовал в судебных процессах в качестве государственного обвинителя, выполнял волю «заказчика», требуя от суда отправить на смерть не один десяток невиновных.

Несмотря на это, вплоть до середины 80-х годов в системе социалистического права главенствующей была идея о необходимости покорения индивида. Закон в таком государстве был формой существования беззаконного государства. Система социалистического права после второй мировой войны распространилась на большую часть Восточной Европы. И в течение длительного времени существовала.

Перестройка, которую начал М. С. Горбачев, позволила пересмотреть взаимоотношения права и человека. По сути дела в России и странах социалистического лагеря произошла революция. То есть возникла та же ситуация, при которой правящей власти необходим иной закон. Возникла идея построения правового государства. Но от этой идеи пришедшие к власти скоро отказались, так как провозгласив приверженность демократическим принципам, необходимо было их соблюдать. Но отсутствие опыта, отсутствие переходного периода от тоталитарного государства к концепции цивилитарного права, заставило власти наметить путь к возврату. Таким образом, в новое тысячелетие Россия входит в системе социалистического права, где закон определяет не продекларированную конституционную свободу граждан, а форму существования власти: законодательной и исполнительной.

Система социалистического права до настоящего времени жива и продолжает действовать на большей территории постсо-

ветского пространства, а также на Кубе, в КНР, во Вьетнаме. Всякое могущество государства — явление относительное. Можно сказать, что в системе социалистического права нет закона: там сам судья — закон. В монархических государствах есть законы, и если они ясны, то судьи руководствуются ими, а если нет, то он старается уразуметь их дух. Природа республиканского правления требует, чтобы судья не отступал от буквы закона. Там нельзя истолковать закон во вред гражданину, когда дело идет о его чести или его жизни. Система социалистического права может позволить отступить от буквы закона, если это, по мнению судьи, идет во благо государства. Есть два рода испорченности народа: один, когда народ не соблюдает законов; другой, когда он развращается законами. Принцип социалистического права разлагается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но также и тогда, когда каждый хочет быть равным тем, кого он избрал в свое время в правители. При таком положении вещей народ отказывается признавать им же самим назначенные власти и хочет все сделать сам: совещаться вместо Государственной думы, управлять вместо чиновников и судить вместо судей. Народ хочет исполнять обязанности правителей — значит, правителей уже не уважают. Постановления Государственной думы не имеют более веса — значит, нет больше почтения к законодательному органу.

§ 6. КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В связи с Маахтритским договором конституции ряда стран были дополнены принципиальными положениями, определяющими правовые основы участия государств в Европейском Союзе, возможности передачи ими ряда своих полномочий для выполнения взятых обязательств. Весьма показательными в этом смысле являются конституции Франции и ФРГ. Во французскую конституцию в соответствии с законом от 25 июня 1992 г. был включен раздел 15 «О Европейских сообществах и Европейском Союзе», в котором участие Франции и ЕС для сов-

местного осуществления определенной компетенции на основании международных договоров конкретизируется по трем принципиальным позициям. Франция соглашается с передачей необходимых полномочий институтам европейского и финансового союза и установлением правил о пересечении внешних границ государств — членов Европейского сообщества. В конституции предусматривается возможность права голоса и права быть избранным на муниципальных выборах для граждан ЕС, проживающих во Франции. О важности акта вступления в Европейский Союз свидетельствует тот факт, что договор о Европейском Союзе от 7 февраля 1992 г. прямо зафиксирован в тексте Конституции, что до этого момента было нетипичным для Основного закона государства.

Согласно ст. 23 Основного закона ФРГ, в целях осуществления идеи Объединенной Европы Федеративная Республика Германия участвует в развитии Европейского Союза, в обязанность которого входит гарантировать соблюдение принципов демократии, правового государства, социального и федеративного государства, соблюдение принципа субсидиарности, а также который гарантирует защиту основных прав, по существу совпадающих с основными правами, содержащимися в Основном законе. Столь подробное обоснование совместимости конституционных основ демократии, правового и социального государства в развитии ЕС и национальном законодательстве имеет существенное значение для передачи федерацией своих суверенных прав «посредством закона, одобренного бундесратом». Следует обратить внимание на ведущие позиции парламента в решении этих вопросов, повышенные требования к принятию законов в данной области, учет федеративного устройства государства.

В настоящее время большую часть европейского континента связывают многочисленные прочные нити политического и экономического партнерства в рамках межгосударственного союза 15 стран, где проживает более 340 млн. человек. Это принципиальные изменения. По крайней мере дважды в первой половине XX столетия многие из этих стран были политическими противниками и вели самые жестокие и изнурительные войны. Уже сам

по себе факт длительного существования Сообщества дает все основания полагать, что на обширной части европейского континента воцарился долгожданный мир и военные конфликты перестали быть уделом некогда традиционных соперников (Германия, Англия, Италия, Франция). Хотя далеко не все здесь поддается однозначным оценкам и прогнозам.

Рассмотрим особенности конституционного развития этих стран. Прежде всего, это то, что конституционные реформы стали наиболее интенсивно проводиться в странах Западной Европы после великих исторических потрясений, вызванных Первой и Второй мировыми войнами. Уроки Второй мировой войны послужили мощным толчком для последовательного расширения и внедрения всех политико-правовых средств, обеспечивающих реальные гарантии демократической власти, прав и свобод человека, защиту государства и общества от угрозы возрождения тоталитаризма и фашизма. Эти же причины ускорили и процесс европейской интеграции. Переплетение сложных национальных и межгосударственных проблем в конституциях государств — членов ЕС и правовых документах Сообщества отражает реалии становления и развития европейского законодательства.

Внешняя политика и политика безопасности, составляющие основу политического союза, — это те области, в которых государства-члены традиционно настаивают на сохранении суверенитета. Многие исследователи констатируют, что согласование интересов в этой области сталкивается с большими трудностями, в частности из-за традиционно разных политических интересов ведущих политических государств. Подобный дисбаланс вызван тем, что Франция и Великобритания являются единственными странами ЕС, обладающими ядерным оружием, а другие страны относятся либо к нейтральным, либо к не входящим в оборонительные союзы государствам [Борхорд, 1996, с. 80].

Конституции, принятые в большинстве западноевропейских государств после 1945 г., явились результатом изменившейся расстановки политических сил, определившей в последующие десятилетия достаточно устойчивую динамику демократического развития. Вместе с тем и сами конституции оказали реальное

стабилизирующее воздействие на политическую жизнь Западной Европы. Достижение в 50–60-х годах конституционной стабильности помогло сохраниться в течение длительного периода благоприятной социальной и экономической среды. Можно отметить, в частности, восстановление в большинстве стран парламентских методов и властных структур, функционирующих в условиях многопартийности. За это время укрепила свои позиции европейская модель разделения властей, такая организация государственного управления, при которой исполнительная власть зависит непосредственно от поддержки законодательного органа, что само по себе свидетельствует о достижениях парламентаризма, о готовности основных политических сил эффективно сотрудничать в целях совершенствования экономики своей страны, социальной защиты личности.

Прочные позиции парламентаризма — одна из характерных черт современного развития конституционных институтов в странах Западной Европы. В отличие от большинства государств Азии, Африки, Америки, где преобладает президентская форма правления, многие члены ЕС явно предпочитают классическую парламентскую республику, а некоторые — парламентскую монархию.

На первый взгляд, для развитых государств (Бельгия, Великобритания, Дания, Испания, Люксембург, Нидерланды, Швеция) монархическая традиция представляется пережитком прошлого.

Мнения ряда юристов и политологов, что монархия является крайне слабым политическим учреждением, не играющим сколько-нибудь существенной роли в государственном руководстве обществом, нам представляются не бесспорными. В государствах с парламентской формой правления (в отличие от президентских республик) монарх, а равно и президент, выступают не только символами единства нации, но и достаточно активными политическими фигурами.

Радикальная попытка конституционной замены парламентской формы правления на президентскую была совершена только во Франции в 1958 г.; она привела к установлению смешанного президентско-парламентского режима. Однако этот пример не оказал реального воздействия на соседние государства, в том

числе Италии, где проблемы взаимоотношения между законодательной и исполнительной властью были во многом сходны.

В отличие от Франции конституционное реформирование в Португалии в 80-х годах и в Финляндии (1991–1995 гг.) пошло по иному пути, где prerogatives парламента значительно расширились именно за счет правомочий президента. На конституционном уровне был закреплен приоритет парламентов в формировании правительства и контроля за деятельностью исполнительной власти. В послевоенных конституциях стран Западной Европы заметно усиление социальной ориентации. Включение в конституционные акты статей, посвященных правам граждан в социально-экономической и культурной сфере, особое внимание законодателя к регламентации основных институтов гражданского общества (Италия, Испания, Португалия, Греция и др.) явились результатом острой политической борьбы партий, представляющих интересы основных социальных групп населения. Положения конституций в этой части постепенно приобретают значение норм прямого действия. Однако не всякая прямолинейность дает предсказуемые результаты. Так, получившая распространение в первое послевоенное десятилетие доктрина «государства благоденствия», предполагающая активные властные функции государства в обеспечении гражданам достойного жизненного уровня, затем, в период экономического спада конца 70-х годов, вынудила многие правительства пересмотреть свои задачи, а также взаимоотношения между государством и обществом. В этой связи уместно вспомнить мнение Ф. Фабрициуса: «В частнокапиталистическом обществе развитие экономических и социальных прав человека в дополнение к гражданским правам едва начинается» [Фабрициус, 1995, с. 9].

В последние годы в ряде стран наметилась тенденция решения острых экономических проблем за счет урезания социальных прав, сокращения расходов на социальные нужды. Конституции некоторых стран (Испания, Италия) предусмотрели возможность делегирования полномочий центральной власти другим властным структурам, в отдельных странах (например, во Франции) аналогичные меры были произведены без пересмотра конститу-

ции. Основные законы стран — членов ЕС можно с определенными оговорками отнести к западноевропейской конституционной модели. Конечно, имеются в виду фактические конституции, которые по содержанию и степени гарантированности прав и свобод личности, уровню демократии и зрелости гражданского общества объединяются в общее целое, несмотря на различные формы правления и время принятия официальных конституций. Конечно, новые конституции, принятые после Второй мировой войны, намного шире по предметам регулирования, они значительно расширили «пределы вмешательства государства в экономическую, социальную и духовные области жизни, возлагая вместе с тем на него соответствующие обязанности перед обществом в целом и его членами» [Сравнительное конституционное право, 1996, с. 72–73]. Конституции второй волны характеризуют своеобразный европейский образец, который теперь можно назвать классическим. Это касается их содержания и структуры (преамбула, вводные положения, или основы конституционного строя, разделы о правах и обязанностях граждан, принципах социальной и экономической политики, об органах государственной власти, включая положения о конституционном суде, а также раздел о порядке изменения конституции).

В текстах старых конституций многие из отмеченных нововведений, естественно, отсутствуют. Однако это не означает, что конституционное развитие в этих странах остановилось. Как ни парадоксально, социально-экономический блок законодательства в ряде скандинавских стран оказался более обширным и динамичным, не затронув текста самих конституций. Движение к правовому государству, приверженность к соблюдению прав и свобод, становится устойчивой традицией. И этому процессу, как сейчас принято говорить, нет альтернативы. Конституционное развитие в ЕС связано общей динамикой интеграционных процессов и уже на первом этапе объединения на экономической основе имело перспективные политические цели.

Тесное деловое партнерство становится одним из основных средств укрепления стабильности в Европе и обеспечения защиты от повторения тоталитарного прошлого. В рамках Сообщества

рождаются качественно новые взаимосвязи международного и внутригосударственного права. Нельзя не видеть, что конституционное право и национальные правовые системы стран членов ЕС более четко, чем в других государствах, реагируют на интеграционные процессы, происходящие в Западной Европе. И дело здесь не только в приоритете общеевропейского законодательства (актов органов Европейского Союза), который признается всеми членами ЕС и закрепляется ими на конституционном уровне. Гораздо важнее то, что в последние десятилетия совместными усилиями этих государств энергично формируется общеевропейский правовой стандарт как неотъемлемая часть национальных (внутригосударственных) правовых систем. В первую очередь, это касается сердцевины конституционного законодательства — прав и свобод человека и гражданина. Постепенно становится возможным отходить от юрисдикции своей страны путем выдвижения требований внутригосударственным судам следовать более высокому стандарту, отвечающему международно-правовым нормам тех соглашений, участниками которых становятся западноевропейские страны [см.: Крылова, 1992].

ГЛАВА II

Государство и информация

§ 1. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Развитие радиовещания и спутникового телевидения, создание компьютерных сетей, расширение почтовых, телеграфных и иных услуг, увеличение обмена печатной продукции и другие достижения техники привели к возникновению единого глобального информационного пространства.

Глобализация информационного пространства привела к ряду социально-правовых последствий. Среди них:

- фактический отказ мирового сообщества от признания нового международного информационного порядка и поддержка концепции «свободного потока информации»;
- игнорирование государственных границ при распространении информации, национальных норм и законов о СМИ;
- широкомасштабное «пиратство», игнорирующее права авторов и владельцев информации;
- унификация культур, информационный империализм и экспансия развитых стран в СМК других стран;
- информационный паразитизм.

Идея нового международного информационного порядка была выдвинута и сформулирована неприсоединившимися странами в документах Конференции глав государств и правительств

неприсоединившихся стран в Коломбо в августе 1976 г. В Политической декларации конференции выражалась тревога по поводу увеличивающегося разрыва между средствами информации и связи в развитых и неприсоединившихся странах. В декларации подчеркивалось, что подобное положение является наследием колониального прошлого. Это привело к зависимости и господству, при котором большинство стран обречено на роль пассивного получателя односторонней, неполной и искаженной информации.

В последующие годы идея нового информационного порядка получила международную поддержку и развитие. В частности, в Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе было внесено положение о том, что сотрудничество в области информации должно содействовать укреплению мира и взаимопонимания между народами и духовному обогащению человеческой личности и осуществляться при полном соблюдении принципов, регулирующих внутренние дела, уважении законов друг друга. В конце 1978 г. официальные документы сессии Генеральной ассамблеи ООН и Генеральной конференции ЮНЕСКО, принятые единогласно, впервые со всей четкостью признали необходимость устранить неравномерность в распространении информации, предназначенной для или исходящей из развивающихся стран. Осенью 1980 г. на XXI сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, проходившей в Белграде, была утверждена Международная программа развития коммуникации, которая, по замыслу ее создателей, должна была стать частью усилий по установлению нового, более справедливого и более эффективного мирового порядка в области информации и коммуникации.

Но эти усилия международного сообщества натолкнулись на сопротивление определенных кругов. В частности, в 1981 г. страны Запада выступили с так называемой «Таллуарской антидекларацией», в которой информационные отношения между странами рассматривались с точки зрения «западного плюрализма», суть которого сводится к простой формуле: если у кого-либо есть информация и средства для ее распространения, то никто не смеет мешать распространению этой информации. Иными словами, разрыв между развитыми и развивающимися странами должен увеличиваться.

Со временем в позиции ЮНЕСКО произошли изменения, вызванные драматическими переменами в международных отношениях. В ноябре 1989 г. на XXV сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята новая стратегия коммуникации, цель которой состоит в «обеспечении свободного потока информации на международном, а также национальном уровнях и ее более широкого и сбалансированного распространения без каких-либо препятствий свободе слова».

Основные направления информационной политики ЮНЕСКО состоят в следующем:

во-первых, это заключение международных соглашений, направленных на свободное распространение информации независимо от государственных границ;

во-вторых, поддержка межправительственных и неправительственных организаций, занимающихся защитой основных свобод: свободы слова и свободы печати;

в-третьих, создание технических возможностей для свободного доступа и получения информации в различных регионах мира;

в-четвертых, издательская деятельность ЮНЕСКО;

в-пятых, подготовка ЮНЕСКО журналистских кадров;

в-шестых, апробация современных информационных супермагистралей.

Трансграничное распространение информации привело в ряде случаев к тому, что игнорируются национальные нормы и законы, существующие традиции. Возьмем спутниковое телевидение. Оно позволяет вести прямое вещание практически в любую точку земного шара. В Египте, например, запрещено законом в кино- и телефильмах показывать Аллаха в человеческом облике. На телепередачи, принимаемые по спутниковой связи, этот закон практически не действует, ибо на Западе существуют другие нормы и законы. Подобных примеров можно привести немало. Скажем, в Российской Федерации в кино и на телевидении запрещено использование целенаправленного воздействия на подсознание зрителей. В ряде других стран такого запрета нет. А мы порой бездумно закупаем теле- и кинопродукцию, демонстрируем ее на многомиллионную аудиторию.

Можно привести и такой пример. Журналисты ряда стран Запада откопали «жареные» факты, которые было трудно опубликовать в их странах. Тогда они через Швецию, где достаточно либеральные законы о СМИ, распространили эту информацию через Интернет. Теперь об этом знает весь мир. А как быть с национальными интересами?

Выход один: унификация законов о СМИ.

О «пиратском» распространении информации уже говорилось и писалось много. Казалось бы, правовые механизмы выработаны и на национальном, и на международном уровнях. Но они практически не действуют. И вообще не выработаны механизмы контроля за распространением информации по компьютерным сетям.

Широкое и в некоторых случаях бесконтрольное распространение информации мощными в информационном плане государствами, засилье заокеанской кинопродукции и многое другое ведет к размыванию национальных культур, их унификации по американскому образцу.

В последние годы мы перестали употреблять термин «информационный империализм». Им обозначали систему, сложившуюся в монополизированных средствах массовой информации развитых стран Запада, и методы, применяемые для пропагандистского обеспечения внутренней и внешней политики. Но как бы мы ни называли это явление, оно существует.

Конкретными проявлениями информационного империализма являются:

- концентрация СМИ и средств связи в руках мощных специализированных корпораций;
- прямое подчинение значительной части средств информации и связи многоотраслевым монополиям;
- открытое вмешательство государственного аппарата развитых стран в сферу информации;
- господство транснациональных корпораций информации на мировом рынке новостей;
- углубление диспропорций в обеспечении средствами информации и связи развитых держав, с одной стороны, и молодых развивающихся стран — с другой;

— использование СМИ дезинформации для пропагандистского обеспечения внутренней и внешней политики.

Информационный империализм ведет к экспансии развитых стран в СМК других стран. Экспансия осуществляется путем распространения информации по демпинговым ценам; открытием за рубежом филиалов существующих изданий и созданием новых; созданием совместных предприятий в области СМИ; покупкой эфирного времени и т. п.

И еще одно новое явление. Его можно назвать «информационным паразитизмом». Суть этого явления заключается в следующем. Создав, скажем, глобальную информационную инфраструктуру, развитые страны смогут на «законном основании» перекачивать важную научную, техническую, экономическую и иную информацию. «Дрейн брейн» с вывозом за рубеж специалистов в традиционном виде становится ненужным. Для примера можно отметить такую особенность Интернета: заявки на информацию, созданную в России и поступающие из стран Запада, в семь раз превышают по количеству обратный поток.

Глобализация информационного пространства ставит перед теоретиками и практиками журналистики и права многие другие вопросы, ответы на которые нам предстоит найти. Глобализация информационного пространства привела к внедрению культурных стандартов и традиций наиболее сильной с точки зрения массовой информации державы в повседневную жизнь других стран. Идет разрушение ядра национальной культуры, о чем не раз писали исследователи.

В самый обычный, ничем не примечательный день (например, 1 марта 2000 г.) по петербургским телеканалам транслируется свыше 50 сериалов (в основном заокеанского производства), полтора десятка художественных фильмов (половина — американские боевики, триллеры, фильмы ужасов и т. п.), различные шоу и забавы, сляпанные по тем же импортным схемам. В программах новостей стали обычными искажение и подтасовка фактов, пропаганда целей и ценностей зарубежных стран. По сути дела утрачена русская музыкальная, особенно песенная, культура.

Все те пороки массовой культуры, которые мы еще совсем недавно считали чисто американским явлением, пышным цветом расцвели в российских СМИ. Оставим в стороне так называемые грязные избирательные технологии, использование которых просто невозможно без средств массовой информации. Сосредоточимся лишь на духовных ценностях, которые воспитывают в россиянах наши газеты, радио, телевидение. И наши ли они?

Индивидуализм, насилие, жестокость, вседозволенность базируются на концепции «расчета лишь на собственные силы», которая считается вполне естественной нормой поведения. Тем более что современное российское государство продемонстрировало неспособность обеспечить безопасность и благополучие своих граждан. Во главу угла ставится основа буржуазного индивидуализма — жажда обогащения.

Отсюда следуют и другие современные «достижения»: потребительство, мещанство, уход от острой и многообразной действительности в мир иллюзий при помощи разнообразных развлекательных, скандально-сенсационных материалов. Это воспитывает конформизм, который основан на подчинении определенному стандарту поведения и, в конечном счете, вырастает из тех же социальных корней, что и индивидуализм.

В итоге воспитание мужества подменяется воспитанием жестокости и насилия, способности «вонзить штык в горло врага и изрешетить его автоматной очередью», любовь низводится до секса и «обеспечения прав сексуальных меньшинств», красота человеческих взаимоотношений уступает место взаимной подозрительности и эгоизму.

В развитых странах Запада и в тех же США существуют определенные ограничения на распространение в СМИ произведений, которые могут негативно отразиться на воспитании подрастающего поколения. Так, в телеприемники монтируются специальные чипы, отключающие изображение при демонстрации сцен насилия и откровенных сексуальных эпизодов, «передачи для взрослых» идут преимущественно в ночное время, есть законодательные ограничения на распространение литературы и периодики эротического содержания и т. п.

В соответствии с действующими в США правовыми нормами, «непристойности» полностью лежат вне гарантий, данных первой поправкой к конституции. Верховный суд США разрешает установление дополнительных ограничений на материалы с откровенно сексуальным уклоном, помимо очерченного понятием «непристойное выражение». Такие ограничения призваны ввиду «общественной необходимости» оградить детей от сексуальной эксплуатации.

Не так давно (во времена президентства Буша-младшего) о создании Глобальной информационной инфраструктуры (ГИИ), в основу которой положена компьютерная сеть Интернет, много писали американские СМИ. Рост ее стремителен. Каждые 30 минут к ней подсоединяется новая сеть. Не стоит в стороне и Россия. Согласно тому же источнику, в Российской Федерации уже существуют телекоммуникационные компании, функционирующие в 86 регионах. Действуют также независимые компании-операторы, предоставляющие услуги по международной телефонной связи и передаче данных.

Еще в 1993 г. «Домашние страницы материалов по России и Восточной Европе» были включены в Интернет. Они являются самым полным руководством по материалам, касающимся России и Восточной Европы и включают логическую структуру, перекрестные ссылки, взаимные соединения и согласующие сопряжения. В частности, пользователь может получить текущие материалы российской печати, интервью, статистику, дайджесты популярных газет, материалы ТАСС. В реальном масштабе времени передается Санкт-Петербургская печать ряда компаний и т. д.

Специально для тех, кто интересуется развитием СМИ на территории бывшего Советского Союза, Эриком Джонсоном из организации «Интерньюс» в 1994 г. была создана система для быстрого и надежного общения посредством Интернет.

Компьютерные сети и базы данных становятся одним из важнейших каналов распространения информации. Ими активно пользуются не только предприятия и организации, но и частные лица. По сведениям, оглашенным на семинаре «Проблема доступа к информации» в феврале 1996 г., только в Москве компьютерными сетями уже в то время пользовалось 128 тыс. семей.

Возможности, предоставляемые компьютерными сетями, огромны. На русском языке, например, можно получить информацию о текущих событиях, организациях, персоналиях, статистике, справочную информацию об органах власти Российской Федерации всех уровней, полнотекстовые базы данных по российскому законодательству, указам Президента и т. п. Базы данных Института атомной энергии им. И. В. Курчатова содержат труднодоступную информацию по вопросам ядерной энергетики, ядерной безопасности, ядерных вооружений, радиоактивного загрязнения окружающей среды.

Все это представляет широкие возможности для прессы. Оперативная база данных Федеральной службы новостей, например, содержит стенограммы проходящих в Москве брифингов и пресс-конференций, а также переводы на английский язык отдельных материалов, опубликованных в российской печати. Газета, радио и телевидение все больше и больше уходят как источники информации из повседневной жизни банков, промышленных предприятий и организаций, официальных учреждений. Это предопределило тенденцию переноса в компьютерные сети ряда изданий как специализированных, так и общего интереса. По сетям распространяется множество журналов и бюллетеней, число которых сейчас невозможно назвать даже приблизительно.

Глобальная информационная инфраструктура ставит перед практикой и теоретиками ряд вопросов, на которые еще предстоит дать ответы. В частности, как совместить соблюдение национальных интересов с правом на свободное распространение информации по компьютерным сетям? Не отбросят ли Россию на задворки информационной сети те страны, которые фактически будут контролировать информационные потоки? Как быть с правом на интеллектуальную собственность? Ведь наши «народные умельцы» по взлому компьютерных сетей и баз данных примерно на десять лет опередили развитые страны, создающие системы защиты от несанкционированного вторжения в сеть. Появились «пиратские» компьютерные сети, по низкой цене распространяющие чужую информацию.

На повестку дня встали достоверность и безопасность информации, распространяемой по компьютерным сетям.

* * *

В зависимости от форм собственности средства массовой информации могут быть:

- государственные;
- частные (коммерческие);
- общественные;
- благотворительные (доверительное управление);
- смешанного типа.

Естественно, что форма собственности существенно влияет на содержание и жизнедеятельность издания. Тому существуют объективные и субъективные причины.

Государственные СМИ чаще всего дотируются и выражают точку зрения официальных властей, для чего, собственно говоря, и создаются. Бюджетные вливания являются основой их безбедного существования.

Частные издания дотируются редко и вынуждены сами добывать себе средства к существованию. Поступления от рекламы некоторым не позволяют даже свести концы с концами. В итоге газеты и журналы все чаще и чаще прибегают к различным ухищрениям, иногда граничащим с нарушением законов, например, «ползучей» рекламе, т. е. оплаченным, скрыто «спонсируемым» публикациям. Среди частных изданий наиболее прибыльными являются бесплатные газеты с большим тиражом, так как они наиболее привлекательны для рекламодателей. Это понятно — у бесплатных газет гарантированное распространение тиража. Проявили свою жизнеспособность и те издания, которые входят в различные финансово-промышленные объединения, где нерентабельность редакционно-издательского бизнеса покрывается доходами других предприятий. Прибыльными могут быть и те издания, которые имеют собственные полиграфические мощности.

Партийные газеты и журналы, а также издания общественных организаций редко претендуют на роль доходного предприятия. Они финансируются в соответствии с возможностями того или иного общественного объединения и проводят свою повседневно-

ную агитационно-пропагандистскую работу в согласии с их традициями и целями.

Доверительная или благотворительная форма владения в настоящее время встречается крайне редко. Обычно владельцем в подобном случае является какой-либо благотворительный фонд, основанный меценатом.

Издания смешанного типа включают в себя черты всех перечисленных форм собственности.

Множество теорий современной журналистики применительно к обществу затрагивают проблему свободы печати. Собственно свобода печати в представлении западных исследователей — это свобода публичного выражения мнения и свобода доступа к источникам информации.

Но даже такое урезанное понимание свободы печати в современном обществе не может быть в полной мере осуществлено. Вот почему, декларируя право на свободу публичного выражения мнения и свободу доступа к источникам информации, правящие круги любой страны в реальной жизни различными способами, формами и методами препятствуют осуществлению этих прав. Для теоретического обоснования практики открытой и скрытой цензуры используются различные концепции, разработанные на Западе.

Для примера рассмотрим концепцию социальной ответственности.

Поскольку средства массовой информации играют чрезвычайно важную роль в современном обществе, постольку и их использование должно осуществляться лишь во благо общества. Вот почему свобода печати неотделима от социальной ответственности. Действительно, как иногда выражаются, «моя свобода размахивать руками заканчивается там, где начинается кончик носа моего оппонента». Помимо законодательных ограничений, существуют и так называемые этические запреты, т. е. самоцензура журналистов.

Уже в начале века существовали правила освещения в печати общественных событий, закрепленные в различных документах. В 1920-х годах были приняты «Этические правила американской газетной гильдии». В 1935 г. был принят французский «Закон со-

вести». Сегодня в большинстве стран в той или иной форме существуют различные кодексы профессиональной этики журналиста.

Разнообразие концепций и теорий журналистики, в том числе и посвященных свободе печати, подтверждает важность места и роли прессы в политической системе современного общества.

Политическая система общества — это система институтов (государственных учреждений, политических партий, объединений и т. п.) и норм, в рамках которых происходит политическая жизнь общества и осуществляется государственная власть. Пресса, с одной стороны, освещает деятельность всех политических институтов и политические процессы, а с другой, сама активно участвует в них.

В обществе, разделенном на классы, неминуемо возникают организации и институты, выражающие волю различных классов и социальных групп, так называемые политические партии. Даже если эти организации и группы не именуют себя партиями и утверждают, что в политической борьбе не участвуют, они все равно в той или иной степени вовлечены в политический процесс, т. е. в выработку, принятие и претворение в жизнь решений, затрагивающих интересы политической власти.

Хунта Пиночета в Чили была «беспартийной». Но разве она не отстаивала интересы вполне определенных слоев общества?

Пресса всегда используется для завоевания и удержания политической власти. Естественно, что в каждой стране существует система правительственного руководства средствами массовой информации. Каковы же ее составляющие?

В самом простом случае — это институт политической цензуры. Специальные государственные органы осуществляют надзор за публикациями. Цензура бывает как предварительная, так и последующая за публикацией. Предварительная цензура осуществляется следующим образом. Лицо, отвечающее за содержание выступлений средства массовой информации (редактор или издатель), представляет рукопись в органы цензуры до публикации. Цензор дает разрешение на публикацию, либо отклоняет рукопись в целом, либо запрещает к публикации отдельные фрагменты представленной рукописи.

Цензура может осуществляться и после публикации. В этом случае цензор анализирует издание или передачу и по результатам анализа делает либо представление принимающим решение лицам, либо своей властью налагает взыскание на издание, если это необходимо.

В некоторых странах существует другой вид цензуры. В творческий процесс цензор не вмешивается. Но представитель администрации после просмотра номера газеты или журнала, передачи может либо разрешить распространять издание или вести трансляцию, либо запретить.

В тех странах, где политическая цензура отсутствует или даже запрещена законом, есть другие формы контроля. Чаще всего это законы и подзаконные акты, регламентирующие тот или иной вид деятельности.

И, наконец, есть самые разнообразные способы контроля за средствами массовой информации при помощи финансового воздействия.

Чаще всего используются все названные формы контроля.

Возьмем для примера Соединенные Штаты Америки, где свобода печати декларирована конституцией. Но разве там отсутствуют способы правительственного управления новостями?

В ЦРУ, например, есть отдел контроля публикаций. Его чиновники осуществляют контроль постфактум. Но были случаи, когда они, в том числе и через средства массовой информации, обращались к писателям и журналистам с «настоятельной просьбой присылать рукописи для предварительных консультаций».

Представление готового номера или передачи на контроль представителю администрации для получения разрешения на распространение или трансляцию скорее характерно для Бенина, но и в США подобное случается. Одному из корреспондентов «Вашингтон пост» удалось добыть «жареные» факты, затрагивающие интересы высокопоставленных чиновников. Утечка информации из редакции позволила принять предупредительные меры. Директор ЦРУ позвонил Екатерине Великой (так называют издателя газеты Кэтрин Грэхэм) и попросил не публиковать материал. Она отказалась подчиниться.

Тогда ей позвонил президент Рональд Рейган. Материал так и не увидел свет.

Помимо первой поправки к конституции США деятельность средств массовой информации в этой статье регулируется статьей 1, раздел 8 (это так называемая «статья о коммерции», предоставляющая право конгрессу регулировать торговлю между штатами и с иностранными государствами). Эта статья конституции стала основой, на которой вырос целый куст законоположений, регламентирующих деятельность СМИ.

Интересной и практически значимой является так называемая концепция «привратника», выдвинутая еще в 1947 г. в работах социопсихолога Курта Левина. Как отмечала Г. Ибраева в статье «Исследование коммуникатора на современном этапе» [Современная наука и журналистика..., 1991, с. 24–25], реальные функции редактора-«привратника» таковы:

- творческая (все журналисты в редакции пишут, отбором же занимается руководитель — как правило, ответственный секретарь);
- в самом пишущем сидит «привратник»; каждый по опыту знает, что может быть пропущено в печать, а что нет;
- функции «привратника» выполняют органы внешней цензуры;
- пресса ориентирует массы в информационном потоке, управляет ими, просвещает их.

Существует множество направлений научного исследования массмедиа за рубежом. Среди них — изучение журналистики как института, включенного в политический процесс; изучение философских концепций массмедиа; «эконометрический» анализ журналистики и т. д. Наблюдается тесное взаимодействие в русле научного исследования журналистики с историей, литературой, языкознанием, политологией, социологией, психологией и другими науками. Совокупность подходов в изучении журналистики в результате дает так называемую медиалогию как новейшее направление в научном исследовании массовой коммуникации.

Многочисленные зарубежные концепции современной журналистики и ее правового поля призваны служить, в конечном счете, практике журналистики. Конечно, сама практика многое берет у теории как концентрированного идейно-концептуального

опыта. Взаимовлияние теории и практики осуществляется непрерывно, в некоторых случаях неосознанно. Однако оно ведет к безусловному повышению влияния массмедиа на читателей, слушателей, зрителей.

§ 2. ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Политика, власть, информация между собой связаны крепчайшими узами. Какую бы категорию мы ни исследовали, неизбежно придем к анализу ее информационной составляющей.

Начнем с мировой политики. Определение мировой политики как науки о закономерностях и особенностях политической деятельности и поведении основных субъектов международных отношений, об их интересах, выраженных в функционировании Организации Объединенных Наций и других общепризнанных органов и организациях мирового сообщества так же, как и определение геополитики требует соответствующей корректировки. Сфера мировой политики как поле мировых политических отношений, единое мировое политико-временное пространство, на протяжении которого (или в его составных частях) разворачиваются основные международные политические действия, значительно шире. На первый план в современном мире, в частности в 2008 г., вышли субъекты международных отношений, не являющиеся членами Организации Объединенных Наций. Борьба за власть в тех или иных регионах мира связана с позицией ведущих держав, борьбой за сферы влияния на правительства государственных новообразований. Противоречия в понимании развития мирового сообщества определяют международные отношения. Складывается такое впечатление, что мировая политика обеспечивает функционирование транснациональных корпораций либо иных предприятий, имеющих отношение к финансированию политической элиты государств, которое в свою очередь формирует международные отношения. При этом, когда мы говорим о мировой политике, нельзя сбрасывать со счетов роль политических деятелей. Как отмечает

в своей книге «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами» Е. М. Примаков, на ближневосточном политическом поле нельзя обойти Гамалю Абдель Насера, Ясира Арафата, Анвара Садата, Саддама Хусейна, Хафеза Асада, Муамара Каддафи, короля Хусейна [Примаков, 2006]. Однако времена меняются, меняются люди. Чьи-то имена уходят в забвение, другие до настоящего времени формируют мировое политическое пространство. В указанной работе не случайно названы имена ближневосточных политиков, так как развитие международных отношений, формирование мировой политики и развитие геополитических интересов практически всех государств связано именно с Ближним Востоком. По мнению Е. М. Примакова, необходим критический анализ политики внешних, по отношению к арабскому миру, сил и государств, влияющих на него конфликта с Израилем. Иначе можно прийти к ошибочному пониманию того, что представляет собой столь важный для мировой политики и экономики регион сегодня.

Освещение событий на Ближнем Востоке средствами массовой информации сделало свое дело — сформировало у граждан европейских стран мнение, согласно которому основные противоречия сегодняшнего мира — цивилизационно-религиозные. Данное утверждение поддерживают многие политологи, но их выступления становятся столь «заказными», что это видно невооруженным взглядом. Аналитические статьи в периодической печати, аналитические программы на телевидении скорее определяются как оперативная политическая аналитика, связанная с освещением конкретного политического события или процесса, нежели глобальное политическое прогнозирование, позволяющее анализировать будущее мировой политики. При этом политические события, имеющие значение для формирования международных отношений преподносятся средствами массовой информации с точки зрения «ведущих демократий».

Анализ функционирования мирового порядка западноевропейского и американского происхождения в иной культурной и социальной среде, например в Африке, практически в полном объеме оказался безуспешным. Проблема в том, что во многих государствах среди факторов, затрудняющих адекватную, с точ-

ки зрения европейской цивилизации, реализацию становления глобального мирового порядка, можно назвать традиционалистское представление о власти, колониальное прошлое, клиентелизм, патримониализм. С точки зрения экономики, данные факторы присущи не только отсталым странам, но и экономически развитым державам. Так, узурпация СМИ приводит к тому, что отдельные политические партии или руководители государств считают, что только их видение и прогнозирование грядущих политических событий является единственно верным для развития того или иного региона, независимо от его местонахождения.

Говоря о влиянии мировой политики на формирование международных отношений, необходимо учитывать то, каким образом формировались современные государства. Наиболее изученный материал связан с формированием новых государств путем деколонизации или борьбы за независимость колоний с их метрополиями. Это действовало при образовании США, многих стран Азии, Африки и Латинской Америки. Другой и менее изученный материал свидетельствует об образовании государств вследствие распада многонациональных образований, независимо от факторов такого распада. Третий способ образования новых государств состоит в создании национального государства исключительно на основании принятия международно-правовых решений, например, Израиль [Палестина..., 1996, с. 122–139]. Дело в том, что не существовало какого-либо предшествующего политического образования, которое можно было бы признать историческим предшественником государства [Maus, 1998, р. 11–12]. Не существовало других государств, из которых данное государство выделилось бы посредством их раскола по национальному признаку. Феномен искусственного создания государства Израиль заключается в том, что оно создано по конфессиональной принадлежности, принадлежности к определенной идеологии — сионизму.

На протяжении многих лет англичане старались совместить свои обещания евреям и арабам (обещания последним были обусловлены стремлением Великобритании поддержать хорошие отношения с арабским миром — производителем нефти и сохранить свои военные базы в арабском мире). В конце концов

в 1948 г. Англия отказалась от мандата на Палестину, сняв с себя ответственность за взаимоотношения евреев и арабов. На место Англии встали США. Президент США Трумэн, невзирая на сопротивление своего государственного секретаря Джоржа Маршалла, заявил о признании Израиля. Сирия, Ливан, Ирак, Египет, Иордания выступили против Израиля, однако дипломатическими путями Соединенным Штатам Америки удалось достичь перемирия, и в этот период они помогли собрать крупные суммы денег на приобретение оружия для регулярных войск Израиля, а также для нерегулярных израильских формирований, которые по своей численности превосходили арабские войска. После возобновления боевых действий Израиль прочно встал на ноги. Накануне провозглашения независимости в мае 1948 г. израильские войска устроили в Дейр-Ясине, окрестностях Иерусалима, кровавую бойню, вызвавшую массовый исход арабских беженцев. Бойней в Дейр-Ясине (позднее она получила название Гиват шаул) воспользовались политики [Кальвокаресси, 2003]. До настоящего времени это событие приводится в качестве оправдания совершения террористических актов в отношении израильтян. Геополитические интересы Ирана в тот момент требовали удовлетворения интересов США, а потому Израиль установил прочный союз с Ираном, который предоставил убежище евреям, бежавшим из Ирака. В 1950 г. Иран признал государство Израиль. Государство Израиль нельзя назвать ключевым игроком мировой политической игры, однако на Ближнем Востоке практически в любом событии просматривается след этого государства.

Подводя итог изложенному выше, можно сказать, что под мировой политикой необходимо понимать удовлетворение внутриполитических амбиций государств путем умышленного создания политического казуса за их пределами и влияние политических отношений на формирование внутренней политики государства. Таким образом, мировая политика воздействует как на формирование семей права, так и на управление мировыми информационными потоками. И все-таки, как ни значимы семьи права и как ни широка сфера их распространения, ими не ограничивается весь современный юридический мир.

Международное право

§ 1. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ПРОЦЕССЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Политическая власть и собственно весь политический менеджмент осуществляются в сфере коммуникаций. Естественно поэтому, политические лидеры стремятся контролировать информационные потоки как на национальном, так и на международном уровнях. Но международные отношения в современных условиях во многом опираются на международное право. В какой степени оно зависит от государств, политических деятелей, в целом от власти? Является ли сама информация властью?

Под термином власть понимается способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей и СМИ с помощью каких-либо средств — воли, авторитета, права, насилия. Под властью часто понимается также политическое господство и система государственных органов.

Термин информация происходит от латинского *informatio* — разъяснение, изложение. Первоначально под информацией понимались все сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т. п.). К середине XX в. сформировалось общенаучное понятие, воспринимаемое как обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен

сигналами в животном и растительном мире; передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму. Информация также одно из основных понятий кибернетики. Уже из данных определенных видна вся важность информации для осуществления власти, особенно политической.

Человеческое общество, будучи целостным организмом, разбивается как система, элементы которой (сферы общественной жизни) находятся во взаимодействии друг с другом. Отсюда ясно, что для удержания власти управление обществом должно быть системным и комплексным.

Исторически сложились два принципа управления обществом: стихийный и сознательный. Стихийное управление выражает такое взаимодействие социальных сил, в котором неустранимо действие случайного, — это усредненный результат, складывающийся из массы целенаправленных сознательных действий, в которых принципиально нельзя учесть все их последствия (рынок, например).

Переход к сознательному управлению невозможен без научно-го осмысления процессов, протекающих в обществе. В наши дни наиболее интенсивно проблема управления разрабатывается в связи с развитием общетеоретических дисциплин, в частности кибернетики, два основополагающих понятия которой — информация и управление.

Социальная информация, прежде всего, смысловая информация, т. е. такая, которая перерабатывается человеческим сознанием и реализуется в деятельности людей. Она циркулирует в обществе как совокупность знаний, сведений, сообщений, идей об окружающем мире, прежде всего об обществе, служащих целям управления общественными процессами. Оптимальное управление предполагает объективную, истинную и полную информацию. Успех демократии, как отмечают многие исследователи, во многом зависит от возможности справедливого и равного распределения в обществе всех соперничающих точек зрения, которые позволили бы гражданам сделать свой, подкрепленный информацией, выбор. В этом смысле чрезвычайно важной становится возможность доступа как оппозиции, так и правящих кругов к средствам массовой информации.

Особенно это важно во время избирательных кампаний, когда идет открытая борьба за места в парламенте. Обеспечение равного доступа к СМИ — главный показатель способности властей провести честные и справедливые выборы.

Национальный демократический институт международных отношений (США, федеральный округ Колумбия, Вашингтон) среди общих принципов наблюдения за средствами массовой информации выделяет четыре принципиальных аспекта.

Первый заключается в необходимости следить за действиями властей по обеспечению права журналистов на сбор и распространение информации. Второй аспект связан с анализом того, что делают власти и пресса для предоставления партиям и кандидатам возможности общаться с избирателями в ходе предвыборной кампании. Третий аспект предполагает наблюдение за попытками властей и прессы добиться объективности в освещении партий и кандидатов в информационных и новостных программах. Четвертый аспект отражает, что делают правительство и средства массовой информации для просвещения избирателей о важности и процедуре голосования [Михайлов, 1998, с. 18–27].

Среди наиболее вероятных фактов, не позволяющих СМИ свободно осуществлять присущие им функции, следует отметить следующие. Это прямая правительственная цензура или вмешательство, непрямые факты цензуры, давление или атаки на представителей прессы с целью помешать им выполнять свои законные обязанности по освещению избирательного процесса, неспособность властей обеспечить журналистам и издателям необходимую защиту от давления со стороны политических экстремистов, цензура внутри самих средств массовой информации. Кроме того, следует оценивать доступность и действенность механизмов обжалования неправомерных действий, совершенных против прессы, как и возможность обжалования партиями и кандидатами неправомерных действий самой прессы. Эти механизмы включают в себя обращения в избирательные комиссии, государственный орган, отвечающий за деятельность средств массовой информации, прокуратуру и суды [Там же].

В российской науке проблемы взаимосвязи прессы и политических процессов наиболее активно стали разрабатываться с 60-х годов. Значительная часть литературы была посвящена обоснованию закономерности и неизбежности роста политической активности граждан, а пресса рассматривалась как один из инструментов социального управления. В 80-е годы был поставлен вопрос о необходимости совершенствования общественных отношений, и в связи с этим стала изучаться степень влияния средств массовой информации на процесс подготовки и принятия политических решений, а также их практической реализации.

Современные концепции демократии (популистская, массовая, теория полиархии и т. п.) выступают чаще всего как разновидности плюралистической теории. Они в достаточной степени изучены российскими и зарубежными учеными и продолжают оставаться в зоне их пристального внимания [Пую, 1993, с. 3].

Это вызвано процессами демократизации общественно-политической жизни во многих странах мира.

Для обеспечения подлинного народовластия необходимо комплексное осуществление демократических принципов, среди которых немаловажное значение имеет свобода печати. Поскольку в реальном обществе заинтересованные в завоевании или сохранении политической власти классы, группы и слои населения находятся далеко не в равных условиях, степень контроля над средствами массовой информации приобретает первостепенный интерес.

В демократическом обществе свобода печати гарантирована конституцией и всем укладом жизни. Средства массовой информации выполняют функции информирования и просвещения, контроля и наблюдения за действиями государства, формирования политического пространства. Различные авторы по-разному подходят к определению приоритетов в деятельности СМИ, но практически все сходятся на важности этих функций прессы для демократии.

В развитых странах Запада самое пристальное внимание уделяется изучению конкретных социальных функций прессы. При-

кладное значение подобных исследований чрезвычайно высоко, поскольку они дают несомненный практический выход. Особенно при изучении так называемых «качественных» газет, рассчитанных на элиту, принимающую решения. По мнению американского теоретика журналистики У. Шрамма, качественные газеты привлекают «влиятельных читателей широтой и глубиной освещения и имеют тенденцию занимать независимую и даже критическую позицию по отношению к правительству. Их политику не контролирует никакая центральная власть, и они служат скорее наблюдателями и критиками своих правительств, чем их представителями» [На службе монополий..., 1977, с. 117].

Крупный специалист в области качественной печати, автор книги «„Элитарная“ пресса» Дж. Мэррил обращает особое внимание на содержание качественных изданий как одну из главных их характеристик. Эти издания представляются Мэррилу «более озабоченными будущим, завтрашними последствиями сегодняшних событий. Они имеют возможность предвидеть и предсказывать благодаря своей заинтересованности и информированности» [Merrill, 1968, p. 22].

Конкретно-социологические исследования прессы позволяют поднять эффективность выступлений печати, найти наиболее важные звенья в цепи формирования общественного мнения и управления им. Как отмечают исследователи, в целом процесс формирования и изменения политических взглядов личности, процесс политической социализации протекает в двух формах — прямой и косвенной. Прямая форма включает такие аспекты, как подражание, политическое образование, в частности, под воздействием СМИ, политический опыт. Косвенные формы политической социализации включают межличностное общение, участие в различных неполитических организациях и движениях, генерализацию — перенос на политические объекты и процессы — отношений, выработанных к другим ценностям, нормам и явлениям общественной жизни [Dawson, 1969].

В ряде стран, например, в США, наблюдается политизация массового сознания. В работе Н. П. Попова «Политизация мас-

сового сознания в США» рассматриваются факторы и движущие силы этого процесса, вопросы отношения к социально-экономическому устройству общества, правительственным органам, большому бизнесу, важным социальным проблемам, анализируется дифференциация населения на социальные слои и группы в связи с их политической ориентацией [Попов, 1981].

Социологическое направление представлено также английским автором Д. Макквейлом, изучавшим прессу в качестве социального института. Особое внимание он уделил изучению содержания СМИ и их воздействия на аудиторию. Труды Макквейла во многом перекликаются с исследованиями, выполненными американскими учеными, работавшими в русле американской социологической теории [Mc Qual, 1976]. На концептуальные разработки в области социологической теории массовых коммуникаций оказал серьезное влияние функциональный метод Т. Парсонса.

Конкретные исследования приводят зачастую к обобщениям и выводам в духе различных концепций и направлений. Вот, например, к какому заключению пришли крупнейшие американские социологи П. Лазарфельд и Р. Мертон: «Главные группы власти, основное место среди которых занимает организованный бизнес, приходят к применению методов манипулирования массами посредством пропаганды вместо более прямых средств контроля... Те, кто контролирует взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому убеждению. Радиопрограммы и реклама служат вместо запугивания и насилия» [Багдикян, 1987, с. 6].

Конкретные исследования отдельных проблем СМИ приводят и к другим выводам. Так, Дж. Танстелл выступил с концепцией «дерегуляции прессы». Суть ее сводится к следующему. Поскольку во многих странах пресса все больше и больше входит в рыночные отношения, то спрос и предложение такого особого товара, как газеты и журналы, радио- и телепрограммы и т. п. начинают действовать вместо государственных и иных официальных регуляторов. Рыночные механизмы начинают управлять содержанием информации.

В условиях перехода от тоталитаризма к демократии пресса еще не может играть роль «четвертой власти», так как существуют весьма эффективные формы ее регулирования со стороны государства. В этой связи достаточно плодотворным является направление, выделяющее в качестве основной коммуникативную функцию прессы. Вместе с тем, у массмедиа есть определенные возможности влиять на политический процесс на всех его этапах — от выработки и принятия решения до контроля за его исполнением.

В период острых политических дискуссий или во время выборов все очевиднее становится откровенная продажность новой российской прессы. И дело касается отнюдь не одних рекламных объявлений. Газетная площадь заполняется так называемыми «заказными материалами», т. е. написанными по заданию какой-либо организации и оплаченные ею. Ни о какой свободе журналиста в этом случае говорить не приходится.

«Золотой дождь» для прессы начинается в период избирательных кампаний. Политические партии и объединения, блоки и общественные движения в попытках провести своего кандидата прибегают к скрытому и открытому подкупу журналистов и изданий, радио и телевидения.

В чем же причины этого явления? Их несколько.

Во-первых, бедственное положение большинства российских изданий. Лишь те из них, что принадлежат представителям крупного капитала, либо получают государственные субсидии, сегодня могут существовать более-менее нормально.

Во-вторых, переход к рыночным отношениям не сделал нашу прессу такой, как в развитых странах Запада. Не произошло отделения рекламы от журналистики, нет четкой грани между информацией, комментарием и мнением редакции, не изменилась организационная структура редакций. Более того, повсеместно наблюдается проводимое в целях экономии совмещение функций. Возьмем для примера газету тиражом 50 тыс. экземпляров. В США штат такого издания весьма значителен. В штате отдела информации 55 человек. Как правило, на каждую тысячу ежедневного тиража приходится один редактор, на одного редактора — 2,5 репортера. Как показывает зарубежный опыт, эко-

номия на штатных сотрудниках приводит к резкому снижению качества и гибели издания. Примером тому может быть французская газета «Котидьен де Пари». В 1991 г. Ф. Тессон был вынужден сократить количество страниц с 32 до 24, одновременно пришлось сократить штат на 40 человек. Однако один раз встав на путь излишней экономии и сокращения, сойти с него крайне трудно. Чем больше сэкономила газета, тем больше становились ее потери от сокращения читателей. В 1992 г. был сведен с дефицитом в 30 млн. франков, и «Котидьен», что называется, вошла в штопор.

В-третьих, неправильная политика государства по отношению к прессе. Государству выгодно поддерживать известные массовые издания, так как их «благодарность» в виде проправительственных выступлений значительно весомее, чем малые, пока никому не известные газеты и журналы. А им помощь гораздо нужнее, чем твердо стоящим на ногах в финансовом отношении монстрам.

В-четвертых, полнейшее игнорирование законов и подзаконных актов, посвященных рекламе, в том числе и скрытой, со стороны рекламодателей, рекламистов и прессы. Существуют и другие факторы, делающие вторую древнейшую профессию откровенно продажной в современных условиях.

В условиях глобализации информационного пространства и великого множества национальных правовых систем в регулировании информационных потоков все большую роль начинает играть международное право.

Совсем недавно международное право было чем-то оторванным от внутреннего законодательства, воспринималось лишь как номинальная величина, а соблюдение его принципов считалось необязательным. Но и до настоящего времени переломить тенденцию игнорирования международного права не совсем удается. Причины очень банальные, одна из которых — отсутствие необходимой информации.

Вторая причина — непонимание, а может быть, и нежелание властителей информировать население о тех процессах, которые происходят на международной арене. В действительности про-

грессивные силы мирового сообщества, понимая всю важность укрепления международного права, вовлекают в процессы унификации внутренних законодательств все новые и новые страны.

Международное право – это совокупность юридических принципов и норм, закрепленных в договорах, заключенных между субъектами международного права, регулирующие отношения между государствами, а посредством них и гражданами этих государств, заключенных уполномоченными на то лицами, либо организациями и обязательные к исполнению на территории подписавших такой договор государств, после соответствующей процедуры их легализации.

Институты международного права сформировались еще в древности. Наиболее развиты были нормы посольского и договорного права, некоторые правила войны. Международное право эпохи рабовладения включало в себя также такие институты и нормы, как неприкосновенность послов, святость заключенных договоров и союзов, третейские суды и посредничество, защита прав иностранцев, объявление войны, нейтрализация храмов, запрет отравленного оружия.

Образование феодальных государств, их раздробленность, постоянные междоусобные войны вызывали необходимость создания различных политических союзов и породили потребность развития международных отношений.

В процессе образования национальных и многонациональных государств и с укреплением верховной власти складывалось понятие суверенитета.

Довольно значительную роль в развитии международного права сыграли итальянские города-республики: Венеция, Флоренция, Пиза, Генуя. Рост морской торговли способствовал проведению многочисленных кодификаций обычаев морской торговли.

Развитые отношения с различными государствами имела Киевская, а затем и удельная Русь, где были выработаны нормы международного права, в некоторых отношениях намного опередившие уровень международного права европейских стран. Например, на Руси были известны принципы государственного правопреемства, освобождение пленных не только за выкуп, но

и безвозмездно, демилитаризация отдельных областей (например, Восточной Карелии в 1323 г.).

Новые принципы международного права сложились в эпоху буржуазных революций и в особенности в результате Великой Французской революции. Суверенное равенство, независимость, территориальная неприкосновенность, невмешательство во внутренние дела других государств, соблюдение договоров были декларированы в качестве основных начал международного права и получили закрепление как в законодательстве отдельных государств, так и в международном праве.

Таким образом, международное право можно назвать правом международных договоров, хотя если говорить юридическим языком, то право международных договоров — это всего лишь отрасль международного права. Но это базовая отрасль международного права.

Право международных договоров было кодифицировано в трех универсальных конвенциях:

— Венской конвенции о праве международных договоров (1969);

— Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров (1978);

— Венской конвенции о договорах между государствами и международными организациями или между международными организациями (1986) [Хрестоматия по международному праву..., 1997, с. 63].

Венская конвенция 1969 г. вступила в силу в 1980 г., а на территории России действует с 1986 г., с момента присоединения к ней Союза Советских Социалистических Республик. Данная конвенция касается лишь договоров, заключенных между государствами.

Венская конвенция 1978 г. регламентирует правопреемство (т. е. переход прав и обязанностей от одного субъекта международного права к другому) в отношении международных договоров. Для наглядности можно привести пример, когда Россия, провозгласив себя правопреемником Союза Советских Социалистических Республик, приняла обязательства выплатить его денежные долги.

Венская конвенция 1986 г. содержит положения, учитывающие специфику договоров с участием международных организаций. В отличие от конвенции 1969 г., конвенции 1978 и 1986 г. на территории России юридической силы не имеют, так как не вступили в силу, и их положения имеют лишь рекомендательный характер.

Согласно Венской конвенции 1969 г. термин договор означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования [Там же.]. Нужно обратить внимание, что термин договор используется не только в международном праве, но и в национальном законодательстве. Но понятия «международный договор» и «договор» не аналогичны. Это разные правовые явления.

Говоря о современном международном праве, необходимо отметить некоторую недооценку его роли. Совсем недавно международное право рассматривалось, как отдельно стоящее от национального законодательства. Вот как определял роль международного права Ю. В. Мишальченко: «Международное право отличается от национального права по социальной сущности, субъектам, способу образования норм, объектам регулирования, способам функционирования и т. д. Международное право по социальной сущности имеет общедемократический характер, поскольку его нормы создаются путем согласования воли субъектов международного права и не зависят от социальной сущности государств. Субъектами международного (публичного) права являются суверенные государства; нации и народы, борющиеся за создание самостоятельного государства; межгосударственные организации и некоторые государствовподобные образования. В отличие от этого субъектами национального права являются физические и юридические лица, органы государства» [см.: Правовые и социально-экономические аспекты..., 1996]. По мнению Ю. В. Мишальченко, международное право регулирует отношения международного характера и оказывает к о с в е н н о е вли-

яние на регламентацию отношений внутри государств, если последние не выразили согласия по поводу прямого регулирования указанных отношений.

Действительно, международное право регулирует отношения международного характера, но теперь оказывает не косвенное, а прямое воздействие на регламентацию отношений внутри государства.

Для наглядности приведем один пример. В 1961 г. в Нью-Йорке была подписана Единая конвенция о наркотических средствах. Россия является участницей данной конвенции. Согласно этому документу, государства-участники приняли на себя обязательства, одно из которых — считать наркотическим средством то средство, которое определено Единой конвенцией о наркотических средствах как наркотическое средство и которое входит в перечень наркотических средств, утвержденный данной конвенцией. С 1961 г. прошло уже достаточно много времени, и наркоторговцы изобрели немало новых препаратов, которые не попали в перечень наркотических средств. В 1972 г. перечень наркотических средств был пересмотрен и значительно дополнен. Россия в 1995 г. приняла Федеральный Закон о присоединении к данным поправкам. Кажется, все ясно. Перечень наркотических средств утвержден и выходить за его рамки нельзя. Здесь обратим внимание на то, что участником данной конвенции является не просто государство, а каждый гражданин государства, подписавшего данную конвенцию. Если мы говорим, допустим о незаконном обороте наркотических средств, то естественно, имеем в виду те наркотические средства, которые утверждены Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 г. с поправками к протоколу этой конвенции 1972 г. И речь об ответственности за незаконный оборот наркотических средств будет идти именно в связи с данным перечнем. Например, было бы неправильным включать в перечень наркотических средств на территории России сало и привлекать жителей Украины за контрабанду данного продукта на территорию России. Так же и Украина, в свою очередь, не будет вводить как наркотическое средство водку для привлечения россиян к уголовной ответственности.

В 1998 г. правоохранительные органы Санкт-Петербурга привлекли к уголовной ответственности гр-на Семенова за незаконный оборот наркотического средства «фенамин». Согласно постановлению российского правительства, утвердившего перечень наркотических средств, данное вещество является наркотиком. Этот перечень официально опубликован, а потому вроде бы все в порядке. Но юристами был вскрыт казус, который в деле простого физического лица заставил правоохранительные органы по-новому взглянуть на свои действия, с точки зрения международного права. Дело в том, что фенамин, согласно Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. и протокола 1972 г., как мы помним, утвержденного федеральным законом, в списке наркотических средств не содержится. Данный препарат включен в «Список психотропных веществ», утвержденный Конвенцией о психотропных веществах, участницей которой, как уже было сказано, является Россия. Об этом первыми заговорили СМИ. Вышло несколько статей, после чего на них отреагировали как Генеральная прокуратура, так и министерство внутренних дел России.

К чести правоохранительных органов отмечу, что в данном конкретном деле были применены нормы международного права. Обвинение в незаконном обороте наркотических средств было снято.

Это не единичный пример. Так что мнение Ю. В. Мишальченко о лишь косвенном влиянии международного права на регламентацию внутреннего законодательства в настоящее время является не совсем точным. Мы никоим образом не ставим под сомнение формулировки международного права, данные Ю. В. Мишальченко. Просто необходимо делать поправки на то, что данная его статья появилась в 1996 г., когда международное право для большинства граждан России было непонятным явлением, а потому любое упоминание международного права в обыденной жизни было чуть ли не революционным шагом.

Что касается наций и народов, борющихся за создание независимого государства и за право считаться субъектом международного права, то к этому термину также надо подходить очень

осторожно. Все мы являемся свидетелями тех событий, которые проходят на наших глазах. Возьмем для примера три «горячие точки»: в недавнем прошлом Чеченская Республика — в России, Косово — на Балканах, Сахарская Арабская Демократическая Республика — в Африке.

В соответствии с Конституцией России Чеченская Республика как субъект международного права (ст. 72 Конституции РФ) может выступать, лишь скоординировав свои международные планы с федеральным центром. Учитывая, что субъектом международного права является Российская Федерация, то получается ни де-юре, ни де-факто Чеченская республика не может являться субъектом международного права. Нет на сегодняшний день и волеизъявления нации и народа путем референдума о желании самоопределиваться.

Косово де-юре это отдельный субъект международных отношений. Почему? Ведь в данном случае также не проводилось референдума. Но согласно международным договорам Косово считается уже отдельной территорией, на которой будут проживать народы, в большинстве своем албанцы. Однако де-факто это еще не субъект, так как управляют территорией не органы данного государства, а международные силы правопорядка. И даже после провозглашения Косово суверенным государством, лишь после передачи власти сформированному правительству данное государство станет фактически субъектом международного права. Дальнейшие события прояснили ситуацию, но только отчасти. Вопрос о статусе Косово вызывает много споров и разногласий. В результате активных боевых действий военно-воздушных и военно-морских сил НАТО против Союзной Республики Югославии и под давлением дипломатии руководство Югославии было вынуждено согласиться вывести с территории Автономного края Косово и Метохии военные и полицейские силы, тем самым утратив фактический контроль над ней. С июня 1999 г. Косово и Метохия находятся под управлением администрации ООН и под фактическим военным протекторатом НАТО (KFOR). 17 февраля 2008 г. парламент Косово в одностороннем порядке объявил о независимости от Сербии и о формировании суверенного государства — Республика Косово. Однако согласно консти-

туции Сербии, парламент края не обладает необходимыми для отделения полномочиями, поэтому объявление независимости нелегитимно, и Косово, по-прежнему, входит в состав Сербии как автономный край Косово и Метохия. 18 февраля 2008 г. Афганистан, Тайвань и ряд европейских стран первыми признали независимость Косово. Такое решение приняла Франция, а затем к ней присоединились Великобритания и Италия. В тот же день независимость Косова признали США. В это же время против признания независимости края выступили Испания, Кипр, Греция, Словакия, Болгария, Румыния, Китай и Россия. 19 февраля 2008 г. Болгария изменила свое решение и объявила, что в будущем признает суверенитет края. 20 февраля 2008 г. Германия также признала суверенитет края. В феврале 2009 г. число стран, признавших независимость Косова, достигло 54. С точки зрения Сербии и непризнавших отделение государств, статус Косова на данный момент — автономный край Сербии, в одностороннем порядке заявивший о своей независимости, признанный некоторыми странами самостоятельным государством и получающий военную поддержку войск НАТО, которые противодействуют восстановлению территориальной целостности Сербии и установлению конституционного строя на территории Косово и Метохии. В качестве ответной меры на объявление независимости парламент Сербии принял единогласное решение об аннулировании решения краевого парламента Косово от 18 февраля. Аналогичное решение 17 февраля приняло правительство Сербии. Решение было принято на основании нарушения конституции Сербии, а также норм международного права о неприкосновенности территориальной целостности стран. Республика Косово была названа «фальшивым государством на территории Сербии», а на лидеров республики были заведены уголовные дела. Сербия также отозвала послов из США, Германии и Великобритании. 28 июня 2008 г. была сформирована Сербская Скупщина Косово — местный парламент в северной части края, неконтролируемой албанцами. Новый парламент поддержали Сербия и Россия, а США, руководство ЕС и власти самопровозглашенной Республики Косово объявили его нелегитимным.

Сахарская Арабская Демократическая Республика — бывшее колониальное владение Испании. Вопрос о ликвидации колониального режима в Западной Сахаре обсуждался в ООН, начиная с 1966 г. С 14 ноября 1975 г. Испания передала под временное управление двух стран — Мавритании и Марокко — территорию Западной Сахары. 27 апреля 1991 г. Совет безопасности ООН принял резолюцию, практически определяющую начало комплекса мер по проведению референдума в Западной Сахаре, и это при том, что Мавритания, а так же еще более 80 стран признали Сахарскую Арабскую Демократическую Республику субъектом международного права. Таким образом, и юридически, и фактически сформировалось данное государство, которому осталось лишь, выполняя волю международного сообщества, соблюсти требования международного права и получить решение референдума на самоопределение, которое было назначено на лето 2000 г., после чего на карте мира (на российской политической карте мира эта территория называется Западной Сахарой) должно было появиться новое государство [Блищенко, Дориа, 1999, с. 85].

Эти примеры подтверждают, что нации и народы могут быть субъектом международного права, но для этого необходимо соблюсти предусмотренные международным правом процедуры.

Если смотреть глобально, то в Европе все тесно переплелось: экономика, политика, преступность. Можно ли прийти к единому толкованию правовых норм?

21 ноября 1990 г. Париж. После долгих лет подготовки главы государств и правительств стран-участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе провозгласили, что эра конфронтации и раскола Европы завершена.

Десять положений заключительного акта Совещания известны большинству людей как Парижская хартия для новой Европы, и их не может не разделять любой человек.

Парижская хартия провозгласила, что каждый человек имеет право на:

- свободу мысли, совести, религии и убеждений;
- свободу выражения своего мнения;
- свободу ассоциаций и мирных собраний;

- свободу передвижения;
никто не будет:
- подвергаться произвольному аресту или содержанию под стражей;
- подвергаться пыткам или другим видам жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческого достоинство обращения и наказания;
- каждый имеет право:
 - знать свои права и поступать в соответствии с ними;
 - участвовать в свободных и справедливых выборах;
 - на справедливое и открытое судебное разбирательство в случае предъявления обвинения в совершении преступления;
 - владеть собственностью единолично или совместно с другими и заниматься индивидуальным предпринимательством [см.: Действующее международное право, 1996].

Российская Федерация является участницей более тридцати международных конвенций и множества двусторонних соглашений и договоров, — и заключенных самостоятельно, и обязательных для исполнения согласно Закону от 24 октября 1990 г. по статусу правопреемницы СССР.

Отсчет современного международного права начинается с принятия устава Организации Объединенных Наций. Этот устав был подписан 26 июня 1945 г. в г. Сан-Франциско на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации и вступил в силу 24 октября 1945 г. Только что завершилась вторая мировая война. Политики понимали, что больше без каких-либо международных соглашений жить невозможно, и в преамбуле к Уставу ООН появилась ссылка на международное право.

Народы Объединенных Наций решили объединить усилия для достижения нижеперечисленных целей: избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и равенство прав больших и малых наций и создать условия, при которых могут

соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права.

Свои цели и принципы ООН определила в ст. 1 и 2 своего Устава.

Статья 1.

Организация Объединенных Наций преследует цели:

- 1) поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира;
- 2) развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а так же принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира;
- 3) осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии;
- 4) быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей.

Статья 2.

Для достижения целей, указанных в ст. 1, Организация и ее Члены действуют в соответствии со следующими принципами:

- 1) организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов;
- 2) все члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, что бы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации;
- 3) все члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость;
- 4) все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применением как против

территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций;

5) все члены Организации Объединенных Наций оказывают ей всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с настоящим Уставом, и воздерживаются от оказания помощи любому государству, против которого Организация Объединенных Наций предпринимает действия превентивного или принудительного характера;

6) организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее Членами, действовали в соответствии с этими Принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности;

7) настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права вмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании гл. VII (Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии) [Сборник важнейших документов..., 1997, с. 3–35].

§ 2. Источники и принципы международного права

Мысль о развитии международного права путем подтверждения существующих норм или посредством разработки новых правил не нова. В последней четверти XVIII в. Еремия Бентам предложил осуществить кодификацию всего международного права; правда, при этом он опирался на воззрения утопизма. После него многочисленные попытки осуществить кодификацию предпринимались отдельными лицами, научными обществами и правительствами. Дальнейшим важным шагом в усилиях правительств по осуществлению кодификации и развитию международного права явилась резолюция Ассамблеи Лиги Наций от 22 сентября 1924 г., в которой предусматривалось создание постоянного органа, именуемого Комитетом экспертов для прогрессивной ко-

дификации международного права, состав которого должен был представлять главные формы цивилизации и основные правовые системы мира. В задачу этого Комитета, состоявшего из 17 экспертов, входили подготовка перечня вопросов, «регулирование которых посредством международного соглашения» являлось «желательным и осуществимым», последующее изучение замечаний правительств по этому перечню и предоставление доклада по вопросам, которые являлись «достаточно созревшими», а также по процедуре подготовки конференции для их урегулирования. Это была первая предпринятая в мировых масштабах попытка не ограничиваться урегулированием отдельных и конкретных правовых проблем, а осуществить кодификацию и развитие целых областей международного права. После проведения ряда консультаций с правительствами и Советом Лиги Ассамблея в 1927 г. приняла решение о созыве дипломатической конференции для кодификации трех из пяти тем, которые, по мнению Комитета экспертов, являлись «достаточно созревшими», а именно:

- гражданство;
- территориальные воды;
- ответственность государств за ущерб, нанесенный на их территории личности или собственности иностранцев.

Проведение работы по подготовке конференции было поручено Подготовительному комитету в составе 5 человек, в задачу которого входило не составление проекта конвенции, как было предложено Комитетом экспертов, а составление докладов по вопросам, по которым имеется согласие или расхождение мнений и которые могли бы послужить «основой для обсуждения». Представители 47 правительств приняли участие в Конференции по кодификации, проходившей в Гааге 13 марта — 12 апреля 1930 г.; однако на этой Конференции были приняты международные документы, которые касались лишь вопроса о гражданстве. Конференция не смогла принять каких-либо конвенций по вопросам, касающимся территориальных вод или ответственности государств. В предварительном порядке Конференция одобрила ряд проектов статей о территориальных водах, которые позже оказали настолько сильное воздействие, что правительства приняли

их в качестве изложения существующего международного права; однако Конференции не удалось принять ни одной рекомендации по вопросу об ответственности государств.

После 1930 г. Лига Наций не проводила каких-либо новых экспериментов в области кодификации. Однако 25 сентября 1931 г. Ассамблея Лиги приняла важную резолюцию о процедуре кодификации, основная мысль которой заключалась в укреплении влияния правительств на каждом этапе процесса кодификации. Эта основополагающая идея была впоследствии включена в Положение о Комиссии международного права ООН наряду с другими рекомендациями, содержащимися в этих резолюциях, такими как подготовка проекта конвенции Комитетом экспертов и тесное сотрудничество международных и национальных научно-исследовательских институтов.

Правительства, участвовавшие в разработке Устава Организации Объединенных Наций, в своем подавляющем большинстве выступили против передачи Организации Объединенных Наций законодательной власти, позволяющей ей устанавливать обязательные нормы международного права. Как естественное следствие этого, они также отклонили предложения о возложении на Генеральную Ассамблею полномочий, позволяющих ей определенным большинством голосов налагать на государства обязательства по выполнению некоторых общих конвенций. Вместе с тем решительную поддержку получило предложение о предоставлении Генеральной Ассамблее более ограниченных полномочий, заключающихся в проведении исследований и даче рекомендаций, результатом чего явилось принятие следующего положения п. 1 ст. 13:

«1. Генеральная Ассамблея организует исследование и делает рекомендации в целях:

а) ...поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации».

31 января 1947 г. на второй части своей первой сессии Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 94 (I), учреждающую Комитет по прогрессивному развитию международного права и его кодификации, иногда именуемый «Комитетом семнадцати».

Комитету было поручено рассмотреть методы, при помощи которых Генеральная Ассамблея могла бы выполнить обязательства, предусмотренные в п. 1 ст. 13.

На второй сессии Генеральной Ассамблеи подавляющее большинство членов Шестого комитета (Комитета по правовым вопросам) поддержали предложение о создании Комиссии международного права, а один из подкомитетов Шестого комитета разработал проект Положения о Комиссии международного права. 21 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 174 (II), учреждающую Комиссию международного права и одобряющую Положение о Комиссии. В дальнейшем в Положение вносились изменения на основе четырех последующих резолюций Генеральной Ассамблеи, принятых частично по инициативе Комиссии и в нескольких случаях по инициативе правительств.

В п. 1 ст. 1 Положения о Комиссии международного права говорится: «Комиссия международного права имеет своей целью содействовать прогрессивному развитию международного права и его кодификации». В ст. 15 Положения «для удобства» употребления делается различие между выражением «прогрессивное развитие», употребляемым в смысле «подготовки проекта конвенции по тем вопросам, которые еще не регулируются международным правом или по которым право еще недостаточно развито в практике государств», и выражением «кодификация», употребляемым в смысле «более точного формулирования и систематизации норм международного права в тех областях, в которых уже имеются обширная государственная практика, прецеденты и доктрины».

Составители Положения, предвидя, что при осуществлении прогрессивного развития, с одной стороны, и кодификации — с другой, будут использоваться несколько отличные методы работы, вместе с тем сочли целесообразным поручить выполнение этих двух задач одной комиссии. Они также не поддержали предложения о создании отдельных комиссий по вопросам общественного, частного и уголовного международного права. В п. 2 ст. 1 Положения говорится, что Комиссия «занимается преимущественно вопросами международного публичного права, но она может рас-

сма­три­вать во­про­сы и меж­ду­на­род­но­го част­но­го пра­ва». Од­на­ко на пер­вых со­ро­ка ше­сти сес­сиях Ко­мис­сии ра­бо­та про­во­ди­лась ис­клю­чи­тель­но в об­ла­сти меж­ду­на­род­но­го пуб­лич­но­го пра­ва.

Правитель­ства иг­ра­ют важ­ную роль на каж­дом эта­пе ра­бо­ты Ко­мис­сии меж­ду­на­род­но­го пра­ва по ко­ди­фи­ка­ции и про­грес­сив­но­му раз­ви­тию. В ин­ди­ви­ду­аль­ном по­ря­д­ке они пре­дос­та­в­ля­ют ин­фор­ма­цию в на­чале ра­бо­ты Ко­мис­сии и де­ла­ют за­ме­ча­ния по под­го­тов­лен­ным ею про­ек­там ко­лек­тив­но, при­ни­ма­ют ре­ше­ния в от­дель­ных слу­чаях от­но­си­тель­но на­чала и по­ря­дка оче­ред­но­сти ра­бо­ты и во всех слу­чаях — по по­лу­чен­ным ре­зуль­та­там.

В По­ло­же­нии о Ко­мис­сии со­дер­жат­ся пун­кты, по­зво­ля­ю­щие правитель­ствам об­на­ро­до­вать свои м­не­ния на каж­дом эта­пе ра­бо­ты Ко­мис­сии. Так, в от­но­ше­нии про­грес­сив­но­го раз­ви­тия в ст. 16с ука­зы­ва­ет­ся, что Ко­мис­сия в на­чале своей ра­бо­ты рас­сы­ла­ет правитель­ствам во­про­с­ник и про­сит их пре­дос­та­вить ей ин­фор­ма­цию и дан­ные, от­но­ся­щие­ся к во­про­сам, вклю­чен­ным в план ра­бо­ты, а в ст. 16g пре­дус­ма­три­ва­ет­ся из­да­ние до­ку­мен­та Ко­мис­сии, со­дер­жа­ще­го про­екты на­ря­ду с по­яс­ни­тель­ны­ми вспо­мо­га­тель­ны­ми ма­те­ри­а­ла­ми и ин­фор­ма­цией, пре­дос­та­в­лен­ной правитель­ствами в от­вет на во­про­с­ник. Со­г­лас­но ст. 16h и 16i, Ко­мис­сия да­лее про­сит правитель­ства пред­ста­вить свои за­ме­ча­ния по дан­но­му до­ку­мен­ту, ко­то­рые дол­жны учи­ты­вать­ся Ко­мис­сией при под­го­тов­ке окон­ча­тель­но­го про­ек­та. Ана­ло­гич­ные по­ло­же­ния, ка­са­ю­щие­ся ко­ди­фи­ка­ции, со­дер­жат­ся в ст. 19, 21 и 22. На прак­ти­ке дан­ные и от­зы­вы, пред­став­ля­е­мые правитель­ствами по от­дель­ным во­про­сам, в ко­личес­вен­ном от­но­ше­нии ино­гда но­си­ли ог­ра­ни­чен­ный ха­рак­тер. В 1958 г. в до­кла­де Ко­мис­сии ука­зы­ва­лось, что Ко­мис­сия «поч­ти не сом­не­ва­лась в том, что ее ра­бо­та по­стра­да­ет вслед­ствие де­фек­тов в про­цес­се по­лу­че­ния и рас­смот­ре­ния от­зы­вов правитель­ств», и по­это­му ре­ши­ла дать правитель­ствам боль­ше вре­ме­ни для пред­став­ле­ния от­зы­вов. Пись­мен­ные от­зы­вы до­пол­ня­лись за­ме­ча­ния­ми, выс­казан­ными во вре­мя еже­год­ных прений в Ше­стом ко­митете по до­кла­ду Ко­мис­сии Ге­нераль­ной Ассамблеи.

После то­го как Ко­мис­сия пред­ста­вит Ге­нераль­ной Ассамблее окон­ча­тель­ный про­ект по дан­но­му во­про­су, Ассамблея обы­чно

обращается к правительствам с просьбой о представлении замечаний по этому проекту. Такие замечания рассматриваются в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в связи с дальнейшим рассмотрением данного вопроса перед созывом дипломатической конференции или в связи с разработкой такой конвенции самой Генеральной Ассамблеей (например, специальные миссии; предотвращение и наказание преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов; право несудоходных видов использования международных водотоков) или дипломатической конференцией, созванной для разработки конвенции по данному вопросу. В некоторых случаях к правительствам также обращались с просьбой о внесении поправок к проектам статей Комиссии до открытия дипломатической конференции (например, право международных договоров). Такие поправки в дальнейшем выносятся на рассмотрение конференции.

Хотя в Положении о Комиссии по этому вопросу ничего не говорится, Комиссия, начиная со своей первой сессии, представляла Генеральной Ассамблее доклад о работе каждой сессии. Утвердившаяся практика ежегодного рассмотрения докладов Комиссии в Шестом комитете содействовала развитию имеющихся связей Комиссии с Генеральной Ассамблеей. Генеральная Ассамблея, обычно по рекомендации Шестого комитета, обращалась к Комиссии с просьбой изучить или продолжить изучение ряда вопросов, или уделить первоочередное внимание определенным вопросам из числа тех, которые уже были выбраны самой Комиссией; не принимала никакого решения или задерживала принятие решений по некоторым проектам и рекомендациям Комиссии; принимала решение о созыве дипломатических конференций для изучения и принятия проектов конвенций, подготовленных Комиссией, и принимала решение о рассмотрении и принятии проектов конвенций, подготовленных Комиссией. Такие коллективные решения иногда следовали за обсуждением вопроса о роли, которую Ассамблея и Шестой комитет должны играть в отношении работы Комиссии, или служили причиной такого обсуждения. На основе таких обсуждений и принятых по-

сле них резолюций постепенно выработывался общий характер рабочего сотрудничества двух названных органов.

В ряде статей Положения описываются контакты, которые могут быть установлены между Комиссией и различными другими органами, официальными и неофициальными. Так, в п. 1 ст. 17 говорится, что Комиссия рассматривает предложения и проекты конвенций, представляемые «главными органами Организации Объединенных Наций, кроме Генеральной Ассамблеи, специализированными учреждениями или официальными органами, созданными по договоренности между правительствами для содействия прогрессивному развитию международного права и его кодификации». В п. 2 ст. 17 указывается, что Комиссия рассылает вопросник этим органам и просит их представить свои замечания относительно ее работы по прогрессивному развитию. Согласно п. 1 ст. 25, Комиссия может «консультироваться... с любым органом Организации Объединенных Наций по любому вопросу, который входит в компетенцию этого органа». Согласно п. 1 ст. 26, Комиссии предоставляется право консультироваться с любой международной или национальной организацией, официальной или неофициальной. Однако среди членов Комиссии отношение к консультациям с национальными официальными организациями и неправительственными организациями обычно не является положительным. На второй и третьей сессиях, проходивших в 1950–1951 гг., Комиссия была уведомлена о резолюциях, принятых Экономическим и Социальным Советом Организации Объединенных Наций (резолюции 304 D (XI) от 17 июля 1950 г. и 319 В III (XI) от 11 августа 1950 г.), в которых Комиссии было предложено рассмотреть два вопроса: гражданство замужних женщин и искоренение без гражданства. Комиссия рассмотрела эти вопросы в рамках широкой темы, касающейся «гражданства, включая без гражданства», которая была выбрана Комиссией для кодификации в 1949 г. В п. 4 ст. 26 особо признается целесообразность «консультаций между Комиссией и межправительственными организациями, задачей которых является кодификация международного права, такими как организации, входящие в Панамериканский союз». В соответствии с

этим пунктом Положения Комиссия установила и поддерживает сотрудничество с Межамериканским правовым комитетом, Афро-Азиатским консультативно-правовым комитетом, Европейским комитетом по сотрудничеству в области права и Арабской комиссией по международному праву.

Как отмечалось выше, своей целью Комиссия международного права поставила содействие прогрессивному развитию международного права и его кодификации. Она состоит из 34 членов, являющихся лицами с признанным авторитетом в области международного права. Одной из функций Комиссии является передаваемые ей Генеральным секретарем предложения и проекты многосторонних конвенций, представляемые государствами-членами ООН, главными органами ООН, кроме Генеральной Ассамблеи, специализированными учреждениями или официальными органами, созданными по договоренности между правительствами для содействия прогрессивному развитию международного права и его кодификации. Если в таких случаях Комиссия считает целесообразным приступить к изучению таких проектов или предложений, то она в основном придерживается следующих правил:

1) составляет план работы, изучает такие предложения и проекты и сравнивает их с другими предложениями и проектами по тем же вопросам;

2) рассылает вопросник всем членам Организации Объединенных Наций, а так же тем из вышеупомянутых органов, которых это касается и просит их представить свои замечания в разумные сроки;

3) представляет доклад и свои рекомендации Генеральной Ассамблее;

4) продолжает работу, если Генеральная Ассамблея утвердит предложенный Комиссией план.

Таким образом, международное сообщество пытается найти устраивающее все страны решение. Естественно, это возможно, если цели в них направлены на удовлетворение общепринятых норм. Но рано или поздно могут возникнуть разногласия, требующие разрешения. Для таких целей создан международный суд.

Суд обязан рассматривать переданные ему споры на основании международного права и при этом применяет:

— международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;

— общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;

— судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву разных стран.

В Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. в ст. 53 указывается: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права» [Хрестоматия по международному праву, 1997, с. 47]. Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, принимающейся и признающейся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер.

Если проследить хронологию, то после сколь-нибудь значительного определения действия международного права, дополнения терминологии, сообщество вновь возвращается к обсуждению вопроса о принципах международного права. В 1970 г. была принята Декларация о принципах международного права. В ней указывается, что добросовестное соблюдение принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, и добросовестное исполнение государствами обязательств, принятых в соответствии с Уставом, имеют важнейшее значение для поддержания международного мира и безопасности и для достижения других целей Организации Объединенных Наций.

Кроме Устава ООН и перечисленных документов, особую роль по определению основных принципов международного права играет Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г.

Основные принципы международного права классифицируют по трем группам.

1. Принцип мирного сосуществования государств, независимо от их экономических, социальных и политических систем.

2. Принципы, непосредственно относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности:

- принцип неприменения силы или угрозы силой;
- принцип мирного разрешения международных споров;
- принцип территориальной целостности государств;
- принцип нерушимости границ.

3. Общие принципы международного сотрудничества:

- принцип суверенного равенства государств;
- принцип невмешательства во внутренние дела ;
- принцип равноправия и самоопределения народов;
- принцип сотрудничества государств;
- принцип уважения прав человека;
- принцип добросовестного выполнения обязательств.

Выполнение данных принципов касается в первую очередь средств массовой информации. Дело в том, что именно через средства массовой информации общество имеет возможность знать о принятии того или иного источника международного права.

Сегодня такими источниками можно назвать:

- международные конвенции;
- международные обычаи;
- резолюции;
- регламенты;
- директивы;
- постановления.

Как уже отмечалось, право международных договоров называют базовой отраслью международного права, поскольку посредством заключения международных договоров регламентируются взаимоотношения субъектов международного права в любой сфере сотрудничества.

Международный договор признается действующим на территории России, если выполнены все необходимые формальные

требования, определенные ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» от 16 июня 1995 г. Основой закона является Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., к которой СССР присоединился 4 апреля 1986 г. Она обязательна для России как правопреемницы Союза Советских Социалистических Республик и является частью правовой системы.

Венская конвенция определяет термин «заключение международного договора» как выполнение всех юридических актов и процедур, выраженных в правовой форме, необходимой для вступления данного договора в силу.

ФЗ «О Международных договорах Российской Федерации» обращает внимание на формирование договорной базы России и на процесс выполнения международных договоров не только государством в целом, а так же любым индивидуумом [Хрестоматия по международному праву, 1997, с. 4].

Выполнение международных договоров находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Ст. 2 ФЗ «О Международных договорах Российской Федерации» определяет, что Международным договором Российской Федерации является международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или нескольких связанных между собой документах, а так же от его конкретного наименования.

Международный договор может иметь различные названия:

- конвенция;
- пакт;
- соглашение;
- протокол;
- обмен письмами или нотами.

Каждый из них обладает одинаковой силой и обязателен для исполнения сторонами. Согласно Конституции России и ФЗ «О Международных договорах Российской Федерации» заключение, прекращение и приостановление действия междуна-

родных договоров являются исключительной компетенцией Российской Федерации. Международные договоры вступают в силу после их ратификации, утверждения, принятия или присоединения к ним и опубликования.

Термин «ратификация» означают форму выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора. Обязательной ратификации Россией подлежат международные договоры, предметом которых являются основные права и свободы человека и граждан. Приведение в соответствие внутринационального законодательства и международного законодательства требует определенного времени, именно поэтому в ст. 15 Конституции Российской Федерации международные договоры ставятся выше, чем национальные, и необходимо применять, если возникают противоречия, нормы международного права.

Ст. 31 ФЗ «О Международных договорах Российской Федерации» определяет, что международные договоры Российской Федерации подлежат добросовестному выполнению в соответствии с условиями самих международных договоров, нормами международного права [Хрестоматия по международному праву..., 1997, с. 21]. Общее наблюдение за выполнением международных договоров Российской Федерации осуществляет министерство иностранных дел России. Свою работу министерство иностранных дел строит на основании Положения, утвержденного 14 марта 1995 г.

Министерство иностранных дел (МИД) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственное управление в области отношений Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями. В систему МИД входят дипломатические представительства и консульские учреждения, представительства России при международных организациях. Такие представительства иногда называют загранпредставительствами. А также иные структуры, обеспечивающие деятельность МИД как на территории России, так и за ее пределами. В своей работе МИД руководствуется Конституцией России, федеральными законами, а также указами президента России.

Международные договоры образуют правовую основу межгосударственных отношений, содействуют поддержанию всеобщего мира и безопасности, развитию международного сотрудничества. Международные договоры — важный элемент стабильности международного правопорядка и отношений России с зарубежными странами, функционирования правового государства.

Основной задачей ФЗ «О Международных договорах Российской Федерации» является определение порядка заключения, выполнения и прекращения международных договоров Российской Федерации и применяется в отношении международных договоров Российской Федерации (межгосударственных, межправительственных договоров и договоров межведомственного характера) независимо от их вида и наименования [см.: Конституционное право Российской Федерации, 1997].

В соответствии с Венской конвенцией определен принцип соблюдения договоров. Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен добросовестно выполняться. Такое правило называется PACTA SUNT SERVANDA. Участник не может ссылаться на положение своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Договоры не имеют обратной силы и договор обязателен для каждого участника в отношении его территории. Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Чрезвычайно важным являются нормы применения международного права. Конституция Российской Федерации в ч. 4 ст. 15 впервые закрепила положение, в соответствии с которым «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» [Конституция РФ, 1995, с. 64]. Это необходимо учитывать всем лицам при подготовке тех или иных материалов.

Во-первых, не все международные нормы объявлены частью правовой системы Российской Федерации, а лишь общепризнанные. Давая разъяснение судам общей юрисдикции, Верховный

Суд РФ в постановлении от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», в частности, рекомендовал исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права закреплены в таких международных пактах и конвенциях, как Всеобщая Декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и т. д.

Во-вторых, международные договоры Российской Федерации также объявлены частью правовой системы и, следовательно, должны применяться. Поскольку Конституция не говорит об обязательной ратификации всех договоров, значит можно считать, что некоторая часть их может применяться и без парламентского одобрения. Но нужно отметить, что согласно федеральному закону о порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания Российской Федерации международные договоры, ратифицированные Федеральным Собранием, публикуются одновременно с федеральными законами об их ратификации. К другим договорам применяется правило, установленное ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, по которому любые правовые нормативные акты, затрагивающие права и основные свободы, а также обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы для всеобщего сведения.

В-третьих, Конституция установила соотношение закона и международного договора Российской Федерации, причем только на случай их противоречия (в этой ситуации применяются правила международного договора). Верховный Суд России в названном постановлении конкретизировал данное положение, разъяснив, что речь идет о международных договорах, «решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации было принято в форме федерального закона» [Сборник действующих постановлений..., 1999].

Применение норм международного права при осуществлении правосудия является сложным и новым делом. В связи с этим большое значение имеет Конституционный Суд Российской Федерации, разъясняющий ту или иную позицию. Необ-

ходимо выделить следующие сферы деятельности Конституционного Суда России.

1. В соответствии с Конституцией РФ и федеральным законом о Конституционном Суде Российской Федерации суд разрешает дела о конституционности не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации. В случае признания такого договора противоречащим Конституции он не подлежит применению и введению в действие.

До настоящего времени, правда, Конституционным Судом не было рассмотрено ни одного такого дела, что говорит о приверженности Российской Федерации соблюдению норм международного права и высокой компетентности министерства иностранных дел России.

2. Конституционный Суд применяет общепризнанные принципы и нормы международного права в своей деятельности. Необходимо отметить, что благодаря деятельности Конституционного Суда и правоприменители стали использовать нормы международного права в своей деятельности.

Анализируя принятые Конституционным Судом решения, видно, что применял он нормы международного права исключительно по вопросам, касающимся нарушений конституционных прав и свобод граждан. Однако и в тех случаях, когда поводом к рассмотрению дела явились запросы групп депутатов или глав субъектов Российской Федерации, суд обращался лишь к международно-правовым документам.

Например, в мотивированной части постановления от 10 июля 1995 г. суд обращается к п. 6 ст. 25 «Международного пакта о гражданских и политических правах». В соответствии с ним каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающее свободное волеизъявление избирателей. Суд подчеркнул необходимость закрепления такого положения в законах субъектов Федерации также, как это сделано международным правом и федеральным законодательством.

В постановлении по «чеченскому делу» суд ссылается на дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Несмотря на ратификацию данного протокола парламентом СССР, его положения не нашли отражения во внутреннем законодательстве России, что послужило «одной из причин несоблюдения правил названного дополнительного протокола, согласно которым применение силы должно быть соизмеримо с целями и должны прилагаться усилия к тому, чтобы избежать ущерба гражданским лицам и имуществу».

Из тех дел, которые рассмотрел Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Суд), можно выделить «татарское» дело. И хотя по действующей тогда Конституции нормы международного права не признавались составной частью правовой системы государства, ссылки на такие нормы содержались и в постановлении по данному делу. В частности, Суд использовал Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., документы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — Хельсинский Заключительный акт 1975 г., Итоговый документ Венской встречи 1986 г., документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. и др. Как уже отмечалось, большая часть постановлений Суда касалась основных свобод граждан.

Наиболее часто применяется «Международный пакт о гражданских и политических правах». В постановлении от 20 декабря 1995 г. содержится ссылка на п. 2 ст. 12 Пакта о праве каждого человека покидать любую страну, включая свою собственную, и об отсутствии у него кого-либо обязательства возвращаться в эту страну. На это же положение Суд опирается, мотивируя свое постановление от 4 апреля 1996 г.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 28 ноября 1996 г., аргументируя тезис о недопустимости возложения на суд каких бы то ни было функций, не согласующихся с его положением органа правосудия, ссылается на резолюцию Экономического и Социального Совета ООН 1989 / 60 от 24 мая 1989 г., утвердившую Процедуру эффективного осуществления основных принципов независимости судебных органов, согласно которым, в частности, ни от одного судьи нельзя требовать выполнения функций, не совместимых с его независимым статусом.

Во всех названных решениях нормы международного права применялись Конституционным Судом наряду с нормами внутреннего законодательства, в первую очередь конституционного. Объясняется это тем, что Суд не выступает в качестве Международного трибунала, применяющего исключительно нормы международного права, а является национальным органом судебной власти России [см.: Конституционное право РФ, 1997].

§ 3. ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Европейский суд по правам человека постановил, что свобода прессы требует особой защиты, дабы обеспечить ей возможность «играть жизненную роль общественного стража» и «распространять представляющую интерес информацию». Решающее значение имеют культурные, исторические и экономические факторы. Культура определяет и отношение общественности к прессе, и то, как общественность расценивает журналистские расследования, а также ее негативную реакцию на публикации, затрагивающие вопросы частной жизни. В то время как судебные процессы по делам о клевете и вторжении в частную жизнь, несомненно, могут повредить финансовому положению газет, их потенциальное воздействие на репутацию СМИ может быть по крайней мере, таким же сдерживающим средством [Bayefsky, 1992].

В некоторых странах обвинение в клевете или сокрытии информации, которая могла бы помочь полиции в расследовании

правонарушения, может значительно повредить репутации газеты, в других странах общественность может расценивать судебный процесс как плату за слишком активное журналистское расследование. Экономические факторы также существенно влияют на прессу: в некоторых странах конкуренция и концентрация собственности на СМИ привели к снижению общих журналистских стандартов и к сокращению разнообразия выражаемых мнений, в то время как в других концентрация не имеет такого существенного значения.

Озабоченность, которую вызывает распространение фашистских, националистических и террористических идеологий, привела к более жестким ограничениям, касающимся этих идей. Взаимовлияние различных культурных, исторических и рыночных факторов делает невозможным создание единой системы законодательства о прессе для различных стран. Тем не менее, нельзя недооценивать роль закона. Законы есть одновременно и результат, и средство, стимулирующее культурное, политическое и экономическое развитие. Закон, хорошо действующий в одной стране, может хорошо работать и в других, особенно если остальные факторы также приняты во внимание.

Рассматривая зарубежное законодательство, можно найти примеры, где гарантии свободы явно не выражены. Это, например, Великобритания и Австралия. Законодатели этих стран полагают, что хотя у них не записаны в Конституциях положения о свободе выражения мнений, они не слабее, чем в тех странах, где эти положения записаны.

В большинстве других стран, в которых свобода выражения мнений защищена Конституцией, все, кроме Испании, провозглашают специальную защиту прессы. Испанские суды подразумевают схожую защиту. По крайней мере считается, что представители прессы обладают большими, чем кто-либо, правами собирать и распространять информацию [Бакланов, 2000]. Эти права являются следствием особой роли прессы в формировании общественного мнения и служении общественным интересам. В некоторых странах на правительство возложена обязанность поддерживать свободу печати и плюрализм мнений (в дополне-

ние к традиционной либеральной обязанности воздерживаться от вмешательства) в соответствии с положениями конституции (Нидерланды, Швеция) или с судебным толкованием (Франция, Германия). Конституция Швеции предоставляет наиболее сильную защиту свободе печати.

В конституциях некоторых стран (Нидерланды, Испания, Швеция) предусмотрена защита права граждан на получение необходимой информации, а суды других стран (Франция, Германия, США) обращаются к положениям конституции для обеспечения такой гарантии. В соответствии с Конституцией Нидерландов, «правительственные органы должны соблюдать право общественности на доступ к информации» (ст. 110). Конституция Швеции гарантирует всем гражданам «в их отношениях с государственной службой... свободное получение любой информации или возможность ознакомиться с другими мнениями» [Вороненкова, 1999].

В Австралии, Канаде и США основные законы, воздействующие на прессу, включая законы о клевете и вмешательстве в частную жизнь, — законы субъектов федерации (хотя в Канаде и США все законы штатов должны подчиняться основным принципам, сформулированным в федеральных Конституциях). В Австрии федеральное правительство имеет все полномочия по решению вопросов, связанных с прессой. В Германии вопросы, связанные с клеветой и вмешательством в частную жизнь, регулирует федеральный закон, в то время как другие вопросы, связанные с массовой информацией, решаются на уровне законодательства земель. В Германии бытует мнение, согласно которому все вопросы, касающиеся прессы, должны решаться федеральным правительством, чтобы свести к минимуму возникающие из-за разделения полномочий сложности. Это мнение становится все более распространенным, особенно в связи со всеобщим стремлением к единообразию законов о СМИ в Европейском Экономическом Сообществе. Нидерланды, Норвегия и Швеция — страны с унитарной системой государственного устройства. Хотя Франция, Испания, Великобритания имеют административно-территориальное деление, всеми полномочиями, касающимися прессы, обладает центральное правительство.

Особо необходимо отметить вопросы регулирования права собственности СМИ. Правительства различных стран смотрят на данные вопросы по-разному. Во Франции и Германии были приняты жесткие законы, запрещающие сделки, ведущие к повышению концентрации печати. Эффективность этих законов была ослаблена после частичной неудачи попыток урегулировать собственность в средствах массовой информации. Комиссия по монополиям и слиянию фирм Великобритании занимается проблемой слияния газет, но на практике ее возможности предотвратить этот процесс весьма ограничены. Австралия и Австрия приняли к рассмотрению рекомендации по контролю за слиянием и поглощением СМИ, в то время как федеральное правительство Канады отказалось следовать рекомендациям ввести ограничение собственности на СМИ. Другие страны (Нидерланды, Норвегия, Испания, Швеция, США) специально не регулируют права собственника СМИ. В Австралии, Канаде, Норвегии, Великобритании и США существуют ограничения на одновременное владение разными видами СМИ (газеты, телевидение, радио). В Австрии, Франции, Нидерландах, Норвегии и Швеции правительство предоставляет субсидии газетам, испытывающим финансовые трудности, с целью сохранения плюрализма мнений.

Нидерланды и Норвегия представляют субсидии для защиты независимости редакторов. Датская система интересна тем, что большинство субсидий предоставляется только на время, чтобы помочь газетам «в их особых нуждах» с началом выхода или помочь выжить в трудный период. Большинство государств пошли по пути покрытия определенных расходов, скажем, налогов или почтовых (телефонных) расходов газет (Австрия, Франция, Германия, Норвегия, Швеция, США). Такое косвенное субсидирование по большей части не вызывает возражений и является действительной поддержкой для прессы. Поскольку концентрация собственности — это реальность в современной жизни прессы, механизмы защиты редакторской независимости от издателей должны быть связаны с контролем за концентрацией СМИ [Bramas, 1998, p. 47–76].

В Германии, Нидерландах, Норвегии и Швеции журналисты предпринимают конкретные шаги в защиту своей независимости. Многие наиболее «либеральные» газеты Германии дали журналистам право голоса в выборе редакционной политики, а также на выборах главного редактора. Датские журналисты приняли так называемый редакторский акт, включивший их коллективное трудовое соглашение. В Швеции, где большинство газет, во всяком случае до недавнего времени, принадлежали политическим партиям, газетами руководят два главных редактора: один контролирует редакционную колонку, а другой — все остальное.

Норвежские редакторы достигли особенно действенной защиты своей независимости. В 1953 г. был составлен Кодекс редакторов (пересмотрен в 1973 г.). Этот Кодекс, признаваемый судами как обычай согласно общему праву, предоставляет главному редактору неограниченные возможности решать, что печатать. Издатели, оказывающие давление на редакционную политику, оказываются без редакционного штата.

Австралия, Австрия, Германия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Великобритания имеют Советы по делам печати. В Канаде нет такого органа, но в пяти провинциях имеются свои собственные Советы, а четыре из них имеют региональные советы.

Все национальные Советы наделены полномочиями заслушивать и принимать решения по индивидуальным жалобам в отношении прессы. Некоторые также поддерживают свободу печати, участвуя в парламентских заседаниях и предоставляя информацию правительствам (Австралия и Австрия). В то время как бывший Британский Совет по делам печати, замененный в 1991 г. Комиссией по жалобам на прессу, широко критиковался за осуществление этих двойных функций. В Австралии даже критики, недовольные деятельностью Совета по делам печати, не видели никакого противоречия в этой его двойной роли.

Большинство Советов по делам прессы разработали кодексы прессы, которые затрагивают следующие положения:

— честность и справедливость; обязанность знать мнение объекта любого критического репортажа перед публикацией; обязанность исправлять фактические ошибки; обязанность не

искажать иллюстрации, чтобы они не были превратно истолкованы;

— объективность; некоторые кодексы запрещают представителям прессы получать подарки;

— обязанность различать факты и субъективное мнение;

— обязанность пользоваться только честными средствами для получения информации;

— соблюдать общие нормы порядочности;

— не предрешать вину обвиняемого и опубликовать известие об оправдании того, о ком ранее сообщалось как о правонарушителе;

— обязанность не разглашать конфиденциальные источники;

— обязанность не подвергать опасности людей;

— запрещение дискриминации на почве расовых, национальных, религиозных или половых различий;

— уважение права на частную жизнь;

— обязанность обеспечить возможность ответить на критическое мнение.

Большинство Советов по делам печати разрешают подавать жалобы только гражданам, которые прямо или косвенно упомянуты в публикациях. Австрийский Совет по делам печати разрешает подать жалобу любому лицу, а не только непосредственно упомянутому журналистом. Норвежский Совет позволяет генеральному секретарю Агентства печати регистрировать жалобы по своему усмотрению. Большинство Советов по делам печати проводят устные слушания, в которых стороны могут представлять свидетелей; шведский и британский Совет по делам печати основывают свои решения только на письменных показаниях. В большинстве Советов основная санкция — обязать провинившуюся газету или журнал опубликовать любое негативное заключение Совета. Совет по делам печати Нидерландов публикует решения в главном издании для журналистов. Австралийский Совет по делам печати обязывает газеты помещать только заключения, а не решения целиком. Шведский, норвежский и голландский Совет по делам печати считаются наиболее действенными. Они состоят из лиц, не имеющих связей с прессой. Шведский

и голландский Советы имеют представителей-юристов, которые служат гарантом принятия качественных решений, а также существенно помогают упрочить стандарты разработки соответствующего законодательства [The Sunday Times v. UK, 1979].

Конституции Германии, США и Швеции предлагают меры конституционной защиты чести и достоинства. Конституция Германии гарантирует такую защиту. В Швеции такая защита установлена законом о свободе прессы, который является составной частью Конституции. Учитывая важность права прессы распространять, а общественности получать информацию и знакомиться с различными мнениями, конституционное право на защиту репутации не дает преимуществ истцам в делах о клевете. Большинство стран обеспечивают законодательную защиту права на репутацию и личную честь. В большинстве стран клевета является и преступлением, и гражданским правонарушением. Например, во Франции, Германии и Швеции уголовный и гражданский процессы могут проходить одновременно и рассматриваться одним составом судей. Причем в уголовном процессе подсудимый может быть приговорен к штрафу в пользу государства, тогда как в гражданском процессе денежные выплаты производятся в пользу потерпевшего.

Общая практика отдельных государств способствует развитию международного права двумя способами. Во-первых, в силу того, что практика исходит из правового обязательства, она может привести к возникновению нормы обычного международного или местного права, которая распространяется на все страны, с нормами которых она не имеет явно выраженных расхождений. Во-вторых, существование практики, общей для стран-участниц международного договора, может содействовать появлению единой трактовки положений договора [Ligens v. Austria, 1986].

Свободе слова и свободе печати в последние годы посвящается немало публикаций, многие из которых в той или иной степени затрагивают проблему регулирования прессы. При внимательном рассмотрении этой проблемы невольно обращаешь внимания на парадоксальную ситуацию: в странах, где законом предоставлены широчайшие права и свободы, существует достаточно

жесткая и продуманная система саморегулирования прессы. И наоборот: там, где законы достаточно строги и не так много возможностей для проявлений свободомыслия, система саморегулирования может находиться в зачаточном состоянии. Возьмем для сравнения Швецию и Францию.

Корни принципа гласности в Швеции столь же давние, как и корни шведской свободы печати; они восходят к первому Закону о свободе печати 1766 г. Эта свобода считалась самой демократичной в Европе того времени, но она не была уникальной. Британское законодательство было принято примерно на пятьдесят лет раньше, но оно не было столь радикальным. А через двадцать пять лет Соединенные Штаты Америки также провозгласили свободу печати в виде «первой поправки» к конституции.

Перед всенародным референдумом о вступлении Швеции в ЕС будущее принципа гласности было одним из основных вопросов. Поскольку соответствующая правовая традиция в большинстве стран ЕС отсутствует, многие опасались, что шведская гласность будет ослаблена интеграцией в Европейское правовое сообщество. В договоре о вступлении Швеции в ЕС имеется особая декларация о принципе гласности. В нем положения принципа гласности называются в качестве основы «конституционного, политического и культурного наследия Швеции». Противоположная сторона (ЕС) ответила собственной декларацией, где одновременно со шведской точкой зрения отмечалось, что, как предусматривалось, Швеция в качестве члена ЕС должна следовать правовым нормам Сообщества.

Шведские законодатели стремились защитить средства массовой информации от юридических забот путем создания особых правил и учреждений для ведения дел, связанных с Законом о свободе печати. Для судебного преследования по этому закону нужно решение канцлера юстиции, поэтому обычные местные прокуроры не могут возбудить дело. Канцлер обязан заручиться согласием правительства до начала дела, которое может иметь политические последствия. Как видим, нужно предусмотреть многое, прежде чем передать дело в суд. Более того, дела, касающиеся прессы, рассматривает суд присяжных — институт, не характерный для шведской судебной системы. Он состоит

из девяти заседателей-непрофессионалов, выбранных из списка после того, как участвующим сторонам была предоставлена возможность исключить кандидатуры, которые они сочли пристрастными или неподходящими по другим причинам. Задача присяжных — поддержать или отвергнуть конкретные обвинения, предъявленные в суде относительно виновности ответственного издателя. Для признания виновности необходимо согласие по меньшей мере шести присяжных. Члены суда могут оправдать обвиняемого, независимо от признания присяжными его вины, однако не могут отменить их решения о невиновности.

Всякое периодическое издание, выходящее четыре раза в год или чаще, должно назначить ответственного издателя, единолично отвечающего за содержание публикации. Только он может быть привлечен к ответственности за любое нарушение Закона о свободе печати. Ответственного издателя назначает владелец издания. Он должен постоянно проживать на территории Швеции (с 1978 г. действует поправка, допускающая назначение на эту должность иностранцев, постоянно проживающих в Швеции), быть совершеннолетним и не быть не восстановленным в правах банкротом. Ответственный издатель может назначить себе заместителя и обязан сделать это, если он не в состоянии исполнять свои обязанности. Только в редких случаях, когда ни тот, ни другой не могут быть привлечены к ответственности за нарушение закона о печати, можно наказать какое-либо другое лицо. Для таких затруднительных положений законом предусматривается «цепочка ответственности», в соответствии с которой правовая ответственность далее возлагается на владельца издания. Если по какой-либо причине и владельцу нельзя предъявить обвинение, ответчиком становится типография. И в качестве крайней меры обвинение может быть предъявлено распространителю — положение, применяемое главным образом к дающим основание для судебного преследования материалам в зарубежных изданиях, ввезенных в Швецию, поскольку в этом случае шведский закон не распространяется на исходные звенья цепочки. Вопрос о разделении ответственности может ставиться только в случае нанесения ущерба.

В течение многих десятилетий организации шведской прессы стремились стоять на страже гарантированных конституцией свобод. Уже в 1916 г. Клуб публицистов (Национальный пресс-клуб), Ассоциация шведских газетных издателей и Союз шведских журналистов создали Шведский совет по делам прессы — первую в мире организацию такого рода. В 1923 г. Клуб публицистов впервые принял Кодекс журналистской этики. После ряда поправок в 1994 г. Кодекс в современном виде был утвержден и принят к исполнению журналистами, издателями и вещательными компаниями. Цель Кодекса — обеспечить соблюдение высоких этических норм вообще и, в особенности, для защиты личности от вторжения в ее частную жизнь, от клеветы и прочих публикаций, наносящих ей ущерб. Особый раздел посвящен борьбе с редакционной рекламой и другими неправомерными приемами, рассчитанными на введение в заблуждение читателя. За нарушениями такого рода следит специальный комитет.

Этические принципы для средств массовой информации Швеции могут быть сведены к следующим:

- предлагай корректные новости;
- не избегай дискуссий;
- уважай личность;
- осторожно обращайся с иллюстрациями;
- выслушай и другую сторону;
- не поминай имен всуе [Багерстам, 1992, с. 15].

Действуют также профессиональные правила для журналистов, оговаривающие их благонадежность, методы сбора материала, время выхода в свет публикаций [см.: Михайлов, 2003, с. 46–82].

Шведский Совет по прессе, или Суд чести, основанный в 1916 г., является старейшим в мире и единственным в своем роде. Его учредителями были Национальный пресс-клуб, Союз журналистов и Ассоциация издателей газет. Совет по прессе состоит из судьи, который является председателем, представителей названных выше организаций-учредителей (по одному от каждой) и двух представителей общественности, никак не связанных с издателями газет и их организациями.

Институт омбудсмана по прессе для широкой общественности был создан в 1969 г. Назначение на пост омбудсмана производится особым комитетом, состоящим из парламентских омбудсманов и председателей Пресс-клуба и Шведской ассоциации адвокатов. Раньше, когда омбудсмана по прессе не было, жалобы на нарушение общепринятой газетной практики рассматривались в Совете по прессе, теперь же они направляются сначала омбудсману по прессе, который имеет также право возбуждать дела о нарушениях по собственной инициативе.

Любой заинтересованный гражданин может направить омбудсману по прессе жалобу или протест по поводу опубликованного в печати материала, который он считает нарушением журналистской этики. Однако задетое газетой лицо должно дать свое согласие в случае, если его жалоба повлечет за собой взыскание газете. Получив заявление с жалобой, омбудсман должен установить, готова ли газета опубликовать исправление или соответствующий ответ. Для этого омбудсман может связаться с газетой. Если урегулировать дело таким путем невозможно и омбудсман считает, что газета нарушила общепринятую практику, он может начать расследование, обратившись прежде всего к главному редактору газеты. Закончив расследование, омбудсман может выбрать одну из следующих возможностей:

- признать, что жалоба не дает оснований вынести газете порицание;
- решить, что полученные сведения достаточно серьезны, чтобы передать дело в Совет по прессе;
- если нарушение незначительно, — вынести газете порицание без обращения в Совет по прессе.

Решения омбудсмана по альтернативам 1 и 3 могут быть обжалованы в Совете по прессе. Недовольные решениями омбудсмана и Совета по прессе имеют право обжаловать их в общем суде.

Газета, нарушившая общепринятую газетную практику, должна опубликовать результаты расследования, проведенного омбудсманом или Советом по прессе. Кроме того, на нее может быть в административном порядке наложен штраф. За последние годы регистрировалось ежегодно 300–400 жалоб на прессу.

Многие из них касались освещения газетами судебных процессов по уголовным делам или нарушения неприкосновенности частной жизни граждан. Решения по примерно 30% жалоб были вынесены Советом по прессе, куда эти жалобы были переданы омбудсманом или поданы одной из сторон в целях апелляции. Что касается остальных жалоб, то омбудсман либо объявлял газете выговор, либо прекращал дело по необоснованности или потому, что газета опубликовала соответствующее исправление. Примерно по 20% жалоб омбудсман или Совет по прессе наложили на газету взыскания.

Эта система самодисциплины прессы не предписана шведским законодательством — она является совершенно добровольным соглашением, основанным на этических нормах журналистской и газетной практики. Система полностью финансируется тремя организациями прессы. Несмотря на широкие правовые возможности и льготы, которые предоставлены шведским журналистам, работники прессы, радио и телевидения очень осторожно пользуются такой свободой — сдерживающим фактором выступает саморегулирование прессы.

Во Франции свобода выражения мнений и распространения информации — право, закрепленное в конституции, в преамбулу которой вошла статья 11 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Основой системы законодательства о СМИ в стране является закон 1881 г., который хоть и пересматривался несколько раз, но лег в основу принятого в 1992 г. Коммуникационного кодекса. Этот кодекс достаточно четко и подробно регламентирует деятельность работников СМИ. За нарушение ряда законов о СМИ предусмотрена как административная или гражданская, так и уголовная ответственность.

До сих пор действуют статьи законов, которые считаются устаревшими, но на деле применяются. Например, статья 14 закона 1881 г. с дополнениями 1939 г. жестко регулирует импорт и экспорт печатных изданий. Так, во время войны в Персидском заливе были запрещены газеты «аль-Араб» и «ад-Дустур», выходящие в Лондоне, и газета «Кол аль-Араб», выходящая в Париже. Как посчитали власти, эти газеты защищали интересы, противо-

речащие интересам Франции, и их распространение могло при сложившихся обстоятельствах отрицательно воздействовать на общественный порядок. Кроме того, понятие произведений «иностранного происхождения» касается не только французских переводов зарубежных работ, но и произведений, вдохновитель которых признан иностранцем или чьи авторы или издатели получали какую-либо иностранную помощь.

Механизмы саморегулирования прессы в стране развиты очень слабо. Во Франции нет ни Совета по прессе, ни какого-либо другого подобного механизма. Этические стандарты, содержащиеся в международных декларациях по печати или национальных документах («Хартия профессиональных обязанностей журналиста» 1918 г. с дополнениями 1938 г., например) не имеют правового статуса, не используются и даже не упоминаются в суде [Законы и практика средств массовой информации..., 1995, с. 110–128].

Существующий мировой демократический опыт указывает на два возможных пути развития регулирования СМИ: либо предоставление широчайших прав, свобод и льгот при детально разработанной системе саморегулирования, либо жесткое администрирование при слабом саморегулировании прессы. России, выбирающей свой путь, стоит присмотреться к опыту зарубежных стран.

Общая практика отдельных государств способствует развитию международного права двумя способами. Во-первых, в силу того, что практика исходит из правового обязательства, она может привести к возникновению нормы обычного международного или местного права, которая распространяется на все страны, с нормами которых она не имеет явно выраженных расхождений. Во-вторых, существование практики, общей для стран-участниц международного договора, может содействовать появлению единой трактовки положений договора.

Еще один регион привлекает внимание большинства исследователей СМИ и права — это Арабский мир. Один народ с общей культурой, общей религией и общим языком оказался расчлененным на множество государств с различными политическими системами.

Особенности правового регулирования средств массовой информации арабских стран, а также саморегулирование СМИ осуществляются по-разному, в зависимости от существующей в той или иной стране политической системы и правовой базы, а также в соответствии с самобытным укладом проживающего на этой территории этноса.

Законодательная база регулирования СМИ осуществляется по следующим направлениям:

- с ориентацией на ценности западной демократии;
- с ориентацией на традиционное исламское право;
- с ориентацией на традиции авторитарных и тоталитарных режимов;
- с использованием элементов всех перечисленных выше направлений.

Правовые аспекты регулирования СМИ касаются как имущественных отношений, так и содержательной стороны СМИ.

Саморегулирование СМИ в арабском мире осуществляется функционированием существующих общественных организаций, направлением того или иного издания (редакции радио или телевидения), общепринятыми нормами, в том числе и моральными кодексами работы журналистов и т. д. Однако наиболее действенный и распространенный способ саморегулирования — закрытое, непрозрачное принятие решений, касающихся СМИ, особенно их содержания.

В ряде случаев саморегулирование СМИ сопряжено с правительственными инициативами и элементами государственного регулирования. Различие политических систем в арабских странах предопределяет то многообразие условий, в которых приходится функционировать средствам массовой информации. Страны арабского Магриба (кроме Марокко), например, республики, а большинство государств Машрика — монархии. Кроме того, в зависимости от политической ориентации в значительной степени меняется и правовое поле, формирующее «правила игры» для массмедиа.

СМИ стран Большого Магриба в содержательном и типологическом отношении многообразны, поскольку функционируют в

разных общественно-политических и экономических условиях. Марокко, Мавритания, САДР, Алжир, Тунис, Ливия имеют слишком много отличий, чтобы можно было говорить о них как о единой системе. Судан, Египет, Чад также полны противоречий: как политических, так и идеологических. Более того, «исламизация сверху», проводимая в Судане, вызывает беспокойство о возможном обострении фундаменталистских тенденций на Юге Египта.

Религиозный, идеологический и политический факторы играют свою весьма важную роль в дифференциации правовых условий функционирования СМИ.

Если массмедиа Египта достаточно хорошо изучены, то об остальных странах этого региона подобного сказать нельзя. С точки зрения остроты общественно-политических событий наиболее интересны тенденции в развитии и функционировании СМИ Судана [см.: Герасимов, 2001]. После переворота 30 июня 1989 г. к власти в стране пришли военные, которые положили конец либеральному периоду развития Судана, а 7 декабря того же года военный совет объявил о применении в стране норм исламского права. Военный режим во главе с Омаром аль-Баширом повел настоящую борьбу со средствами массовой информации. Многие журналисты были арестованы и брошены в тюрьмы. Особенно пострадали представители баасистской и независимой прессы. Преследованиям и обыскам подверглись также иностранные журналисты и суданцы, работавшие для иностранных изданий и агентств. Кроме того, власти пытались вытеснить с места работы и заменить на членов Национального исламского фронта сотрудников межарабских изданий. Это было сделано, к примеру, в отношении корреспондента газеты «Аш-Шарк аль-Аусат» («Ближний Восток»). В 1990 г. был задержан и провел несколько дней в тюрьме корреспондент лондонской «Файнэншл таймс».

В 1990 г. было создано специальное бюро, занимавшееся контролем над всей поступающей в Судан иностранной прессой. Одним из чувствительных ударов по суданской журналистике было восстановление законоположения, согласно которому все печатные устройства должны были пройти регистрацию в министерстве внутренних дел. Сюда были включены ксероксы, копи-

ровальные аппараты, факсы и др. Одновременно был запрещен импорт всей печатной техники. Печатные устройства, не закрепленные за конкретными лицами, подлежали конфискации, а те их владельцы, которые своевременно не подали сведения о наличии у них оргтехники, привлекались к суду. Роспуск профсоюза журналистов повлек за собой конфискацию всей имевшейся в его распоряжении собственности. В результате репрессивных мер без работы оказались почти 600 журналистов, вынужденных искать место в других сферах, поскольку все газетные и журнальные издания, за исключением трех газет и одного журнала, были закрыты.

Суданские лидеры, тем не менее, не смогли игнорировать полностью необходимость развития СМИ. Вот почему в феврале 1990 г. была организована конференция, посвященная проблемам средств массовой коммуникации страны. На конференции всячески подчеркивалась роль прессы в воспитательной работе, развитии науки. Рассматривались вопросы подготовки журналистских кадров, в том числе и для зарубежной работы. Это свидетельствовало о том, что на данном этапе новые власти не стремились открыто демонстрировать свои планы по исламизации СМИ.

Если говорить о радиовещании, то радио Омдурмана не имело собственной частоты, на которой передачи можно вести долговременно. Вещание иногда прекращалось полностью, иногда для продолжения прослушивания передачи требовалось быстро переходить на другую волну.

В 1996 г. состоялось обсуждение проекта нового закона о СМИ. С обширным комментарием выступил Махджуб Урва, известный по своей журналистской работе еще в 1980-е гг. Он писал, что «существующий в Судане закон — это закон приоритета власти, а не исламский. Если государство... подтвердит, что оно приняло исламскую ориентацию, то ему следует придерживаться исламской теории в массовой коммуникации, а не опираться на приоритет власти и тоталитаризм» [Герасимов, 2001]. Далее автор заявил, что он внес на рассмотрение в комитет по вопросам прессы и закона о прессе раздел, заключающий в себе ислам-

ское учение, и предложил сделать его основой для управления повседневной журналистской деятельностью. В этом разделе под названием «Свобода прессы» декларируется право каждого на выпуск периодического издания и провозглашаются свободы, которые принято считать демократическими. Предложенный им текст представляет собой попытку увязать принятые во многих странах мира положения о деятельности СМИ с господствующей в стране системой идей, выраженной в исламском вероучении. Попытки исламизации прессы есть и в других арабских странах.

Конечно, в разных странах — различные подходы к управлению информационными потоками. В одних существует предварительная цензура, в других законы разрешают учреждать СМИ только государству или правящим партиям, в третьих более активно используются экономические рычаги воздействия. Радио и телевидение почти повсеместно регулируются государством. Различие политических систем в арабских странах предопределяет то многообразие условий, в которых приходится функционировать средствам массовой информации.

Страны Леванта, хоть и соседствуют друг с другом, в зависимости от существующих в стране политических систем и правящих режимов, используют различные способы регулирования информационных потоков [Байрамова, 2010].

Функционирование СМИ в Хашимитском Королевстве Иордания регулируется законом, основанном на ст. 31 Конституции Иордании. Называется он «Закон о печати и распространении». Закон действует с 1999 г., и пришел на смену закону 1993 г. и его изменениям 1998 г. Больших изменений он не претерпел, его структура и положения достаточно ясны, а отсутствие глобальных изменений говорит о политической стабильности государства. Ст. 2 вышеназванного закона определяет терминологию, применяемую в данном законе. Указаны должностные лица и области действия данного закона. Блок статей с 3 по 7 декларирует принципы свободы журналистики и требует от журналистов соблюдения прав граждан и уважения личности. Основной обязанностью журналиста определенного ст. 6 «Закона о печати и распространении» является информирование граждан Иорда-

нии. При этом информация должна быть достоверной. Публикуя статьи, издатели и журналисты принимают на себя обязанность доказывания достоверности информации.

Журналисту предоставлено право в соответствии со ст. 8 требовать и получать информацию из всех государственных органов. При этом закон Иордании «О печати и распространении» вводит одно ограничение — печатать криминальные новости можно только с разрешения органов ведущих расследование. Это распространяется и на иностранных журналистов. Такое положение узаконено в ст. 38, где в частности говорится, что если иностранец написал о криминальном событии без разрешения следственных органов, расследующих преступление, то он будет судим на территории Иордании по основаниям ст. 47 закона «О печати и распространении». Ст. 47 закона определяет штрафные санкции за подобные публикации. Штраф составляет от 5000 до 10000 иорданских динар. Естественно наложение штрафа — это прерогатива суда. Расследование правонарушений в области прессы и издательств в соответствии со ст. 41 возложено на прокуратуру.

Необходимо отметить, что любой журналист, в том числе и иорданский, обязан быть аккредитован (ст. 9) в министерстве информации Иордании. Журналист в соответствии со ст. 10 не может занимать иную должность, кроме должности журналиста. Большая часть закона определяет порядок образования изданий. К особенности Иорданской прессы необходимо отнести то, что финансирование изданий из-за рубежа запрещено законом.

Посмотрим на функционирование СМИ в Западной Сахаре [см. : Мухамед Фадель Али Салем, 2007, с. 20–31], где существуют весьма специфические условия для работы журналистов.

В современных условиях все признают роль, которую играют СМИ в освещении происходящего в любой точки нашей планеты. Учитывая, что освещение событий с места нахождения сахарского народа проблематично, власти Марокко с первого дня своей оккупации страны блокировали любой доступ иностранным журналистам к захваченной территории. Долгое время единственным информационным источником об оккупированной террито-

рии Западной Сахары были только марокканские СМИ. Говорить о журналистике в Западной Сахаре, это означает рассматривать различные периоды, через которые народ Западной Сахары проводил свою борьбу за свободу и независимость. Во время испанского колониализма фактически не существовало СМИ, кроме тех, которые пропагандировали испанские идеи или показывали слабые стороны западносахарского общества. С 31 октября 1975 г. на оккупированной Марокко части Западной Сахары господствовали только официальные СМИ, которые являются средством распространения политики Марокко. Как уже отмечалось религиозность — это одно из отличительных свойств арабского мира. Поэтому религиозными властями Марокко, было объявлено, что кто не согласен с официальной позицией СМИ Марокко, тот просто грешник. Аргументировалось это тем, что король Марокко лицо не подлежащее критике, а, следовательно, и вся королевская пресса не может подвергаться сомнению.

Захваченная Марокко часть Западной Сахары находится в информационной блокаде в прямом смысле слова. В связи с этим борьба коренного населения Западной Сахары на этих территориях не освещается СМИ.

Как и в любом государстве, основным законом, определяющим направление деятельности сахарского народа, является Конституция. Ст. 2 Конституции Сахарской Арабской Демократической Республики указывает, что ислам — религия государства и основной источник закона. Поскольку государственной религией в САДР является ислам, то следование его догмам для журналистов Западной Сахары является обязательным. Но САДР не исламское государство в прямом смысле этого слова, а демократическое государство, где законы создаются в соответствии с нормами Международного права. Конституционные гарантии, касающиеся информации, можно найти во 2 главе Конституции. В соответствии со ст. 30 Конституции САДР «Право выражать собственное мнение в устной или письменной форме гарантировано законом в установленных законом пределах. Каждый гражданин имеет право на получение информации». В настоящее время существуют множество СМИ в стране. После тридцати лет суще-

ствования САДР образовались не только государственные СМИ, но и не государственные. Усилия Фронта ПОЛИСАРИО и САДР направлялись к созданию своих собственных СМИ. Несмотря на ограничение материальных средств и нехватку подготовленных кадров в этой области наш народ смог достичь намеченной цели. После образования Фронта ПОЛИСАРИО был создан комитет информации, который подготовил и распространил материалы о происходящем в Западной Сахаре. Этот шаг укрепился после провозглашения САДР 27 февраля 1976 г., когда образовалось министерство информации. Появились свои собственные СМИ, которые получили различные формы распространения, такие как: газеты и журналы, радиостанции, Сахарское Информационное Агентство (SPS), телевидение САДР и Интернет.

Газеты и журналы.

В первое время своей освободительной борьбы народ Западной Сахары под эгидой Фронта ПОЛИСАРИО не имел больших возможностей для распространения информации. В начальной стадии существовали нерегулярно выпускаемые на копировальных аппаратах бюллетени. К этому периоду были выпущены месячные журналы такие, как «20 мая», «Джихад эль-Жануб» и др. Постепенно Фронт перешел к более качественным средствам. Уже за три месяца до ухода Испании 13 ноября 1975 г. был создан журнал «Сахара эль-Хорра» (Свободная Сахара). Первые номера были опубликованы на арабском, испанском и французском языках. Главные Заголовки ограничились новостями и военными коммюнике. Сейчас этот журнал стал одним из главных источников информации САДР и выходит еженедельно большим тиражом (10 тыс. экземпляров). На страницах журнала можно найти различные статьи о геополитике в регионе, об экономике, культуре и другие материалы касающиеся жизни САДР.

Существуют периодические журналы общественных организаций: журнал «8 марта» женской организации, журнал «10 мая» — молодежной организации, журнал «20 октября» — профсоюзной организации. Исходя из географического положения, в настоящее время журналы, как средство массовой информации являются наиболее читаемыми.

Радиостанции.

Впервые голос Западной Сахары был услышан в третьем квартале 1975 г. через радиостанции «Голос Сагия ва эль-Вади» и «Сахара эль-Хорра», которые ежедневно в течение часа передавали материалы о ситуации в Западной Сахаре.

Через два месяца, 28 декабря 1975 г., после вторжения марокканских войск на западносахарскую территорию была создана Национальная радиостанция Западной Сахары. Несмотря на нехватку средств, она играла важную роль в прорыве информационной блокады Западной Сахары. В первое время (до 1978 г.) мощность передачи не превышала 4 киловатта и ее передача не превышала ежедневно 2-х часов. С 4 декабря 2005 г. радиостанция вошла в сеть международных информационных программ и ведет постоянные передачи на арабском и испанском языках (URL: <http://web.jet.es/rasd/radionacional.htm>).

Районные (областные, провинциальные) радиостанции. Областные радиостанции существуют с 1999 и ведут в течение 4-х часов свои передачи на волнах FM. Они фактически покрывают территории всех провинций и в то же время являются студиями прямых трансляций между этими областями и центральной радиостанцией САДР.

Сахарское Информационное Агентство (SPS).

Агентство информации САДР было образовано 29 марта 1999 г. Оно распространяет актуальный информационный материал о борьбе народа Западной Сахары на 4-х (арабском, испанском, французском и английском) языках через официальный сайт (URL: www.spsrasd.info).

Телевидение САДР.

Построен телецентр, который начал свои передачи 7 декабря 2004 г. В настоящее время покрывает всего лишь районы лагерей беженцев Западной Сахары (URL: www.rasd-tv.com).

Интернет.

Существуют около 100 сайтов о Западной Сахаре на многочисленных языках:

— сайт Государства Западной Сахары (URL: <http://www.rasd-state.ws>);

- сайт Союза журналистов и писателей Западной Сахары (URL:<http://www.upes.org>);
- сайт посольства САДР в Алжире (URL:<http://www.ambrasd.org>);
- сайт САДР на русском языке (URL:<http://www.ecosahara.com>);
- сайт САДР о нефти и газе (предложения о продаже лицензий) (URL:<http://www.sadroilandgas.com>);
- сайт Интифада в Западной Сахаре (URL: <http://www.cahiersdusahara.com>);
- сайт Ассоциация семей заключенных и пропавших без вести в Западной Сахаре (URL:<http://www.afapredesa.org>);
- сайт общей панорамы о Западной Сахаре (URL:<http://www.saadasahara.com>) и др.

В отличие от остальных арабских и африканских стран в Сахарской Арабской Демократической Республике очень высокий уровень образования населения: неграмотных среди взрослых фактически нет; большое число лиц с высшим образованием, полученным за рубежом, и людей с учеными степенями и званиями. Регулирование СМИ осуществляется в соответствии с существующим в стране законодательством.

Мы привели только несколько примеров. Следует отметить, однако, что наблюдается определенный разрыв в законах о СМИ арабских государств. Собственно говоря, это общемировая проблема. Необходимость гармонизации и даже унификации законов о СМИ ощущается повсеместно. Очень многие положения законов (а чаще всего реальная журналистская практика) жестко регламентируют тематику публикаций и даже тон газетных и журнальных публикаций, радио- и телепередач [см.: Михайлов, 2008, с. 49–81].

Характерные для многих стран арабского мира клановость, сильная зависимость политиков от племен, закрытость механизма выработки и принятия решений наложили свой отпечаток на функционирование массмедиа. Если во всех странах мира журналисты стараются закрепить за определенными работниками редакций конкретную тематику, то в ряде арабских стран это стремление получает несколько неожиданную реализацию.

В иорданских газетах и журналах, например, никто не может писать на темы, «закрепленные» за штатным журналистом; подобная практика существует в йеменском агентстве «Саба».

Саморегулирование СМИ в арабских странах осуществляется с некоторыми отличиями, скажем, от европейских традиций. Здесь омбудсмены по прессе, как в странах Северной Европы, не избираются и не назначаются; творческие и профессиональные союзы журналистов заметного влияния на функционирование СМИ не оказывают; этические кодексы не получили заметного распространения. И вместе с тем, можно уверенно говорить, что саморегулирование СМИ осуществляется достаточно жестко.

Свободе слова и свободе печати в последние годы посвящается немало публикаций, многие из которых в той или иной степени затрагивают проблему регулирования прессы. При внимательном рассмотрении этой проблемы невольно обращаешь внимание на парадоксальную ситуацию: в странах, где законом предоставлены широчайшие права и свободы, существует достаточно жесткая и продуманная система саморегулирования прессы. И наоборот: там, где законы достаточно строги и не так много возможностей для проявлений свободомыслия, система саморегулирования может находиться в зачаточном состоянии. Это наблюдение в полной мере относится и к арабским странам.

Отличительной чертой современного периода является разобщенность международного журналистского движения. Оно осуществляется через многочисленные универсальные объединения глобального типа, специализированные организации и союзы, различные объединения на региональном и надрегиональном уровнях. Арабские журналисты активно участвуют в работе различных международных союзов, ассоциаций и организаций — как с глобальным охватом членов, так и региональных. Международное журналистское движение на современном этапе отражает политические и экономические реалии мира и характеризуется разнообразием форм, методов, организаций. Существуют международные неправительственные и правительственные организации в сфере деятельности средств массовой

информации, региональные и надрегиональные, религиозные, национально-этнические и проч.

Среди самых влиятельных международных журналистских организаций универсального характера следует назвать Международную организацию журналистов (МОЖ), создание которой было провозглашено Всемирным конгрессом журналистов в марте 1945 г. (I учредительный конгресс состоялся в июне 1946 г. в Копенгагене) и отколовшуюся от нее в 1952 г. Международную федерацию журналистов (МФЖ).

История развития показала силу и жизненность этих организаций. Если в первые десятилетия своего существования МОЖ помимо профессиональных вопросов держала в поле своего зрения и вопросы политические, то МФЖ стремилась ограничить круг работы вопросами условий труда, журналистской этики, подготовки кадров и т. п.

Основными целями МОЖ являются защита мира, укрепление дружбы и сотрудничества между народами с помощью свободного, правдивого и честного информирования общественности, защита свободы печати и прав журналистов. Организация объединяет работников средств массовой информации, стоящих на прогрессивных, демократических позициях, независимо от их политических, социальных и религиозных убеждений. В ней представлены национальные организации, союзы, группы и комитеты, профсоюзы журналистов, а также индивидуальные члены. Журналисты, принятые в МОЖ, могут оставаться членами иных журналистских объединений. Некоторые журналистские организации пользуются статусом наблюдателей в Международной организации журналистов.

В организацию входит более 300 000 членов из более чем ста стран мира. Высший орган — конгресс, созываемый один раз в пять лет. В период между конгрессами руководство осуществляет исполнительный комитет во главе с президиумом. Повседневную работу проводит генеральный секретариат.

При организации работают комиссии: социальная, профессиональная, а также клубы, секции, центры по подготовке журналистов в Будапеште, Берлине и Софии. Официальные

языки — английский, арабский, испанский, русский, французский, немецкий. Организация имеет консультативный статус при ЭКОСОС (категория II), ЮНЕСКО (категория В).

Сейчас Международная организация журналистов, по праву считающаяся самой массовой, переживает трудные времена. Несмотря на рост числа коллективных и индивидуальных членов МОЖ, ей не удастся завершить начатые еще в 1990 г. глубокие изменения в характере, структуре и общей политике. Этому, в частности, мешает продолжающееся дробление национальных журналистских союзов. Если раньше МОЖ активно поддерживала неприсоединившиеся страны в их стремлении создать Новый международный информационный и коммуникационный порядок, то сейчас выработала новую стратегию, согласованную с линией ЮНЕСКО.

Другая массовая организация журналистов — МФЖ — своими целями объявила защиту свободы печати и содействие высокому профессиональному уровню журналистов, сбор, хранение и публикацию статистических и других документов, представляющих интерес для журналистов. Членами МФЖ являются национальные союзы журналистов 50 стран (индивидуальных членов более 150 000). Высшим органом федерации является конгресс, а в период между конгрессами — руководящее бюро. Должностные лица федерации — президент, вице-президенты, генеральный секретарь, а также советники, занимающиеся в основном региональными проблемами. Официальные языки — английский, немецкий и французский. МФЖ имеет консультационный статус при ЭКОСОС (категория II), ЮНЕСКО (категория В), Международной организации труда — МОТ, Совете Европы.

Крупнейшие универсальные журналистские организации в последнее время стали налаживать более тесные контакты с ЮНЕСКО и другими специализированными учреждениями ООН, с Международной организацией труда (МОТ) и различными объединениями профсоюзов. Идет сближение позиций МОЖ и МФЖ по многим направлениям, но реальных перспектив возможного объединения этих журналистских организаций не наблюдается.

Среди тенденций дальнейшего развития международного журналистского движения в первую очередь необходимо назвать ярко выраженную регионализацию. Она прослеживается на всех континентах. Развитие саморегулирования СМИ в арабских странах тесно связано с правительственными инициативами и государственным регулированием.

Регионализация проявляется не только в создании региональных и надрегиональных журналистских организаций, но также в формировании объединений информационных агентств, что позволяет «объявлять повестку дня» средствам массовой информации целого ряда стран. Активно работает, например, Ассоциация информационных агентств стран Персидского залива.

Важную роль в саморегулировании СМИ играют такие международные организации, как Лига арабских государств (ЛАГ), Организация Исламская Конференция (ОИК), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива и др. [см.: Койбаев, 2006].

В сентябре 1980 г. в Джакарте состоялась конференция органов коммуникации исламских стран, которая приняла два важных документа: Декларацию первой международной конференции органов массовой информации мусульманских стран и Кодекс чести органов массовой информации мусульманских стран. Конференция призвала укреплять взаимное сотрудничество между органами массовой информации мусульманских стран, использовать культурные учреждения и аппарат средств массовой информации для борьбы с любой антиисламской кампанией зарубежных средств массовой информации.

Были созданы рабочие комитеты:

- по изучению опасностей, грозящих мусульманам в области духовной жизни;
- по разработке кодекса органов массовой информации (ОМИ) и положения об удостоверении журналиста, представляющего средства массовой информации мусульманских стран;
- по изучению программ и развитию органов массовой информации.

Была принята развернутая программа действий, предусматривающая создание факультетов исламской журналистики университетах для «подготовки и обучения молодых людей обоего пола и приобщения их к работе в органах массовой информации», а также института для подготовки руководящих кадров для СМИ; привлечение к работе в СМИ всех специалистов-мусульман. Вне исламского мира поручалось создать центр по сбору информации для последующего использования ее в средствах массовой информации мусульманских стран. Особо была подчеркнута необходимость повышенного внимания СМИ к характеру и содержанию информационных материалов о событиях в мусульманских странах. Была поставлена задача организовать выпуск ежедневной газеты, еженедельника и ежемесячного журнала на различных языках во всех столицах мусульманских стран и столицах крупнейших государств мира и одновременно учредить несколько рекламных фирм по распространению этих изданий.

Конференция установила информационные барьеры, призывая запрещать и не выпускать газеты, брошюры, книги и т. д., которые идут вразрез с принципами ислама и которые подрывают веру молодых поколений мусульман; не допускать оказания финансовой помощи средствам массовой информации, настроенным против мусульман. В соответствии с Кодексом чести органов массовой информации мусульманских стран задачами СМИ являются:

- укрепление веры мусульман в ценности и этические принципы ислама;
- содействие гармоничному религиозному развитию каждого мусульманина;
- правдивое освещение событий в рамках правил поведения, устанавливаемых исламом; разъяснение мусульманину его обязанностей, прав и свобод.

Объектами противодействия со стороны органов массовой информации мусульманских стран Кодекс объявляет колониализм, агрессию, фашизм, расизм и сионизм, предупреждая при этом, что «сотрудники средств массовой информации мусульманских стран должны быть бдительными ко всем антиисламским тео-

риям и течениям». Отдельно в ст. 3 Кодекса сформулированы требования, предъявляемые к сотрудникам СМИ мусульманских стран. Сотрудник должен:

- проверять все материалы в целях ограждения мусульманской веры от влияний, идущих вразрез с ценностями ислама;
- усердно выполнять свои обязанности;
- хранить верность исламским традициям;
- воздерживаться от использования бранных слов, выражений и циничных высказываний, клеветы, от распространения провокационных слухов, пропаганды войны и от других недостойных действий. Необходимо полностью исключить из передач и печатных изданий коммерческую рекламу, которая «является нарушением моральных норм».

В Кодексе чести мусульманским журналистам была вменена в обязанность пропаганда «истинной веры», освещение истории ислама, достижений исламской цивилизации, популяризация вероучения и сущности законов шариата. Им предписывалась необходимость быть если не инициаторами, то активными участниками обсуждения важнейших социальных, экономических и политических проблем, стоящих перед «миром ислама», включая и те, которые касаются борьбы «за освобождение Палестины».

В Кодексе особое внимание уделялось проповеди «мусульманского братства», а также звучал призыв к сотрудникам мусульманских информационных служб «бороться со всеми формами колониализма, агрессии, фашизма и расизма», «разоблачать реакционную сущность сионизма, бороться против колонизаторской политики Израиля, в том числе против создания поселений на оккупированных арабских территориях, а также против жестокого подавления палестинского народа». И наконец, еще одно важное требование — «следить за тем, чтобы информационные материалы не противоречили исламским ценностям».

На основе ст. 4 Кодекса был создан постоянно действующий Генеральный секретариат органов массовой информации исламских стран со штаб-квартирой в Мекке. В функции генерального секретаря входит организация и координация различных мероприятий, проводимых органами массовой информации

исламских стран, действий их сотрудников в этой области в любой части земного шара. Первым генеральным секретарем был назначен шейх Али аль-Харакан, секретарь Лиги исламского мира. С этого же времени стали выдавать специальные удостоверения тем сотрудникам средств массовой информации, которые выразят согласие работать под руководством Постоянного генерального секретариата. Кодекс предусматривает создание других координационных и целеполагающих органов мусульманских государств в области средств массовой информации, в том числе Верховного всемирного совета в составе 24 членов из числа выдающихся мыслителей и специалистов, представляющих различные районы мусульманского мира. В задачу совета входит разработка генеральной политики органов массовой информации мусульманских стран. Совету подотчетны два агентства: агентство планирования деятельности органов массовой информации мусульманских стран на международном уровне и агентство по осуществлению этих мероприятий в различных областях деятельности органов массовой информации. Существует структура и на региональном уровне — центры координации деятельности органов массовой информации мусульманских стран [Койбаев, 2006, с. 64–117].

Схема координации и управления деятельностью органов массовой информации содержит независимую мусульманскую акционерную компанию для распространения печатных изданий на основе перспективных исследований, а также союз исламских издательств. Конференция подчеркнула необходимость развития радиостанции «Голос ислама» в Мекке, с тем чтобы «голос ислама был слышен во всем мире».

Вся эта обширная программа создана для «защиты умов мусульман от пагубного воздействия зарубежных средств массовой информации»; и, как откровенно заявлял доктор Марый Манкур, чтобы «в этот век противоборствующих концепций, философий и воззрений пропаганда ислама была верна и предана религии Аллаха». Автор обширного исследования «Информационная ответственность в исламе» доктор Мухаммед Сейед Мухаммед считает, что наиболее важными проблемами исламских инфор-

мационных агентств являются: отсутствие координации между ними, нехватка средств соответствующих программ, пригодных для целей исламской информации.

Информационная деятельность, которая была спланирована Советом министров информации арабских стран после перевода штаб-квартиры ЛАГ в Тунис, представляется наиболее адекватной и универсальной политикой в области информации. Ее суть такова:

- освободить общеарабскую работу в области информации, проводимую особенно за пределами арабского мира, от разногласий и внутренних противоречий; подтвердить общую решимость противостоять Израилю, а также способность арабского мира решить ближневосточный конфликт после замораживания членства Египта в ЛАГ;

- углубить по мере необходимости универсальный взгляд на проблемы информации, охватывающие вопросы политики, культуры и цивилизации;

- подтвердить важность организации информации в системе международных отношений в арабском мире;

- использовать информационные возможности арабских землячеств за рубежом, укреплять и координировать работу дружественных организаций и объединений за границей;

- подтвердить необходимость существования арабских информационных служб в развивающихся странах;

- сделать упор на трех главных пунктах в основе информационной работы арабских государств: 1) палестинская проблема — это основа конфликта на Ближнем Востоке. Ее справедливое решение возможно с признанием права палестинского народа на самоопределение и создание им своего независимого государства. Признание того, что Организация Освобождения Палестины является единственным законным представителем палестинского народа. Акцент на то, что справедливый мир возможен лишь при уходе Израиля с оккупированных арабских территорий; 2) расширить представления об арабских народах и подчеркнуть решимость арабов сблизиться и сотрудничать со всеми странами мира; 3) подтвердить право арабских народов

на получение современной технологии в различных областях для развития стран и их участие в сокращении экономического разрыва между развитыми и развивающимися государствами.

Деятельность в области информации, проводимая арабскими государствами в рамках Лиги, охватывает значительное число сторон общеарабских действий, которые являются негативными и подвержены влиянию субъективных оценок. Местнические интересы стран и даже сам перенос штаб-квартиры Лиги в Тунис привели к тому, что арабские народы более всего пострадали в плане информационного обеспечения, т.к. информация на долгое время была направлена в основном за пределы арабского мира. С другой стороны, местнические интересы во многих случаях ограничивали информационную работу, сводили ее до уровня информационной деятельности отдельных стран, где транслировалась лишь та информация общеарабского характера, которая соответствовала интересам правительств конкретных стран. В некоторых случаях местнические воззрения становились доминирующими над общенациональными, если между ними возникали различия.

Такие оценки и подходы воздействовали на область информации по ряду причин. Так, существующие информационные службы не сумели гармонично связать информационную работу с внутренней политической практикой в тех районах, где они не были представлены, или не могли оказать должное влияние. Подобная ситуация не смогла создать необходимые условия для того, чтобы пробить брешь во враждебной пропаганде, серьезно повлиять на работу среди народных масс этого региона. Информационные службы арабских стран не сумели занять достойное место в отношениях и в механизме, которые связывают и определяют взаимодействие средств массовой информации и общественного мнения с политической властью.

Кроме того, возникли упущения в единой внешней политике арабских государств, а местническая политика приходила в противоречие с судьбоносными проблемами арабов, подтверждая и упрочивая искаженное представление об арабах и их делах, особенно в западных странах, где действуют мощные национальные

средства информации, определяющие умонастроения основных социальных групп. За исключением октябрьской войны 1973 г., информационная служба Лиги арабских стран не сумела внести свой вклад в продвижение проблем арабских народов в разряд первоочередных и приоритетных в плане воздействия на общественное мнение, как не смогла поднять уровень понимания народными масс своих собственных проблем. Арабы в этой ситуации не смогли предпринять необходимых шагов и занять конструктивные позиции с целью изменения тенденций и негативных мнений, господствующих в западном мире относительно арабов, или создать условия, позволяющие арабам достойно войти в процесс определения политического выбора. Иначе говоря, региональная политическая практика арабских организаций, их информационная деятельность не позволила им сыграть позитивную роль в этом процессе.

Информационная деятельность ЛАГ, направленная на политическое просвещение населения развивающихся стран, поддерживающих или сочувствующих проблемам арабских государств Ближнего Востока, носит положительный характер. Но этот позитивный момент не связан с сутью информационной деятельности, а связан с той ролью, которую играют сами средства информации в поддержке и упрочении господствующих тенденций и мнений. Практически этот положительный итог может быть подтвержден лишь путем социологического выяснения общественного мнения и оценки степени близости, которой добилась информационная служба в отношении поставленных целей. Однако подобные социологические исследования в полной мере еще не проводились.

Периодическая печать в арабских странах считается важным информационным средством, привлекающим внимание значительного числа читателей. Она выпускается для тех, кто управляет общественным мнением и лиц, проявляющих внимание к тем проблемам, которые затрагиваются печатью. Периодика набрала необходимую силу воздействия с тех пор, как стала выходить регулярно и организовано. Она может затрагивать темы, содержащие различные воззрения и являющиеся гибкими с точки зрения объема и формы.

Независимо от существующей в том или ином государстве правовой системы, средства массовой информации функционируют во вполне определенном правовом поле. Разнобой в национальных законодательствах о СМИ в условиях глобализации информационного пространства создает определенные трудности при международном обмене информацией.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Амелин В. Н. Власть как общественное явление // Социально-политические науки. 1991. № 2.

Арон Р. Историческое объяснение // Философия и общество. 2003. № 4(33).

Багдикян Б. Монополия средств информации. М., 1987.

Багерстам Э. Свобода прессы в демократическом обществе: настольная книга по этике прессы / пер. с эст. Тарту – Виллингби, 1992.

Байрамова Э. К. Функционирование СМИ арабских стран в условиях различных политических систем: на примере Иордании, Ливии и Сирии: автореф. дис. ... канд. полит. наук, СПбГУ, 2010.

Бакланов В. Власть и пресса. Как им ужиться? // Российская газета. 2000.

Бельсон, Я. М., Ливанцев, К. Е. История государства и права США / Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР качестве учеб. пособ. для студ. высш. учеб. завед., обучающ. по спец. «Правоведение» / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.

Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. 2-е изд., доп. М.: МНИМП, 1999.

Борхорд К. Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. М., 1996.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избр. произведения / под ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1990.

Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества (Национальное своеобразие средств массовой информации Германии: исторические предпосылки, особенности становления и эволюция, типологические характеристики, структура, состояние на рубеже тысячелетий) / 2-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во Москов. ун-та, 2011.

Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. 1950.

Герасимов И. В. Периодическая печать Судана. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001.

Гидденс Э. Политика, управление и государство // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 3.

Давид Р., Жоффере-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М: Междунар. отнош., 1998.

Действующее международное право: в 3 т. / Сост. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. Т. 1. М. 1996.

Доценко М. Советское социалистическое право // Советское государство. 1936. № 3.

Законы и практика средств массовой информации в Европе, Америке и Австралии / под ред. А. В. Брагиной. М.: Права человека, 1995.

Кальвокоресси П. Мировая политика 1945–2000: пер. с англ.: в 2 кн. Кн.1. М.: Междунар. отнош., 2003.

Койбаев Б. Г. Международные организации: информация и безопасность на Ближнем Востоке. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2006.

Конституционное право Российской Федерации: сборник судебных решений. СПб.: Паритет, 1997.

Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. М.: Новая шк., 1995.

Крылова И. С. Роль Европейского парламента в интеграционных процессах стран Европейского Сообщества // Европейская интеграция: правовые проблемы. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992.

Курский Д. И. На путях развития советского права. М., 1927.

Матвеев В. А. Империя Флит-стрит. М., 1961.

Михайлов С. А. Журналистика Соединенных Штатов Америки. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004.

Михайлов С. А. Журналистика стран Северной Европы. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2003.

Михайлов С. А. Проблемы современной арабской журналистики. СПб.: Роза мира, 2008.

Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: состояние, перспективы. СПб.: С-Петербур. гос. ун-т, ф-т журн., 1998.

Мухамед Фадель Али Селем. Становление СМИ в Сахарской Арабской Демократической Республике // Путь. 2007. № 1.

Никифоров Б. С., Решетников Ф. М. Современное американское уголовное право / отв. ред.: Власихин В. А. М.: Наука, 1990.

Никонов С. Б. Глобализация и СМИ. СПб.: Роза мира, 2006.

Палестина: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 181(II) 29 ноября 1947 г. // Действующее международное право : в 3 т. Т. 1. М.: Моск. независ. ин-т междунар. права, 1996.

Попов Н. П. Политизация массового сознания в США. М., 1981.

Правовые и социально-экономические аспекты деятельности средств массовой информации: сб. ст. / отв. ред. Ю. В. Мишальченко. СПб., 1996.

Примаков Е. М. Конфиденциально: ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI). М.: ИИК «Российская газета», 2006.

Пашуканис Е. Сталинская Конституция и социалистическая законность // Сов. государство, 1936. № 4.

Пюю А. С. Политический плюрализм: опыт Франции: автореф. дис. ... д-ра соц. н. СПб., 1993.

Сборник важнейших документов по международному праву: часть 2 особенная. М., 1997.

Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам

с комментариями и пояснениями / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. Михлин А. С.; [сост.: Михлин А. С., Казакова В. А., Казакова Е. Ю., Михлина Н. Д.]. М., 1999.

Современная наука и журналистика: тезисы науч.-практ. конф., Л., 1991.

Соколов В. С. Периодическая печать Франции. СПб., 1996.

Соколов В. С., Виноградова С. М. Периодическая печать Великобритании. СПб., 2000.

Соколов В. С., Виноградова С. М. Периодическая печать Италии. СПб. 1997. С. 7-9.

Сравнительное конституционное право / под ред. А. И. Ковлера, В. Е. Чиркина, Ю. А. Юдина. М., 1996.

Стучка П. И. Избранные произведения марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964.

Фабрициус Ф. Права человека и европейская политика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Хрестоматия по международному праву в пяти томах. Право международных договоров. Составитель Бахин С.В. Т. 2. СПб., 1997.

На службе монополий: информационно-пропагандистский ком-плекс стран капитала / под ред. проф. Я. Н. Засурского. М., 1977.

Bayefsky A., Fitzpatrick International Human Rights Law in Unation States Cours. A Comparative Perspective, 14 Mich.J. of Int"i l. 1, 48 (1992).

Braman S. The Righth to Create. Cultural Policy in the Fourth Stage of the Information Society // Gazette. 1998. Vol 60. № 1.

David R., Pugsley D. Les Contrats en Droit Anglais. Paris, 1973.

Dawson R., Prewitt K. Political Sozialisation. Boston, 1969.

Joun des Lograis F. Van der Sprenkel S. Legal Institutions in Manchu China // Joun des Lograis F. Van der Sprenkel S. Legal Institutions in Manchu China // L"Est et l'Ouest / Institutions du Japon et de l"Occident comparees. Tokio, 1958.

Lasswell H. D., Kaplan A. K. Power and Society. New Haven: Yale University Press, 1950

Ligens v. Austria, Judgment of 8 July 1986, Series A no 103, para 42.

Lingart R. Les sources du droit dans le systeme traditionnel de l'Indie. [S. 1.], 1967.

Makdisi J. An Inquiry into Islamic Influences during the Formative Period of the Common Law // Islamic Law and Jurisprudence. 1990.

Maus D. Aborder le droit constitutionnel. Paris; Seul, 1998.

Merrill J. The Elite Press. N.Y., 1968.

Milson S.F. Historical Foundations of the Common Law. New York, 1981.

Mc Qual D. Sociology of Mass Communications. Harmondsworth etc. 1976.

Parsons T. On the Concept of Influence // Public Opinion Quarterly. 1963. Vol. 27. № 1.

Postema G.-J Bentham and Common Law Tradition. [S. 1.], 1986.

Rivero J. Sanction juridique et regle de droit // Etudes juridiques offertes a L. Julliot de la Morandiere. 1964.

Russell B. The Forms of Power // Power / ed. by Steven Lukes. Oxford: Blackwell, 1986.

Tanaka K. La democratie et la justice au Japon // Revue de la commission internationale des juristes. T. 2. 1959–1960.

The Sundry Times v. UK, Judgment of 26 April 1979, Serries A no, 30, para 65.

Учебное издание

Сергей Анатольевич Михайлов
Сергей Борисович Никонов

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ О СМИ**

Учебное пособие

Редактор А. В. Лужкова

Верстка А. В. Лужковой

Подписано в печать 02.02.2012. Формат 60X84¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура CharterITC. Печать офсетная.
Печ. л. 9,5. Тираж 100 экз. Заказ 10.

Отпечатано в Лаборатории оперативной печати факультета журналистики
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 26